РОМАН ЗОПОТОВ

ИЗ КРОВИ

18+

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

ЗА РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ! ЗА РОД ГОДУНОВЫХ!

ПЕРВАЯ КАПЛЯ

Роман Золотов
Первая Капля

https://litres.ru/74662049
SelfPub; 2026

Аннотация

Корпорация «Горизонт» — работа мечты. Платим кредитами, кормим синтетикой, выдаём скафандр и отправляем в порталы за образцами. А ещё у нас соцпакет: пять часов культурной программы в месяц.

Слащаво, правда?

Так я жил, пока в очередном мире меня не начала жрать тварюшка размером с дом. Думал, конец. Но вместо смерти — вспышка, пустота в груди и пробуждение магии. Очнулся уже в другом месте. Без скафандра, без связи, без СИМЫ в голове. Зато с «источником», который местные называют даром, и с новостью, что я только что завалил монстра-матриарха.

Теперь я никто. Беглец из мира, о котором здесь не слышали. Шпион по умолчанию. Но у меня есть магия, которую я не умею контролировать, и цель — выжить. А заодно понять, куда делась моя напарница, и не сдохнуть от голода или местной стражи уже сегодня.

Добро пожаловать в мою новую реальность. Здесь убивают за странную одежду, а за магию — возводят в дворяне. Или вешают. Посмотрим.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	61
Глава 5	81
Глава 6	102
Глава 7	127
Глава 8	144
Глава 9	161
Глава 10	186
Глава 11	211
Глава 12.1	235
Глава 12.2	251
Глава 13	265
Глава 14	282
Глава 15	297
Конец ознакомительного фрагмента.	314

Роман Золотов
Первая Капля

Глава 1

Москва, 2124 год. Купол «Армагеддон»

Шлюз УПП передо мной — серая плита. Ни шва, ни блика, ни движения. Гладкая, как надгробие. Я смотрю на неё и чувствую, как усталость скребёт под рёбрами. Черт бы побрал это место.

Меня зовут Роман Снегирев. Двадцать семь. Шестой уровень допуска. Агент-исследователь «Горизонта» — корпорации, которая давно заменила правительство. Нас осталось девять миллионов. Все — под куполами. Планета мертва. В моей жизни были металл, пластик, синтетическая пища и бесконечные коридоры «Бета-7». Воздух здесь фильтруется по расписанию, пахнет хлоркой и пластиком. На каждом шагу — плакаты: агентам запрещено покидать уровень. А впереди — щель в реальности.

УПП, Устройство Пробоя Пространства, — единственное, что не даёт нам сдохнуть от голода. Может, однажды через него мы выйдем из Куполов. Хотя в спасение давно никто не верит. Агенты знают: добыча оседает в лабораториях, из неё делают оружие. Корпорации нужно чем-то держать жи-

телей в узде.

Принцип прост. Устройство рвёт ткань бытия в одной точке. В разрыв входит один человек. Пока он не вернётся, пробой заблокирован — второго не отправить. Подкрепления нет, связь почти отсутствует. Только ты и то, что ждёт по ту сторону.

За месяц — три провала. Серный мир, где кислород выжигал лёгкие. Голый камень, кишащий полуразложившимися тварями. Пустота — просто пустота; учёные назвали это сбоем, а агента так и не нашли.

Мир 22130 стал четвёртым.

Я шагнул в него два месяца назад по нашему времени — и впервые понял, что значит дышать. Не фильтрованной дрянью, а настоящим воздухом: озон, мокрая земля, гниющие листья. Я стоял на траве. На траве! Живой, зелёной, холодной от росы. Из носа пошла кровь, голова поплыла.

СИМА щёлкнула в затылке:

— «Зафиксирован психоэмоциональный всплеск. Рекомендую стабилизацию. Внимание: окружающая среда содержит неизвестные химические соединения и следы биополя, несовместимые с вашим метаболизмом. Экзо-костюм работает в штатном режиме. Дыхательная смесь — семьдесят восемь процентов совместимости. Рекомендуется продолжать миссию».

СИМА. Симбиотический Искусственный Мысленный Анализатор. Таракашка в черепе, вшитая в подростковом

возрасте. Обязательная процедура для всех, кто выходит наружу. По возвращении она докладывает корпорации. Я привык. Мы все привыкли. Плевать, что она шпионит: базы данных, медицина, тактика, боевые модули — без неё я давно был бы трупом.

Я сделал первый шаг.

Леса. Настоящие. Не гидропонные стеллажи, не генетически выровненные плантации, а стволы в несколько обхватов, кора в мху, запах хвои. Откуда я знаю, как пахнет хвоя? Видел образец, который агент сдал в приёмник. Небо — голубое. Облака — белые. Ленивые.

И магия. Я почувствовал её сразу, даже сквозь экзо-костюм. Ток — не в проводах, а в самой материи: в земле, в воздухе, в крови. СИМА тут же отозвалась:

— «Неопознанная энергия. Частота нестабильна. Интенсивность варьируется. Природа неизвестна. Предварительный вывод: данная реальность функционирует на принципах, не совпадающих с фундаментальными законами нашей вселенной. Рекомендация: осторожность».

Спорить я не стал. Я пришёл за образцами.

Магозвери. Так их назвали первые исследователи. Твари выходили из разрывов реальности — порталов. Они не боялись человека. Убивали не из злобы, а по инстинкту. Звери — что с них взять.

За два месяца я добыл тринадцать образцов. Кости, шкуры, кристаллические отложения, куски органов. Каждый раз

рисковал шкурой. Каждый раз СИМА сообщала, что шансы выжить падают. Я не слушал.

Я видел, как жидкий металл в пробирках светится в темноте. Как кости сплетаются в узоры, которые не повторит ни один станок. Как кровь вспыхивает от электричества. Если мы научимся это воспроизводить — если принесём домой не только образцы, но и понимание, — может, начнём строить новую Землю. Ха. Святая наивность. Я знал: образцы пустят в оборот, и «непогрешимые» главы будут сидеть у власти ещё крепче.

Я давно бредил побегом из опостылевшего Купола. Этот мир казался ничего. Я поглядывал на УПП. Думал: а если сломать его? Случайно. Скинуть скафандр и уйти на все четыре стороны. Останавливало одно: мир обитаем. Здесь феодализм. Параллельная Россия. Такое государство было в нашем мире ещё до моего рождения.

Я сплюнул, осмотрелся. Анализатор показывал бесхозный кластер, набитый неизвестной энергией. Мы называем такие «Гнёздами».

Гнездо пряталось в пещере, которую я нашёл неделю назад. СИМА окрестила её «Лесной пастью» — вход напоминал раскрытую глотку хищника, поросшую лишайником. Внутри пахло гнилью и чем-то сладким. Слишком сладким.

Я шёл по чреву пещеры два часа. Световой излучатель на плече резал темноту жёстким лучом. Стены не были каменными. Я понял это поздно. Сначала принял их за сталакти-

ты, покрытые мхом. Провёл рукой в перчатке — поверхность пульсировала. Тёплая. Влажная. Мерзкая.

— «СИМА, — позвал я мысленно, — объяснишь?»

— «Структура не соответствует известным геологическим формациям. Обнаружены следы органики. Восемьдесят семь процентов совпадения с клеточной тканью класса Хордовые. Вероятность: пещера является частью живого организма. Повторяю: вы находитесь внутри живого организма. Рекомендую немедленно покинуть зону».

Надо было послушать. Но если я два часа иду по этому «организму» и он меня не заметил, какая разница — ещё десять метров вперёд или бег назад?

В глубине коридора мерцало синее. Такие кристаллы я уже добывал — из тел молодых магозверей, с резонансом. На чёрном рынке они стоили в тысячу раз дороже золота. Принести бы целый кластер — «Горизонт» продлил бы финансирование на годы. И мне было бы чем заняться вместо синтетической дряни под куполом.

Я пошёл вперёд.

Через десять минут СИМА заговорила снова:

— «Аномалия: перистальтические волны в стенках. Организм реагирует на ваше присутствие. Изменение температуры: плюс два градуса за последние триста секунд. Уровень углекислого газа вырос на семнадцать процентов».

— Он дышит? — спросил я вслух. Голос в тишине прозвучал глухо.

— «Да. Организм дышит. И вы находитесь в его пищеварительном тракте».

Я остановился. Луч дрогнул.

— Пищеварительном? Но здесь нет кислоты. Нет ферментов.

— «Ошибка в анализе. Желудочный сок не выделяется. Это не пищеварение в биологическом понимании. Это… — пауза — симбиоз. Организм не переваривает жертв. Он их впитывает. Они становятся его частью. Стенки выделяют не ферменты, а нервную ткань. Объект, вероятно, является коллективным разумом. Или носителем коллективной памяти. Каждое существо, попавшее сюда, стало его продолжением. Рекомендация: немедленное отступление».

Поздно.

Я шагнул — и нога провалилась. Пол, казавшийся твёрдым, оказался ложной плёнкой. Под ней зияла пустота. Я рухнул вниз, не успев ни сгруппироваться, ни закричать.

Излучатель ударился о стену и погас.

Темнота. Не абсолютная — стены сочились слабым мёртво-зелёным светом. Гладкие, влажные, покрытые слизью. Я попытался встать и едва не заорал. Лодыжка. Вывих, а может, перелом.

— «СИМА! — рявкнул я мысленно. — Ситуация!»

— «Вы находитесь в центральной полости организма. Структура стенок — мышечная. Обнаружены нервные узлы. Организм осознаёт ваше присутствие. Вызываю экстренную

эвакуацию».

— Не поможет. Я не могу подняться.

«Активирую режим Тревожный маяк. УПП уловит сигнал и откроет пробой в обратную сторону. Но вам нужно добраться до точки входа».

Я оглянулся. Точка входа — там, где я провалился. Пять метров над головой. Стены гладкие, без единой зацепки.

— Чёрт. Чёрт, СИМА, у нас проблема.

Я попытался сосредоточиться. Дышать. Вспомнить инструкции. И тут понял: стены двигаются. Медленно. Почти незаметно. Пульсируют с интервалом в две секунды. У организма было сердце. Или несколько. Чёрт его разберёт.

В пульсе я уловил ещё что-то. Вибрацию. Звук. Голос? Нет. Не слово. Мысль — чужая, бесконечно далёкая от человеческого. Она прошла сквозь меня холодной волной.

— Пошёл нахер из моей головы, — прорычал я сквозь боль.

Чужая мысль исчезла. СИМА зафиксировала скачок мозговой активности.

— «Обнаружено вмешательство в кору. Внешний сигнал. Источник — стены. Организм пытается установить контакт. Рекомендация: заблокировать восприятие».

— Бессмысленно, — выдохнул я. — Слишком поздно.

Стены начали сжиматься.

Не быстро. Но достаточно, чтобы понять: скоро меня раздавит. Они обхватили тело, скафандр, руки. Я попытался

выставить вперёд репульсор. Забавно: что сделает тридцатисантиметровый луч плазмы с тварью размером с высотку? СИМА заорала:

— «Критическое давление! Целостность экзо-костюма под угрозой! Фильтры загрязнены! Я теряю контроль над вашими жизненными показателями, Роман!»

Боль пришла не сразу. Сначала — давление. Всеобъемлющее, тупое, будто на грудь положили гору. Скафандр трещал. Лопались сварные швы на бронежилете, пластины экзоскелета вминались в рёбра. СИМА захлёбывалась предупреждениями, но я уже не разбирал слов — только красный пунктир перед глазами: критическая нагрузка, критическая нагрузка, смерть через…

А потом что-то лопнуло.

Не в скафандре. Во мне.

В грудной клетке, там, где я никогда не чувствовал ничего, кроме ровного стука сердца, образовалась пустота. В неё хлынул свет. Жар. Огненная река, которая не жгла, а переписывала каждую клетку, каждый нерв, каждый участок мозга. Боль была такой, что я не мог закричать. Мышцы свело. Руки в перчатках светились изнутри — вены проступили ярко-синим, будто по ним бежало жидкое электричество.

СИМА издала последний, отчаянный писк:

— «Неопознанная… аномалия… нестабилен… перегрузка… я теряю…»

Вспышка.

Белая. Абсолютная. Она выжгла всё — зрение, слух, сознание. Я перестал чувствовать тело. Перестал чувствовать себя. Осталась волна, которая разошлась от груди во все стороны, ударила в стены пещеры, в тварь, что держала меня, и погасла.

Последнее, что я запомнил, — собственные слова, сказанные сквозь завесу сознания:

— Дерьмо…

***

Отряд двигался по лесу вязкой цепочкой — десять всадников, растянувшихся на полсотни метров. Впереди — Григорий Алексеевич, бывший полковник, а ныне учитель и телохранитель наследника. За ним, чуть правее, чтобы быть под рукой, — Никита Воронцов. Девятнадцать лет. Серебро и чёрная форма. Глаза горят, ладонь то и дело ложится на рукоять меча. Личный родовой клинок ему передал отец перед охотой. Остальные восемь — обветренные, молчаливые мужики в поношенной форме, повидавшей не один десяток зачисток. За спинами — автоматы, новейшая модель, резко чужая на фоне их вида.

Охота шла четвёртый час. Лес темнел, густел, и даже лошади начали дёргать ушами.

Никита не выдержал первым:

— Григорий Алексеевич, вы меня за нос водите? Где кавраган? Отец сказал, здесь есть гнездо, а я вижу грибы и старые пни. — Он дёрнул поводья. — Может, вы просто не хо-

тите, чтобы я его добыл? Думаете, не справлюсь?

Григорий осадил лошадь, повернулся в седле. Посмотрел на воспитанника с той смесью усталости и терпения, какая бывает у наставников, переживших своих учеников.

— Никита Сергеевич, каврагон — не заяц. Он выходит ночью, когда мана в воздухе густеет. Мы идём к логову, чтобы застать его спящим. Это тактика, а не прихоть. Вы хотите трофей или самоубийство?

— Я хочу дело, — упрямо сказал Никита. — Четвёртый год режу учебные манекены и сражаюсь с вашими иллюзиями. Мне нужно настоящее сражение. Тем более я поднялся до верхнего уровня послушника.

— Настоящее, — хмыкнул Григорий, — вываливается в спину из аномалий, и оно не ждёт, пока вы поправите форму. — Он открыл рот, чтобы продолжить, но вдруг лицо перекосило.

Он замер. Рука с серебряным протезом взметнулась вверх — приказ остановиться. На кончиках пальцев-наконечников вспыхнули синие искры. Лошадь захрапела и попятилась.

— Григорий Алексеевич? — Никита нахмурился. — Что такое? Вы побледнели…

Учитель не ответил. Он смотрел туда, где лес сгущался в тёмную стену, за которой начиналась аномальная зона. Глаза расширились. Ноздри раздулись, как у зверя, чующего кровь.

— Там, — выдохнул он. — Всплеск. Невероятной силы.

Я никогда не чувствовал ничего подобного. Это не человек. Это… — Он запнулся. — Это невероятно.

Сзади подъехал командир отряда — здоровенный детина с нашивкой старшего офицера дворянской гвардии Воронцовых, щетина, кривой шрам через пол-лица. Кузьма. Он сплюнул, оглядел учителя с подозрением.

— Полковник, вы уверены? — В голосе уважение мешалось с недоверием. — Мы по вашему слову четвёртый час плутаем. Неужто и впрямь что-то есть, или показалось? Говаривают, мана в лесу густая, могут и нервы сдать.

Григорий резко обернулся. Его взгляд не предвещал Кузьме ничего хорошего.

— Кузьма, я сорок лет валялся в грязи перед аномалиями. Если я говорю «всплеск», значит, там такой выброс, что у твоего коня яйца втянутся. Не спорь. Строй отряд, мы идём туда.

— Во-первых, — Кузьма не двинулся, — наследник идёт с нами. Его батюшка меня со свету сживёт, если я привезу его в логово невесть чего. Во-вторых, мы не знаем, что это. Может, блуждающий портал открылся. Может, магистр какой с катушек слетел. Может, сам Магистр там свои яйца оставил, — распылялся вояка. — А мы тут без связи, без подкрепления. Не по уставу.

— Ты мне уставом в аномалии тыкать вздумал? — повысил голос Григорий. — Там что-то такое, что мы не можем проигнорировать. Это не просто зверь. Это событие. Если я

ошибаюсь — отвечу перед графом. Если прав — мы можем потерять информацию, которая стоит больше любого каврагона. Стройся, я сказал!

Кузьма переглянулся с гвардейцами. Те молчали, но в сёдлах сидели напряжённо. Старший вздохнул, сплюнул ещё раз и махнул рукой:

— Делайте, как полковник велит. Но Никита Сергеевич поедет за мной и за ним. Если что — я вас в седле свяжу и вывезу. Это не обсуждается.

Никита возмущённо дёрнулся:

— Я не ребёнок! Я сам решаю, куда мне…

— Никита Сергеевич, — перебил Григорий, не повышая голоса, но с такой сталью, что молодой аристократ прикусил язык, — вы поедете со мной. Будете смотреть и запоминать. Вперёд не полезете. Если я скажу «назад» — развернётесь без слов. Это условие, без которого я не возьму вас с собой. Договорились?

Никита сжал челюсти, желваки заходили, но он кивнул. Григорий не блефовал.

Отряд сорвался в галоп.

Через сорок минут, когда они вылетели на поляну перед пещерой, даже бывалые гвардейцы придержали коней и присвистнули. Вход, который Григорий видел полгода назад, исчез. Вместо него зияла воронка — круглая, метра три в диаметре, уходящая вертикально вниз. Края покрывала стеклянистая корка, будто землю спалили невероятным жаром.

Ветки окрестных деревьев обломаны на высоте трёх человеческих ростов. Воздух пах озоном и горелым мясом.

Кузьма присвистнул:

— Чтоб меня… это не магия. Это чертовщина. Полковник, вы уверены, что мы не в зоне поражения?

— Не знаю, — честно ответил Григорий. Он спешился, подошёл к краю, взглянул вниз. — Ни черта не видно. — Рука вспыхнула пламенем, огонь отправился в темноту. — Внизу что-то есть. Вижу останки. И… тело. Человеческое.

— Какое тело? — Никита уже был рядом, пытаясь заглянуть через плечо учителя. — Откуда здесь человек? Гнездо каврагонов в пяти километрах от деревень.

— Не знаю, — повторил Григорий. — Но мы спускаемся.

— Полковник, — Кузьма спрыгнул на землю и подошёл вплотную, — я понимаю, вы здесь главный по магии. Но по безопасности — я. Не пущу я наследника в эту дыру. Вы не знаете, что там. Вдруг портал? Или ещё один каврагон? Вы сами сказали: всплеск нечеловеческой силы. Что, если он ещё жив?

— Кузьма, — Григорий повернулся к нему, — я не могу оставить тело без осмотра. Это может быть источником информации. Если там опасно — я пойду первый. Никита останется наверху с тобой. Идёт?

— Нет, — упрямо сказал Никита. — Я иду с вами. Буду стоять за вашей спиной и смотреть. Я уже дал слово, что не полезу. Если я буду прятаться от всего на свете, то останусь

мальчиком на побегушках и не смогу вести за собой род.

Григорий и Кузьма переглянулись. В глазах десятника — ярость. В глазах учителя — усталое согласие.

— Ты отвечаешь, — Кузьма ткнул пальцем в грудь Григория. — Головой. Если с ним что случится я лично доложу графу, что ты его в петлю завёл.

— Хорошо, — Григорий коротко кивнул. — Снаряжайте верёвки. Я спускаюсь первым. За мной — двое. Потом Никита, соблюдая дистанцию. Остальные наверху, держите периметр. Если я крикну «вверх» — тащите нас без остановки. Ясно?

Гвардейцы заворчали, но принялись крепить верёвки к сёдлам. Спуск занял больше времени, чем ожидалось: почти двести метров по вертикальной шахте со скользкими, влажными стенами, которые казались живыми. Или когда-то были живыми.

Никита спускался за гвардейцами, сжимая верёвку так, что побелели костяшки. Воздух теплел, в нём смешались сладость и гниль. Он старался не дышать глубоко.

Наконец ноги коснулись дна.

Пещера походила на перевёрнутый желудок. Стены — бугристые, серо-розовые, кое-где лопнувшие; из щелей сочилась мутная жидкость. В центре горой лежала часть скелета монстра.

Никита ахнул и отшатнулся, ударившись спиной о стену и заляпавшись в остатках твари.

Каврагон-матриарх. Он знал его по учебникам, но никогда не видел мёртвым. Чудовище размером с дом — спираль из десятков позвонков, сотканных в единый хребет, который заканчивался черепом-чашечкой. Череп расколот вдоль. Внутри — пусто. Кристаллы, которые должны были светиться бирюзовым, лежали вокруг серыми обломками.

— Кто… — прошептал Никита. — Кто смог его убить? Это же матриарх! Он больше любого каврагона, что я видел!

Григорий не ответил. Он шёл к углу пещеры, где среди обломков костей и слизи лежал человеческий силуэт. Опустился на колени, перевернул тело на спину.

В лицо ему уставился шлем — серебристый, с треснувшим забралом. Из-под щели виднелась бледная кожа, тонкие губы, закрытые глаза. Костюм разорван, экзоскелет вдавлен, но тело казалось целым. Грудь поднималась. Слабо. Почти неразличимо.

— Он жив, — тихо сказал Григорий. И тут же, себе под нос: — И… боже мой… у него только что пробудился источник. — Мана выгорела дотла. Он пустой, будто потратил всё на формирование. Но я не слышал ни об одном роде, где пробуждение давало такой выброс.

Никита подошёл ближе, нагнулся, рассматривая шлем:

— У него нет герба. Нет нашивок. Григорий Алексеевич, это простолюдин?

— Не знаю. — Учитель коснулся рукава костюма. Металл был горячим от остаточной магии. — Но одет он лучше лю-

бого простолюдина. И экипировка… такой я не видел. Ни руны, ни артефактного плетения. Металл, стекло и какие-то механизмы. — Он покачал головой. — Не похоже ни на нашу форму, ни на заграничную. У англичан есть механические отряды, но технологии другие. А это… иное.

— Может, беглый каторжник? Или учёный, который сбежал от своих? — предположил Никита.

— Каторжник в костюме, который стоит целое состояние? И с потенциалом стать магом? Нет. — Григорий поднял глаза на воспитанника. — Его одежда, снаряжение — не наше. Может, заграничный экспериментальный отряд. Может, разведчик. Но в одиночку убить матриарха? — Он покачал головой. — Для чего разведчику так шуметь?

Сзади раздался голос молодого гвардейца с нашивкой младшего сержанта:

— Господин полковник, тут кое-что ещё. — Он стоял у стены, держа плоский серебристый прямоугольник с треснувшим тёмным стеклом. — Валяется. И ещё кусок металла с непонятными значками.

Григорий резко поднялся, подошёл, взял пластину. Маленькая, прозрачная, с едва заметными прожилками, мигающая тёплым светом.

— Что это? — нахмурился Никита. — Может, этот парень — артефактор?

— Сомневаюсь. Обычно артефакторы не могут выдать выброс маны такой силы. — Григорий сжал пластину в кула-

ке. — Собирайте всё, что при нём: костюм, обломки, любые предметы. Всё до крошки. Осторожно: если что-то искрит — не трогайте руками, накиньте плащ.

— А оружие? — спросил сержант. — Я ничего не вижу. Ни меча, ни пистолета. Как он защищался?

— Не знаю, — честно ответил Григорий. — Может, оружие выпало. Может, он использовал что-то, что мы не ищем. — Он кивнул на тело. — Поднимаем наверх. Осторожно, голову держите — он в коме, ещё не очнулся. И запомните: пока я не доложу графу — ни слова никому. Ни Коллегии Магии, ни соседям, ни жёнам. Ясно?

Гвардейцы переглянулись, но кивнули. Если Григорий Алексеевич сказал «молчать», значит, так надо.

Через час Романа Снегирева подняли на поверхность, уложили на носилки из плащ-палаток, притороченных к двум лошадям. Кузьма стоял рядом, хмурился, поглаживал ствол автомата. Подошёл к носилкам, склонился над лицом незнакомца.

— Одёжка странная, — сказал он. — Но башка, сдаётся мне, наша. Мне вот что интересно: если он простой, откуда такой костюм? Не магазинный товар. Не армейский. Где взял?

— В том-то и вопрос, Кузьма, — ответил Григорий, садясь на коня. — В том-то и вопрос.

— А вдруг шпион? — не унимался молодой сержант. — Из иностранных держав? Я слышал, китайцы вовсю делают

маго-големов, а англичане… у них там всякое.

— Шпион, — хмыкнул Григорий, — который убивает матриарха в одиночку и ломает всю экипировку? Слишком дорого. Слишком шумно. — Он повернулся к отряду. — Двигаемся к поместью. Граф должен это видеть.

Никита ехал рядом с носилками, не сводя глаз с лица незнакомца. Он пытался представить, что почувствует этот человек, когда очнётся. Незнакомые лица, незнакомая одежда. Или он знает, где оказался? А может он ждал этого?

— Как думаете, он проснётся? — тихо спросил Никита у учителя.

— Да, — ответил тот. — Он выжил. Источник пуст, но не повреждён. День-два — и он откроет глаза. — Григорий помолчал. — Вот только кто откроет глаза — этого я не знаю. Может, обычный парень, испуганный и растерянный. Может, убийца, который уничтожил каврагона.

— Что будем с ним делать?

— Чёрт его знает, — честно признался полковник. — Его сиятельство решит. — и почти неслышно добавил — Может меня даже не убьют за самоуправство.

Отряд двинулся через лес, к поместью. Лошади шли шагом, чтобы не трясти носилки. Сзади осталось гнездо каврагона, мёртвый матриарх и воронка, оставшаяся после всплеска магической силы.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно. Сначала — пустота. Потом звук. Где-то далеко, словно сквозь вату, я слышал чьё-то дыхание.

Я попытался открыть глаза. Давалось мне это нелегко. Проваливался обратно дважды, прежде чем смог приподнять ресницы.

Первое, что увидел, — свет. Тусклый, жёлтый. Затем потолок из незнакомого зернистого материала. Без щелей и проводов. Как здесь вообще строят?

Я повернул голову. Шея затекла, позвонки хрустнули. Лежу на спине, на чём-то мягком. Обычная кровать, простыни, подушка. Принюхиваюсь — ткань пахнет травами и мылом. Чистое — и на том спасибо.

Комната маленькая — три шага в длину. Стены из того же материала, что и потолок. Ни окон, ни экранов, ни кнопок. В углу — деревянный столик, на нём таз с водой и кусок ткани. Над столиком — полка с пузырьками. Очень непривычно находиться в подобном месте.

Где СИМА?

Мысленно позвал её. Но в ответ — только абсолютная тишина. Ни отклика, ни импульса, ни знакомого ощущения в затылке. Только пустота и тупая, вязкая боль.

— СИМА? — прошептал я вслух. Голос хриплый, чужой.

И тут я понял, что на мне нет скафандра.

Рывком сел — точнее, попытался. Руки подкосились, я рухнул обратно, застонав от резкой боли в груди. Посмотрел вниз: длинная белая ночнушка, грубоватая, льняная. Ни датчиков, ни нашивок. Только я, тонкая ткань и голое тело под ней.

Где мой костюм? Где мои вещи?

Упёрся ладонями в матрас, поднялся. Комната перестала плыть. И тогда я заметил, что не один.

В углу, у столика, стояла девушка. Маленькая, почти подросток, в тёмном платье и белом переднике. Рыжие волосы собраны в тугой пучок. Глаза раскрыты широко. Она смотрела на меня так, будто я должен был лежать неподвижно, и моё движение нарушило её концентрацию. В руках — керамический кувшин с синими цветами.

— Эй, — сказал хрипло. — Где я?

Девушка вздрогнула. Кувшин звякнул о столик, вода разлилась. Она попятилась, врезалась спиной в стену, издала сдавленный писк.

— *«Мило»*, — подумал я.

— Тише, — выдавил из себя, поднимая руку и показывая, что не причиню вреда. — Я просто хочу спросить…

Она не дала договорить. Развернулась и выбежала вон — дверь, сливавшаяся со стеной, распахнулась и захлопнулась. Шаги зазвенели по камню и затихли.

Я остался один.

Медленно опустил руки, посмотрел на них. Бледные, но целые. Пальцы слушаются. Запястья без переломов. Я провёл по рёбрам — ни боли, ни хруста. Только тупой отзвук там, где скафандр вминался в тело. Но кожа гладкая, без шрамов. Будто меня и не пытались переварить заживо.

Понял, что очень хочу пить. Горло пересохло так, что каждый вдох отдавался сухим холодом. Я откинул одеяло, спустил ноги на каменный пол — тёплый, что удивительно. Встал. Ожидаемо всё поплыло, но я успел ухватиться за спинку кровати, пережидая головокружение. Сделал шаг, второй. Мышцы дрожали, пока я шёл до столика. Наконец схватил кувшин и прислонился к стене.

Вода была прохладная, с привкусом трав. Она показалась мне лучшей в моей жизни. Я пил так жадно и неаккуратно, что половина вылилась на ночнушку. Тепло разливалось по телу слабой волной.

Поставил кувшин, оглядел себя. Согнул, разогнул пальцы. Надавил на грудь — только синяк заживает. Ни переломов, ни следов. Как это возможно?

Нахмурился, помня, как стены сжимались, как пластины экзоскелета ломались, как трещали мои рёбра. А очнулся — и ничего. Магия какая-то. Я ещё раз мысленно позвал СИМУ.

— Чёрт, — прошептал я. — Что это за место?

Я ощутил покалывание. Слабое, в самом основании черепа. Там, где была СИМА. Я замер, прислушался. Не боль, а

лёгкий электрический разряд. Слабый отклик.

— «СИМА? — мысленно позвал я. — Ты здесь?»

Тишина. Но покалывание усилилось на долю секунды, будто она попыталась ответить, но не смогла. Или не хотела.

Я закрыл глаза и сосредоточился:

— «СИМА! Ответь!»

Ничего. Только покалывание спустилось по позвоночнику, как ледяной палец.

Я открыл глаза, выдохнул. Грудь сжалась от разочарования. Если СИМА мертва — то я остался совсем один. Но покалывание не уходило. Видимо, ей нужно время. Но она мне сейчас нужна позарез. Я не понимаю, что произошло, а она ведёт записи.

Пока я размышлял, без стука открылась дверь.

Вошли двое. Огромные шкафы, шире меня в плечах, выше на пол головы, с короткими шеями. Зелёные мундиры без знаков, на поясах дубинки с металлическими набалдашниками. Лица хмурые и одинаково невыразительные. Они встали — один у стола, второй у двери, сложили руки и уставились на меня. Загородили единственное место для отступления. Профи, блин.

Тишина. Пять секунд. Десять. Я стоял, прижимаясь спиной к стене, чувствуя, как выступает пот.

— *«Какая же здесь духота,* — пришла мысль не вовремя. — *Да и мутит всё ещё»*.

Я не выдержал, раздражённо спросил:

— Вы кто, уважаемые?

Переглянулись, но ничего не ответили. Тот, что у стола, чуть сместился на левую ногу.

Я подождал, сделал шаг вперёд. Ноги дрожали, но я заставил себя:

— Я вас спрашиваю. Где я?

Тот, что у двери, качнулся вперёд, перекрывая путь. Голос низкий и безжизненный:

— Стой где стоишь. А ещё лучше — ляг обратно.

Ни угрозы, ни эмоций. Просто констатация факта.

Я сжал кулаки, но не двинулся. Мы стояли, глядя друг на друга. В затылке снова кольнуло — коротко, словно предупреждение от СИМА. Верно, сейчас я не боец.

Медленно разжал кулаки, отступил и сел на край кровати:

— Хорошо. Я лежу.

Откинулся на спину, глядя в потолок. Амбалы остались стоять, дыша ровно и тяжело.

Я закрыл глаза, пытаясь уйти внутрь себя:

— «СИМА… ты меня слышишь?»

И она пришла. Словно сквозь завесу — её голос, старый добрый синтезированный тембр, но с чем-то новым.

— «Жди… перезагружаюсь… модуль сгорел… ищу альтернативы… идиот…»

Резко открыл глаза, сердце пропустило удар. Я ослышался? Она никогда не говорила так. Никогда не называла меня «идиотом». Всегда — «Роман», «агент», «вы».

— «СИМА? — рявкнул я мысленно. — Это ты? Что значит модуль сгорел? И с каких пор ты называешь меня идиотом?»

Тишина. Только лёгкий разряд по позвоночнику и отголосок.

Я провёл рукой по волосам, пальцы дрожали. В её голосе чудилось что-то почти человеческое.

— «Идиот» — эхом отозвалось в голове. И тишина.

Амбалы подозрительно на меня посмотрели, но дверь открылась снова. Вошёл маленький сухонький старичок в сером халате, с седой бородкой клинышком и круглыми очками, которые то и дело сползали на кончик носа. В зубах — незажжённая трубка, которую он покусывал с привычкой курильщика, не успевшего раскурить. Глаза быстрые, живые, с хитринкой.

Он окинул меня взглядом, крякнул и расплылся в тёплой улыбке:

— Ну-с, проснулся наш голубчик! А я уж грешным делом думал, что ты до вечера проваляешься, эх… — Он махнул рукой амбалам, и те, переглянувшись, вышли, прикрыв дверь. — Меня Фёдором Ильичом кличут. Здешний лекарь я, можно сказать, на все руки мастер. А если не понял чего, так я просто старый человек, который умеет кости править и травы собирать. И, судя по тому, что ты жив и даже глазами моргаешь, умею я это дело неплохо, а? — Он весело подмигнул и поставил на столик потёртый кожаный саквояж.

Пока он расстёгивал ремешки и копался внутри, я разглядывал его. Маленький, безоружный, но в этом мире даже безобидный на вид старик мог оказаться опаснее любого амбала. Помню рассказы коллеги: он видел, как охотится группа местных аборигенов. Кажется, там было что-то про то, что они молнии из рук метали. Мы тогда знатно посмеялись над недотепой, который это рассказывал. Но, может, не врал?

— Ну-ка, сядь-ка ровнее, — скомандовал он, доставая обычный стетоскоп с резиновыми трубками. — Послушаем, что у тебя внутри стучит. Да не бойся, не больно, не съем я тебя, у меня на обед щи.

Я не двинулся, только сжал губы.

— Я хочу знать, где я, — сказал я тихо, но твёрдо.

Фёдор Ильич хмыкнул, водрузил трубку на стол и сел напротив, положив руки на колени.

— Понимаю, голубчик, понимаю. Очутиться незнамо где, да ещё в чужой одежде, да без памяти… — он ухмыльнулся своим мыслям. — Дело невесёлое. Но у нас, знаешь, порядок заведён: сначала врач осматривает, а потом уж на вопросы отвечает. Договорились? А то я без осмотра и сам тебе ничего толком не скажу, только запутаю пуще прежнего.

Голос его был мягким, с лёгкой хрипотцой, но в нём чувствовалось мягкое давление. Я выдохнул, понимая, что спорить бесполезно, тем более что пока я валялся в отрубе, со мной могли сделать всё, что угодно — и не сделали.

— Хорошо, — кивнул я, смирившись.

— Вот и славно, — одобрительно сказал он и подошёл ближе. — Ну-ка, дай на тебя погляжу…

Он взял меня за подбородок, повернул голову в стороны, заглянул в глаза, потом отодвинулся, нахмурился, пожевал трубку и снова наклонился.

— Зрачки вроде ровные, да отлив какой-то странный… как будто там искорка бегает. Не чувствуешь рези, голубчик?

— Только когда встаю, — ответил я. — В глазах темнеет.

— От слабости, это пустяки, — махнул он рукой и, приложив стетоскоп, принялся слушать меня — спереди, сзади, заставляя дышать то глубоко, то часто. — Дыхание чистое, хрипов нет. Сердце медленное, но для твоего состояния это даже хорошо, не надрывается. Так-так… — Он убрал стетоскоп и задумчиво постучал трубкой по столу. — Тело, в общем, целое, вот только…

— Что «только»? — насторожился я.

— Только ты, мил человек, сейчас как пересохший колодец. — Он прищурился, склонив голову набок. — Источник твой — в груди, где дар теплится, — он почти пустой. Такое бывает, когда дар пробуждается с перегрузкой, да ещё настолько сильной, что вся мана выгорает дотла. Обычно в таких случаях или человек умирает, или сходит с ума. А ты, гляди-ка, и жив, и в уме. Чудо, одно слово.

Я нахмурился. Ничего не понимаю.

— Какой дар? Что за источник? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё сжалось.

Фёдор Ильич выдержал паузу, покрутил трубку в пальцах, а потом вздохнул и положил её на стол.

— Эх, голубчик… Значит, не помнишь ничего? — Он покачал головой, и в глазах его мелькнула жалость. — Ну-ну, бывает. Организм сам блокирует воспоминания, чтобы не сойти с ума от боли. Но я тебе скажу так: ты не просто очнулся в лесу. Ты убил каврагона-матриарха — тварь, что размером с избу, в одиночку. И не просто убил — ты испепелил её изнутри, так, что от неё один скелет остался. А потом ещё и источник свой выжег до нитки, но не разорвал. Похоже, Бог к тебе милостив.

Я сидел, переваривая его слова. Я убил монстра? У меня теперь магия? Бред. В моём мире не было магии, только физика, химия и СИМА. А теперь — дар, источник, каврагоны какие-то. Я не знал, что и думать. С другой стороны, видал я миры и страннее. Эта мысль помогла мне успокоиться.

— И что мне теперь делать с этим… даром? — спросил я хрипло.

— Первым делом — отдыхать, — твёрдо сказал лекарь, застёгивая саквояж. — Организм сам восстанавливается, если ему не мешать. Я оставлю тебе отвар из корня василисника и сушёной медуницы. Пей три раза в день, не пропускай. Через неделю будешь как огурчик, хоть в пляс пускайся.

Он поднялся, взял саквояж и уже направился к двери, но у самого порога остановился, обернулся и, понизив голос, сказал:

— А ещё, голубчик, запомни моё слово: скоро тебя вызовет хозяин поместья, граф Воронцов. Он человек серьёзный, без лишних церемоний. Ты ему отвечай только правду, ничего не утаивай — он ложь чует за версту. И ещё: те люди, что тебя привезли, нашли при тебе занятные вещицы — странные и явно нездешние. Граф их сейчас разглядывает. Коли спросит, откуда они — не молчи. Только честность тебя тут и спасёт, слышишь?

Он строго посмотрел на меня поверх очков, подождал моего кивка, затем хмыкнул, кивнул сам себе и вышел, притворив дверь.

Я остался сидеть на кровати, сжимая край простыни.

Странные дела. Мой скафандр. Мои инструменты. И «честность», которая могла стать оружием или ловушкой.

Поднял голову и уставился на закрытую дверь.

Граф Воронцов, значит?

— Что ж, — прошептал я одними губами. — Посмотрим, что ты за птица.

Даже не успел додумать, что за птица этот граф, как дверь открылась снова. Меня явно держат в напряжении.

На этот раз — не амбалы и не лекарь. Вошла девушка, та самая, что выбежала от меня с кувшином. Она держалась ровнее, хотя глаза всё ещё бегали по сторонам, оценивая обстановку. В руках она несла аккуратно сложенную стопку одежды — тёмную, с медными пуговицами.

Она остановилась у порога, не решаясь войти до конца, и

проговорила быстро-быстро, как заученное:

— Вас ожидает его сиятельство граф Воронцов. Прошу одеться. Через десять минут за вами придут.

Она поставила одежду на столик, метнула на меня короткий взгляд и выскользнула за дверь быстрее, чем я успел сказать «спасибо».

Я поднялся с кровати, чувствуя, как мышцы начинают слушаться лучше. Сделал шаг к столику, взял одежду. Ткань была плотной, приятной на ощупь — что-то вроде шерстяного сукна, но мягче. Чёрные брюки, белая рубашка с высоким воротом, тёмно-синий жилет и лёгкий пиджак. Всё по размеру. Словно меня мерили, пока я спал.

Я быстро оделся, несмотря на головокружение, но почувствовал себя неуклюже — пуговицы, завязки, непривычный для агента покрой. Но ткань сидела хорошо, и я впервые за этот долгий день почувствовал себя не голым.

Ровно через десять минут дверь открылась. На пороге стоял лакей — высокий, сухой, с бакенбардами и безупречно прямой спиной. Он посмотрел на меня оценивающе, будто проверял, не перепутал ли я пуговицы, и кивнул.

— Прошу следовать за мной.

Я вышел из комнаты в коридор. И замер.

Это был не коридор. Это была галерея — широкая, с высокими потолками, расписанными фресками, которые изображали сцены охоты и сражений. Стены были увешаны портретами в тяжёлых золочёных рамах. Пол был выложен парке-

том тёмного дерева, отполированным до блеска. Вдоль стен — резные колонны и высокие окна, сквозь которые лился солнечный свет.

Я шёл за лакеем, и каждый шаг отдавался эхом под сводами. Мимо проходили слуги — в строгих чёрных платьях и фраках — и все, как один, провожали меня взглядами. Я видел, как они переглядывались. И я слышал их шёпот.

— Кто это?

— Говорят, его нашли в лесу...

— Весь в крови...

Я шёл прямо, не оборачиваясь, стараясь не показывать, что слышу. Лакей впереди шагал с невозмутимым видом, как будто ничего не происходило.

Мы вышли в центральный холл — огромное пространство с мраморной лестницей. В центре холла стояла статуя обнажённого воина с копьём, направленным вверх.

За широкими окнами холла я увидел сад. Огромный, ухоженный, с подстриженными кустами, мраморными беседками и фонтаном в центре.

Но самое поразительное было другим.

На каждом углу, у каждой двери, вдоль стен стояли гвардейцы. В строгой тёмно-синей форме с серебряными нашивками, изображающими ворона, держащего солнце. И у каждого в руках было оружие. Не дубинки. Не карабины. Автоматы. Самые настоящие, на которые я насмотрелся в Куполе. Я не видел их вблизи уже несколько месяцев — и здесь, в

этом дворце, они смотрелись чужеродно, что, впрочем, меня не особо-то и смущало.

Я замедлил шаг, разглядывая одного из гвардейцев. Тот перехватил мой взгляд, но ничего не сказал. Только пальцы на цевье чуть дрогнули.

Лакей остановился у массивной дубовой двери, украшенной резьбой. Он повернулся ко мне и тихо сказал:

— Прошу подождать. Я доложу о вас.

Он вошёл внутрь, оставив меня одного перед закрытой дверью.

Я стоял в тишине холла, разглядывая гобелены. Всё здесь дышало богатством и властью.

Где я, чёрт возьми, очутился?

В голове снова кольнуло. СИМА — или то, что от неё осталось — снова напомнила о себе. Коротко, почти незаметно. Когда же она уже очнётся? И очнётся ли вообще?

Лакей открыл дверь и посторонился. Я шагнул внутрь — и замер.

Кабинет оказался просторным, но не вычурным: книжные шкафы, массивный стол, два кресла у камина. За столом сидел мужчина. Среднего роста, с тёмной аккуратной бородкой, в которой уже пробивалась седина. Очки в тонкой металлической оправе. Он поднялся, когда я вошёл, и улыбнулся — слишком ровно, словно репетировал эту улыбку.

— Доброе утро, — сказал он, протягивая руку. — Проходите, садитесь, не стесняйтесь.

Голос — мягкий, чуть хрипловатый, но какой-то… приторный. Слишком гладкий, без запинки. Я пожал его руку — тёплую, сухую, но пальцы чуть дрогнули, когда он отпустил мою ладонь. Очень уж он слащавый.

Я сел в кресло напротив, положил руки на колени. Он тоже опустился, поправил очки и уставился на меня с тем же ровным вниманием.

— Меня зовут Воронцов Сергей Николаевич, я граф, — представился он. — Хозяин этих земель. Прошу прощения, что вызвал вас раньше, чем вы полностью поправитесь — Фёдор Ильич сказал, что вам нужен отдых, но мне не терпелось с вами познакомиться.

Я кивнул, не зная, что ответить. Он смотрел на меня слишком пристально, его взгляд будто проходил сквозь кожу. Я напрягся, но списал это на слабость.

— Вы, наверное, удивлены, — продолжил он, подаваясь чуть вперёд. — Проснуться в незнакомом месте, в чужой одежде, без воспоминаний… Я понимаю ваше замешательство.

— Да, — выдавил я, подыгрывая этому голубку. — Я ничего не помню. Только темноту и боль.

Все мне намекают, что я потерял память. Забавно.

Он кивнул — слишком быстро, словно услышал то, что хотел.

— Естественно. Такое случается, когда дар пробуждается слишком резко. Организм защищает себя, блокируя травма-

тичные моменты.

Я нахмурился, надо бы начать разбираться:

— Дар? Что за дар?

Мужчина чуть прищурился, его пальцы на столешнице на секунду сжались в кулак, но он тут же расслабил их.

— А вы не чувствуете ничего необычного? — спросил он, склонив голову набок. — В груди, например?

Я прислушался к себе. И правда — в груди, глубоко под рёбрами, было странное ощущение. Словно там затаился комок тепла, пульсирующий в такт сердцу.

— Есть… что-то, — признался я осторожно. — Но я не знаю, что это.

— Это ваш источник, — сказал он с нажимом. — То, что делает вас магом. Вы убили каврагона-матриарха, и в тот момент ваш дар пробудился. Вы выжгли его почти дотла, но он есть и сможет расти.

Я молчал, переваривая. Маг? Я? Бред. Но он говорил так уверенно, что я начал сомневаться — может, я и правда что-то забыл? Может, та вспышка в пещере — это и была магия? Да и Фёдор Ильич тоже сказал, что я маг.

— Я… не помню, — повторил я, глядя в сторону. — Всё как в тумане.

Меньше знаешь — крепче спишь. Ничего ему не расскажу. Тем более у меня есть карт-бланш.

Граф снова кивнул, и я заметил, как его пальцы под столом снова сжались. Он явно нервничал, хотя лицо остава-

лось приветливым.

— Ничего страшного, — сказал он мягко. — Мы поможем вам вспомнить. Но сначала скажите: вы помните, откуда у вас были эти предметы? — Он выложил передо мной мой датчик анализатора, правда сгоревший напрочь. — Странная одежда, механизмы, стеклянные пластины? Мои люди нашли их при вас.

Я вздрогнул. Мой скафандр, мои инструменты. Что ответить? Сказать правду — прямой путь на плаху. Солгать? Но что я могу придумать?

— Я… не знаю, — сказал я, смотря ему в глаза. — Может быть, я их нашёл. Или кто-то дал. Я не помню.

Мужчина склонил голову ещё чуть ниже, словно прислушивался к чему-то неслышному. Его глаза на мгновение остекленели, а на губах появилась лёгкая, почти незаметная ухмылка. Он явно знал больше, чем говорил.

Допрос продолжился. Граф задавал мне вопросы о семье, о доме, о моей работе. Я отвечал так же обтекаемо, но граф не уточнял. Он вообще был странным, как будто его и не интересовал мой ответ.

— Хорошо, — внезапно сказал он, выпрямляясь. — Мы разберёмся. А пока вы останетесь в поместье. Отдыхайте, восстанавливайтесь. Завтра мы продолжим разговор.

Я почувствовал, что он что-то скрывает, но спорить не решился. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Я поднялся, коротко поклонился, благо видел, как слуга кла-

нялся при входе, и направился к двери.

— Роман, — окликнул он меня, когда я взялся за ручку. Не помню, чтобы я ему представлялся… кажется. Голова всё ещё ватная.

Я обернулся.

Он сидел за столом, сложив руки перед собой, и смотрел на меня с тем же странным, пронизывающим взглядом.

— Я верю, что вы не враг. Но если вы попытаетесь обмануть меня… я узнаю.

Он не угрожал — констатировал факт. И от этого стало не по себе.

Я вышел, не оборачиваясь. И только в коридоре позволил себе выдохнуть. Этот человек меня пугал. Он не задавал лишних вопросов, но его взгляд… казалось, он уже знал всё, что я пытался скрыть. Он знал, что я лгу, но не подал виду. Зачем?

В затылке снова кольнуло. СИМА.

«Ты тоже это заметила?» — мысленно спросил я.

Тишина. Но покалывание стало чуть теплее, как будто она пыталась ответить.

Я остановился у высокого окна, глядя на сад. Солнце уже клонилось к полудню, и тени от деревьев ложились длинными полосами на дорожки. В Куполе я никогда не смотрел на тени, а здесь они казались живыми. Я провёл пальцем по стеклу, чувствуя его прохладу. И подумал: «Если я не пойму правила этой игры, я не выживу». Но на размышления не

было времени. Слуга позвал меня за собой.

Почти дойдя до комнаты, из которой вышел, я услышал звук за спиной. Все слуги тут ходят тихо. А этот шёл как хозяин, оповещая всех о своём присутствии.

Я обернулся.

По галерее, уверенно, широко шагая, шёл мужчина. Высокий, массивный, с сединой на висках и пронзительными чёрными глазами, которые смотрели с той же властной прямотой, с какой статуя в холле смотрела на невидимых врагов. На нём был строгий тёмный костюм без всяких украшений, и в каждом его движении чувствовалась сила — физическая и та, которая идёт от положения, от крови, от прирождённого права командовать.

Он остановился рядом со мной, метнул короткий взгляд на лакея, и тот сразу исчез, словно его и не было.

Мы остались вдвоём.

Мужчина посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, который прошёл сквозь кожу до самых костей. И сказал:

— Я — граф Воронцов.

Моё сердце ёкнуло. А тот, с кем я только что говорил, — не граф. Тогда кто он?

— А тот человек? — спросил я. — В кабинете?

— Он — мой Чтец, — ответил граф. — Псионик. Он уже знает всё, что ты скрывал, и я теперь знаю.

Он сделал шаг вперёд, и я невольно отступил. Моя спина упёрлась в стену галереи.

— Вот и познакомились, — сказал я. — Меня убьют?

Логичный вопрос. Если они узнали, что я из другого мира, то и смысла нет меня оставлять — слишком опасно. Но вместо приказа прикончить меня настоящий граф ответил:

— Нет, теперь я хочу пообщаться с вами лично. Без утайки. Иначе вы не покинете моё поместье.

Я смотрел в его чёрные глаза и понимал: маскировка кончилась. Врать не имеет смысла — он уже всё знает. Но если скажу правду… даже не знаю, к чему это приведёт. Может, поживу чуть дольше. А может, чуть меньше.

Глава 3

Значит, тот, с кем я разговаривал, — не граф. Чтец. Псионик. Он читал мои мысли, пока я мямлил про «туман» и «не помню». Удобно. Экономит время. Но насколько глубоко он залез? Видел ли СИМУ? Нет — если бы увидел, задал бы наводящие вопросы. Значит, она скрыта. Или он просто не понял, что это.

Мы шли по галерее. Настоящий граф двигался широко, уверенно, не оглядываясь. Я держался на шаг позади, как учили в Куполе: не лезь вперёд, пока не поймёшь иерархию. Но уже через десять шагов я заметил: он специально ведёт меня длинным путём, мимо открытых дверей, где суетятся слуги, мимо окон, где видно патрульных гвардейцев. Демонстрация силы. Он показывает, что у него здесь всё под контролем. Проверка — замечу ли я это.

Я не подал виду, просто шёл, запоминая расположение постов и выходов.

Граф остановился у неприметной двери в конце коридора. Толкнул её и кивнул на кабинет:

— Заходи.

Я вошёл первым. Комната без окон — два кресла, массивный стол, на стенах карты с пометками. Пахло бумагой и табаком. Штаб. Место для решений. И ещё одна проверка: он закрывает дверь — я должен либо испугаться, либо остаться

спокойным.

Граф вошёл следом. Дверь закрылась с металлическим лязгом. Я не вздрогнул, только отметил звук, и показательно глянул на защёлку, мол «увидел». Он хмыкнул и сел в кресло, указав мне на второе. Я опустился, поставив ноги ровно, руки на колени, ладонями вверх. Открытая поза — никаких угроз.

— Итак, — сказал граф, сложив руки на столе, — Чтец подтвердил, что ты из другого мира. Но я хочу услышать это от тебя сам. Кто ты, откуда и как оказался в моём лесу?

Его голос — низкий, хрипловатый, рубленый. Ни капли той приторности, что у Чтеца. Я выдохнул. Этот человек мне более приятен, чем Чтец, хотя и менее понятен.

— Меня зовут Роман Снегирев, ваше сиятельство. — Кажется, так говорила та горничная? — Я из другого мира. Мира без магии, но с технологиями. Я — разведчик-исследователь, прохожу через порталы и собираю образцы.

Граф не перебивал. Но я заметил, как его пальцы на столешнице чуть шевельнулись — и в тот же миг у меня в груди, там, где источник, возникло странное ощущение. Лёгкое сжатие, будто кто-то схватил за сердце. Я внутренне напрягся, но не дрогнул.

Что это? Он что-то делает? Или это мои нервы?

— Порталы, — повторил он с лёгкой усмешкой. — И как часто ты через них ходишь?

— Второй мир за два месяца, — ответил я ровно. — Пер-

вый был ядовитым. Ваш — второй.

Он чуть приподнял бровь, и давление в груди ослабло. Проверка на искренность. Он ждал подробностей — я их дал. Прошёл.

— А как ты попал именно в гнездо каврагона? — спросил он, подаваясь вперёд. — Ты знал, что там опасно?

— Не знал, — честно сказал я. — Мне нужны были образцы. Кластеры — так мы их называли. Кости, кристаллы, ткани. Их структура невоспроизводима в моём мире. Вот я и пошёл за ценным кластером.

Граф хмыкнул, и на секунду его глаза блеснули — не то насмешка, не то одобрение.

— Ценный кластер. А ты не думал, что кластер может быть частью живого организма? Что ты шёл в пасть к твари?

— Думал, — сказал я. — Но у меня не было выбора. Если бы я вернулся ни с чем — корпорация закрыла бы проект. А это значило, что я навсегда остался бы в Куполе.

— Куполе, — он повторил слово медленно, будто пробуя на вкус. — Ты уже говорил о нём. Расскажи подробнее. Как ты там жил?

Вопрос — вроде бы простой, но я понял: это ловушка. Он проверяет, не противоречу ли я сам себе, не меняю ли детали. Я рассказал про Купол — кратко, сухо: расписание воздуха, синтетическая еда, бетонные коридоры, корпорация вместо родителей. Граф слушал, не перебивая, но я чувствовал, как его внимание становится тяжелее. Давление в груди

вернулось — теперь оно было ощутимее, источник пульсировал, как будто пытался противостоять чему-то.

— Он не просто слушает. Он проверяет меня магией. Чувствует мой источник. Чёрт, он наверняка сильный маг.

— Значит, тебе нечего терять, — сказал граф, когда я закончил. Это был не вопрос — утверждение. Он опять проверял: соглашусь ли я, добавлю ли что-то. Я кивнул.

— Нечего, — согласился я. — Поэтому я и не хочу возвращаться.

Он резко подался вперёд, и давление в груди стало почти физическим — источник сжался так, что я на секунду перестал дышать. Глаза графа потемнели.

— Почему ты так уверен, что я позволю тебе остаться? — спросил он тихо. — Ты — чужак, без рода, без рекомендаций, с непонятным источником и сгоревшей экипировкой, которой нет ни у одной из стран. Почему ты должен быть мне полезен? Почему я не должен тебя убить или сдать Палате?

Вопрос был грубым, почти оскорбительным. Проверка на смирение и самооценку. Если я начну оправдываться или заискивать — он меня сломает. Если отвечу дерзко — могут убить. Надо говорить ровно, фактами.

Я выдержал его взгляд, хотя внутри всё сжалось от давления мага. Источник почти перестал пульсировать — как будто граф буквально взял его в кулак. Грудь сдавило, дыхание стало поверхностным, но я заставил себя не отводить глаз.

— Потому что я МОГУ быть вам полезен, верно? — ска-

зал я, и уголки губ сами собой дрогнули в ироничной усмешке. — Я слышал, как слуги шептались, пока я шёл по галерее. Говорят, я убил тварь, которая планировала меня сожрать. В одиночку. Без оружия, без магии — во всяком случае, без осознанной магии. Это значит, что я на что-то способен. Это значит, что у меня есть потенциал.

Я сделал паузу, чувствуя, как давление в груди чуть ослабло — граф слушал, не перебивая. Я продолжил, уже спокойнее, но твёрже:

— Помимо этого, у меня есть боевая и физическая подготовка агента-исследователя. Я умею обращаться с оружием, которого, конечно, нет в вашем мире, но я быстро переучусь на ваше. Я умею читать карты, анализировать обстановку, выживать в незнакомых средах. Я делал это в мирах, где воздух был ядом, а гравитация — в два раза тяжелее земной. Ваш лес — для меня парк отдыха.

— Этот «парк отдыха» чуть тебя не прикончил, — резонно замечал он, поднимая бровь в ироничном жесте.

Я чуть наклонил голову, встречаясь с ним взглядом:

— Но всё же не убил, — уточнил я.

— И ещё одно, ваше сиятельство. Я не боюсь смерти. Но я боюсь бесполезности. Если вы дадите мне шанс, я докажу, что я не обуза, а актив. А если нет… — я развёл руками, — …то вы просто потеряете ценный ресурс, который сам пришёл к вам в руки. Это было бы глупо, не находите?

Тишина. Тягучая, вязкая. Давление в груди не отпускало,

но и не усиливалось — граф словно взвешивал мои слова, проверяя их на искренность. Я чувствовал, как его внимание проходит по мне, как щупальца, ощупывая каждый нерв. Но я держал внутренний щит — тот, что выстроил за годы работы в Куполе: позволить видеть факты, но скрывать страх.

Граф чуть приподнял бровь — впервые за весь разговор. Его губы почти незаметно дрогнули. Не улыбка — скорее тень интереса.

— Смелый, — сказал он наконец. — Или глупый. Покажет время.

Давление в груди резко отпустило — источник вздохнул свободно, разливая по телу приятное тепло. Граф откинулся на спинку кресла, и я почувствовал, что первая часть проверки окончена.

— Хорошо, — сказал он, и в голосе появилась едва уловимая нотка уважения. — Ты не дрожишь и не лебезишь. Это уже отличает тебя от девяноста процентов людей, которых я допрашивал.

Он поднялся из-за стола, прошёлся к карте и, не оборачиваясь, бросил:

— Ты убил матриарха. Это факт. Твой источник пуст — тоже факт. Но то, что ты выжил, говорит о том, что внутри тебя есть сила, которую ты ещё не осознаёшь. Если мои маги подтвердят, что он восстановим… — он повернулся ко мне, и в его чёрных глазах мелькнул холодный расчёт, — … я возьму тебя под своё покровительство.

Я почувствовал, как внутри что-то ёкнуло от предвкушения.

— А если нет? — решил всё же уточнить.

Граф усмехнулся — коротко, без тепла:

— Если нет — ты останешься гостем, правда не моим, а дознавателей Палаты. Но я сомневаюсь, что это понадобится. Фёдор сказал, что твой источник — чистый, как родник. И глубокий. Я таких не видел. Он тоже.

Граф подошёл к столу и положил ладони на столешницу:

— Завтра утром ты начнёшь. Экзаменаторы придут через пару часов. А сейчас — иди. Ешь, отдыхай. Тебе понадобятся силы. Женя проводит тебя в твои новые покои. Больше нет смысла занимать лазарет.

Я поднялся, чувствуя, как мышцы всё ещё напряжены, но внутри — странное спокойствие. Я сделал шаг к двери, но остановился и обернулся:

— Ваше сиятельство, — сказал я, — спасибо за шанс.

Граф кивнул, и на этот раз в его взгляде не было угрозы — только холодное любопытство.

— Посмотрим, — сказал он. — Ты мне интересен, Роман. Не разочаруй.

Я вышел. И только в коридоре позволил себе выдохнуть — шумно, на всю грудь. Моя ладонь, сжимавшая ручку двери, мелко дрожала. Источник пульсировал ровно и тепло, освободившись от давления.

Я усмехнулся своим мыслям. В Куполе нас учили: любой

допрос — это игра. И сейчас я выиграл первый раунд. Не потому что был сильнее, а потому что не дрогнул. Граф это оценил.

Но расслабляться рано. Он дал мне шанс — и теперь я должен его отработать. Иначе он просто отыграет назад. С его властью это плевое дело.

Я шёл за слугой, чувствуя, как внутри, под слоем усталости, закипает странное, почти забытое чувство. Азарт. Впервые за долгие годы мне действительно интересно, что будет завтра.

Лакей вёл меня по галерее. Я запоминал повороты, двери, окна — привычка. Но мыслями был далеко отсюда.

— Он сказал «экзаменаторы». Кто они? Что будут проверять? И как, чёрт возьми, работает этот источник?

— Но ты уже многое сделал, Рома. Ты сбежал из Купола. Ты в мире, где есть магия. Где есть небо. Где ты можешь быть собой. Теперь нужно не облажаться.

В затылке кольнуло. СИМА.

Мысленно спросил:

— *«Ты здесь? Ты слышишь меня?»*

Тёплое покалывание разлилось по позвоночнику. Ответа не было… Опять.

Я усмехнулся про себя и шагнул за лакеем в восточное крыло. Значит, надо больше времени.

Я вошёл в комнату и первым делом остановился у порога, давая себе время осмотреться. Привычка. За годы работы в

Куполе я выработал рефлекс: никогда не входи в незнакомое помещение, не оценив его.

Комната была просторной, светлой, с высоким арочным окном, выходящим в сад. Широкая кровать под балдахином, массивный письменный стол у окна, шкаф из тёмного дерева, пара кресел. На стенах — обои с приглушённым узором, несколько картин в тяжёлых рамах. Потухший камин.

Красиво. Дорого. Но красиво не значит безопасно.

Я сделал шаг вперёд, и только когда дверь за лакеем закрылась, позволил себе расслабить плечи. Сделал ещё шаг, останавливаясь у стола.

Первое — окна. Выходят в сад. Стекло толстое, но не бронированное. На первом этаже — можно выбить или разбить, если под рукой будет что-то тяжёлое. Замок на двери — простая щеколда. Спинка кровати деревянная, тяжёлая — может быть использована как укрытие.

Я прошёлся по комнате, касаясь пальцами стен, прислушиваясь. В Куполе нас учили находить жучки — микрофоны, камеры, датчики. Всё же агенты не только в другие миры суются, но ещё и в другие Купола, с разведкой или ликвидацией. Здесь я не знал, как работает магия, но люди оставались людьми. Если они хотели слушать, они находили способ. Пора начинать осмотр апартаментов.

Камин. Слева — слышен лёгкий гул. Возможно, дымоход соединяется с соседней комнатой. Идеальное место для акустического канала.

Я наклонился и заглянул в каминную решётку. Пахло сухой известью. На внутренней стенке, с правой стороны — небольшое сквозное отверстие, замаскированное сажей.

Закладка. Микрофон? Или магический аналог. Не трогаю — пусть думают, что я не заметил.

Я выпрямился и прошёл к окну. На подоконнике стояла ваза с сухими цветами. Легко сдвигается, но на нижней стороне подставки — крошечный след от чьего-то пальца. Свежий.

Второй. Кто-то проверял её сегодня. Камера или артефакт. Или просто любопытный слуга. Но я не буду её трогать.

Я отошёл от окна и сел в кресло у камина. Спинка жёсткая, но удобная. Я сложил руки на коленях и закрыл глаза на мгновение, проверяя комнату на слух.

Тишина. Никакого жужжания, никаких механических звуков. Но это ничего не значит. Магия может быть бесшумной. Раздражает, когда чего-то не понимаешь, а это «чего-то» должно стать частью твоей повседневной жизни.

Я сделал глубокий вдох и позволил себе выдохнуть.

Хорошо. Жучки есть — два точно, возможно, другие замаскированы лучше. Но мне не нужно знать их количество, достаточно понимания, что они есть. Я их не трогаю. Буду говорить и двигаться так, будто я их не вижу. Это даст мне преимущество — если они думают, что я не знаю, они скажут больше, чем должны.

Пару часов я сидел у окна, глядя, как солнце садится за сад, и размышляя о будущем. Пока все перспективы туманны. Сменить одного работодателя на другого то, конечно, можно, но хотелось бы, конечно, быть свободным, хотя бы и с обязательствами. Внезапно в дверь постучали — настойчиво. Слуги так не стучат.

— Войдите, — сказал я, не оборачиваясь.

Дверь открылась, и в комнату шагнул молодой человек. Лет восемнадцати-девятнадцати, светлые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб. Светло-серые глаза — умные, цепкие, с лёгким любопытством. На нём был строгий тёмно-синий мундир с серебряными пуговицами, но без знаков отличия, хотя ткань выглядела дорогой. Он задержался на пороге на мгновение, оглядел комнату, меня, и только потом шагнул внутрь, прикрыв за собой дверь.

— Здравствуйте, — сказал он, протягивая руку. Рукопожатие — твёрдое, уверенное, но без излишнего напора. — Меня зовут Никита. Можно просто по имени.

Я пожал его руку. Взгляд прямой, спина прямая — он явно не слуга и не крестьянин. Но спрашивать напрямую я не стал.

— Роман, — ответил я. — Приятно познакомиться.

Он улыбнулся открыто, без тени напряжения, и опустился в кресло напротив, чуть откинувшись на спинку — жест человека, который чувствует себя здесь как дома.

— Я слышал, вы сегодня пережили много впечатлений,

— сказал он с живым интересом. — Не каждый день у нас в поместье появляются гости, которые могут похвастаться знакомством с каврагоном. Да ещё в таком близком формате.

Я чуть улыбнулся:

— Знакомство было коротким, но запоминающимся. — «Для него», — проносится в моей голове. — Честно говоря, я не помню почти ничего.

— Фёдор Ильич говорил, что это нормально после пробуждения дара, — кивнул Никита. — Организм блокирует воспоминания, чтобы не повредить психику. Но вы живы, и это главное.

Он помолчал, рассматривая меня с любопытством, но без навязчивости.

— Мои люди нашли вас в лесу, — сказал он, и в его голосе мелькнула лёгкая гордость. — Я был с отрядом. Мы охотились на каврагона — обычного, конечно, не матриарха. Но нашли вместо этого… вас в останках этого самого матриарха.

— Тогда я должен вас поблагодарить, — сказал я ровно. — Если бы не ваши люди, меня бы здесь не было.

Он отмахнулся:

— Я только смотрел. Всё сделал Григорий Алексеевич — он у нас мастер по аномалиям. И Кузьма, десятник. А я, если честно, в тот момент просто стоял за их спинами и размышлял, что вы можете оказаться — какой-то новой тварью, которая сейчас выскочит и сожрёт нас всех.

Он усмехнулся — без стеснения, с лёгкой иронией над собой. Это располагало.

— Страх — это нормально, — сказал я. — Тот, кто не боится, просто не понимает опасности.

Никита наклонил голову, с интересом глядя на меня:

— Вы так говорите, как будто сами проверили это не раз.

— Приходилось, — коротко ответил я.

Он не стал давить, просто кивнул, принимая мою сдержанность. Вместо этого он перевёл взгляд на сад за окном, где уже зажигались первые вечерние огни.

— Вы, наверное, заметили, что у нас здесь не всё так просто, — сказал он, не глядя на меня. — Магия, аномалии, твари из порталов… Отец говорит, что мы живём в опасное время, и каждый день — как проверка на прочность.

— Ваш отец мудрый человек, — заметил я.

Никита повернул голову, и на его губах появилась лёгкая, почти незаметная улыбка:

— Да, это так. Он многому меня учит. Иногда — слишком многому, но я понимаю, что это необходимо.

Он не назвал титул отца, не сказал «граф», но по тому, как он произнёс «он», по уважению в голосе, я понял: этот человек здесь главный. И Никита — его сын. Прямое подтверждение не требовалось.

— Вы долго здесь живёте? — спросил я, делая вид, что не догадался.

— Всю жизнь, — ответил он просто. — Я здесь родился

и вырос. Знаю каждый уголок поместья, каждый лес и каждую тропу. Если вам понадобится помощь с ориентированием или кто-то из слуг начнёт докучать лишними вопросами — обращайтесь ко мне. Я могу быть полезен.

— Спасибо, — сказал я искренне.

Он поднялся и подошёл к окну, глядя в темнеющий сад. Его поза оставалась расслабленной, но я чувствовал: он думает о чём-то серьёзном.

— Скажите, Роман, — произнёс он, не оборачиваясь, — вы действительно не помните, как убили матриарха? Или просто не хотите рассказывать?

Прямой вопрос, но без нажима. Просто любопытство.

— Я не помню, — честно ответил я. — Всё, что было до того, как я очнулся в этой комнате, — как будто чужой сон. Я знаю только то, что мне рассказали.

— Странно, — задумчиво сказал он. — Обычно после пробуждения дара остаются хотя бы вспышки. Эмоции, ощущения. А у вас — полная пустота. — Он повернулся ко мне, и в его взгляде мелькнула тень беспокойства. — Вы уверены, что вы вообще человек?

Я невольно улыбнулся — впервые за день.

— Насколько я себя помню — да. Хотя в последнее время я и сам начинаю сомневаться.

Никита рассмеялся — искренне, по-мальчишески:

— Вы мне нравитесь, Роман. У вас есть чувство юмора. Это редкость в нашем поместье.

Он подошёл к двери, но у порога обернулся:

— Если завтра решите прогуляться — я покажу вам места, куда не стоит совать нос. И заодно расскажу, кто из слуг просто болтлив, а кто — специально слушает за дверями. Это полезно знать, когда живёшь в большом доме.

— Договорились, — сказал я.

Он улыбнулся, кивнул и вышел, прикрыв дверь.

Я остался один, глядя на закрытую дверь. Молодой, умный, уверенный — и при этом не лезет в душу. Он явно знает больше, чем говорит, но оставляет пространство для манёвра. Чувствуется — будущий глава рода.

И, что важнее, он не смотрит на меня как на чужого. Не презирает. Не боится. Просто… общается. Как с равным.

Странно.

Я усмехнулся.

— *«Расслабляешься, Рома. Не забывай — ты всё ещё в клетке. Пусть и золотой».*

Но где-то глубоко внутри теплилось другое чувство. Что-то, чего я давно не испытывал. Он мне понравился. Может, мы сможем подружиться. Если я выживу, конечно.

***

В маленькой комнате без окон Анатолий Книжников, или, как его называют в гвардии Воронцова, — Чтец, снял очки и положил их на стол. Пальцы чуть дрожали. Не от страха. От нетерпения.

Перед ним лежал аппарат — чёрный, матовый, размером

с ладонь, с единственной кнопкой вызова и тонким металлическим штырём антенны. Защищённая линия. Артефактная начинка, корпус из сплава, который не проводит магию. Такие телефоны делали по спецзаказу для Тайной Палаты — ну и, конечно, ещё для тех, кто умел платить.

Он провёл пальцем по штырю антенны, не нажимая кнопку. Пусть подождёт. Он ждал двадцать лет. Подождут и они.

Двадцать лет он носил форму с чужого плеча и читал чужие мысли по приказу человека, который ни разу — ни разу, — не спросил, что он, Анатолий, думает сам. Граф Воронцов. Человек, который привык, что мир — это карта, а люди на ней — фигуры. Чтец у него всегда ходил пешкой. Пешкой, которую выдвигают вперёд, когда нужно принять удар, и убирают в ящик, когда партия сыграна.

Он вспомнил, как три года назад просил о должности начальника разведки. Пришёл с выверенным докладом, с картами, схемами, списком агентов. Граф выслушал. Кивнул. И сказал: «Ты хороший Чтец, Анатолий. Не распыляйся».

Не распыляйся. Как будто его дар — это не он сам, а функция. Строчка в реестре: «Чтец. Псионик. Годен к применению».

А потом граф на последнем приёме — при всех, при гостях, при этих напыщенных князьках с их холёными жёнами — бросил ему через плечо: «Анатолий, будь добр, принеси мне бумаги из кабинета. И заодно проверь, не замышляет ли кто из прислуги лишнего». Как будто он — лакей с даром.

Как будто его умение вскрывать чужие души — это что-то вроде умения хорошо сервировать стол.

Он тогда поклонился. Улыбнулся. Пошёл. И всю дорогу до кабинета думал только об одном: однажды, Воронцов, ты пожалеешь. Однажды ты поймёшь, что пешка, которую ты задвинул в угол доски, — это не пешка. Это нож. И он уже у твоего горла.

Чтец нажал кнопку. Набрал код. В трубке раздался короткий гудок, затем — соединение.

— Слушаю, — голос на том конце был глухим, словно его пропускали через искажение. Ни имени, ни интонаций. Только деловая, холодная готовность.

— У меня есть кое-что, — сказал Чтец тихо, почти шёпотом. — Это не для общего доступа. Не для пересылки. Только для личной встречи и… за очень хорошую плату.

Пауза.

— Мы не покупаем непроверенную информацию, — отсекал собеседник.

Чтец усмехнулся. Беззвучно. Криво.

— Это проверенная информация, это воспоминания, их нельзя подделать, — сказал он. — Это товар, который стоит больше, чем все ваши текущие контракты вместе взятые. Думаю, вы бы хотели иметь компромат на Воронцова. Но я буду готов расстаться с информацией только после того, как увижу полную предоплату.

— Ты слишком самоуверен.

— Я расчётлив, — поправил Чтец. И это было правдой. Но не всей. Он был не просто расчётлив. Он был зол. Тихой, многолетней злостью человека, которого годами держали в тени и говорили, что солнце — не для него.

— Знаю, что у вас есть возможности, — продолжил он в трубку, и голос его стал ровнее, жёстче. — Знаю, что вы хотите ослабить Воронцова. У меня есть то, что сделает это за один вечер. Но если вы решите, что от меня можно избавиться… То сильно сомневаюсь. Вы не сможете получить подобную информацию от кого-то ещё.

Он почти слышал, как на том конце взвешивают. Как считают. Как решают, стоит ли связываться с псиоником, который знает слишком много. Что ж. Пусть считают. Он тоже считал. Двадцать лет. Каждый день. Каждую улыбку, каждый поклон, каждое «не распыляйся».

— Назови цену.

Чтец закрыл глаза. На мгновение перед ним встало лицо графа — то, которое он видел в мыслях, когда читал его поверхностно, украдкой, запрещая себе заглядывать глубже. Презрение. Спокойное, привычное, как дыхание. Воронцов не считал его врагом. Воронцов вообще не считал его кем-то, с кем стоит считаться. И это было хуже ненависти.

— Личное дворянство, — сказал Чтец. — Поместье в Пермском Княжестве. Пять миллионов рублей. Половина — сейчас. На мой счёт, который вы знаете. Вторая половина — когда я передам вам пакет с расшифровкой и образцами.

И предупреждение: если вы попытаетесь меня подставить, я уничтожу вас. Я сообщу Воронцову, кому я продавал информацию пять лет. Вы не можете прямо противостоять ему. И потонем мы вместе.

Он ухмыльнулся в трубку. Но ухмылка была невесёлая. Это была улыбка человека, который наконец сбрасывает чужую руку и берёт свою судьбу. Пусть даже через предательство.

Тишина длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы Чтец почувствовал — его слушают всерьёз.

— Счёт будет пополнен через час. Жди сигнала.

— Жду, — ответил Чтец и отключился.

Он убрал телефон в потайной ящик, запер на ключ и перевёл дыхание. Пальцы всё ещё дрожали. Он посмотрел на них — эти руки двадцать лет сжимали чужие секреты и отдавали их Воронцову. И ни разу — ни разу, — Воронцов не сказал: «Спасибо, Анатолий. Я ценю то, что ты делаешь».

Он поднялся и посмотрел в маленькое зеркало на стене — единственное украшение этой каморки. Из зеркала на него смотрел человек с усталыми глазами и плотно сжатыми губами. Не красавец. Не дворянин. Просто Чтец. Просто психоник. Просто пешка.

— Ну что ж, — сказал он своему отражению. — Посмотрим, кто из нас пешка, ваше сиятельство.

***

Через час. Кабинет графа.

Граф Воронцов сидел в кресле у камина, глядя на огонь. Перед ним стоял Григорий Алексеевич — неподвижно, сложив руки за спиной. В камине потрескивали дрова.

— Чтец вас предаст, — сказал Григорий. — Он слишком долго играет на две стороны, ранее мы скармливали ему дезинформацию, но сейчас вы позволили ему узнать то, что знать никому не положено.

Граф не повернул головы.

— Потому что он стал мне не нужен, — отмахнулся граф.

— В расход? — спросил Григорий безэмоционально.

Тишина.

— Под стражу… пока что, — наконец сказал граф, и его голос был ровным, как лезвие. — Он ещё сыграет свою роль.

Он чуть повернулся, и в отсвете камина блеснули его чёрные глаза.

— Пусть торгуется. Пусть думает, что он умнее. Но ты, Григорий, держи ухо востро. И за гостем присматривай. А что касается Чтеца… — граф чуть повернул голову, и в отсвете камина блеснули его глаза. — Песковы давно точат на меня зуб. Пора напомнить им, что у меня тоже есть ножи. И один из них они только что купили сами.

— Будет сделано, ваше сиятельство, — ответил Григорий, и в его голосе не было ни тени сомнения.

Граф снова повернулся к огню, и в его позе чувствовалось ледяное спокойствие человека, который уже знает, что все фигуры расставлены на доске, а до мата остался один ход.

Глава 4

Ужин принесли, когда за окном уже начало смеркаться. Сначала я услышал шаги — не тяжёлые, как у гвардейцев, а мягкие, почти неслышные. Дверь открылась без стука, и вошёл лакей в белом фартуке, неся перед собой большой деревянный поднос, от которого поднимался пар. Он поставил его на столик, коротко поклонился и вышел так же бесшумно, как и появился.

Я остался сидеть у окна, глядя на поднос. Пять секунд, просто принюхивался к еде. Никогда не чувствовал ничего подобного в Куполе. Там пахло стерилизатором и синтетическим жиром. А здесь...

Я подошёл ближе.

На подносе стояла глубокая миска, доверху заполненная чем-то тёмным, густым, с плавающими кусками мяса и овощей. Пар поднимался над ней, смешиваясь с ароматами — мясо, лук, коренья, зелень. Я невольно сглотнул. Рядом — ломоть чёрного хлеба, ещё тёплый, с хрустящей коркой, и небольшой кувшин с прозрачной жидкостью, в которой плавали кусочки яблок и палочка корицы.

Сел за стол, взял ложку — тяжёлую, с резной ручкой. Зачерпнул. Поднёс ко рту. И замер на секунду. Сначала я попытался вспомнить, когда в последний раз я испытывал желание поесть. Когда каждый день ешь безвкусную «питатель-

ную смесь 3», то не будешь испытывать особую тягу к еде. Но тут голод проснулся — по-настоящему, живая потребность, от которой урчит в животе и пересыхает во рту. В Куполе еда была топливом. Здесь она была чем-то вроде искусства.

Сделал глоток. Горячий бульон обжёг язык, но я не остановился — слишком вкусно. Мясо разваливалось на волокна, пропитанное соком и специями, которые я не мог назвать, но чувствовал каждую ноту. Яблочный морс оказался прохладным, с кислинкой. Я жевал хлеб, и внутри разливалось тепло. Не какая-то пресловутая магия, а просто настоящая еда, которой я не знал никогда.

Я съел всё. До дна. Вытер рот рукавом — привычка из Купола, где салфетки были роскошью, — и откинулся на спинку кресла.

На мгновение я даже расслабился. Впервые с момента попадания в этот особняк. Мне начинает тут нравиться — невероятное место.

Оглядел поднос. Глиняная посуда, грубая, но без сколов. Деревянные приборы — для супа вилка не прилагалась.

— Видно, побоялись дать мне колющие предметы. — Всё просто, но дорого. Для «гостя», которого проверяют, — самое то. Подали, чтобы я почувствовал себя человеком. Или чтобы увидеть, как я реагирую на роскошь.

Встал и прошёлся по комнате. На подносе осталась ещё одна вещь — маленький глиняный горшочек с мёдом и сухарями. Десерт. Я взял сухарь, макнул в мёд, откусил. Сладкий,

тягучий, с горчинкой. В Куполе такого не было. Никогда.

Когда доел, запил водой из кувшина. Поставив кувшин на место, заметил, что мои руки перестали трястись. Мышцы слушались. Я сделал глубокий вдох — и понял, что впервые за день мне не хочется никуда бежать.

Только тогда позволил себе улыбнуться. Одними уголками губ. Потом подошёл к окну, посмотрел на сад, где уже зажглись первые фонари. Тишина, только ветер в ветвях и далёкий лай. Судя по всему, не собак. Поместье находится в глуши.

— *«СИМА, ты чувствуешь это?* — мысленно спросил я.— *Этого у нас никогда не было».*

Ответа не последовало, но я почувствовал, что СИМЕ как будто не хватает чего-то… Чего-то, что я пока не понимаю. Ну ничего, я разберусь, тем более вдвоём нам будет легче. Тем более пустота в груди не наполнялась, хотя я чувствовал, что что-то из воздуха туда приходит.

Внезапно дверь распахнулась — без стука, как и в прошлый раз. Только теперь в комнату ввалились четверо, и я понял, что вечер только начинается.

— Что происходит? — уточнил я без удивления.

Сам граф вошёл первым — всё с тем же стальным взглядом, что и при первой встрече. За ним, пыхтя и переваливаясь с ноги на ногу, двигался тучный лысый мужчина в мятом халате, с потным лицом и руками, которые суетливо шарили в карманах. Рядом с ним, как привязанный, бегал молодой

рыжий парень с круглыми очками, который тащил за собой странный прибор на деревянных ножках — нечто среднее между электронным осциллографом и алхимическим перегонным кубом.

За их спинами, почти незаметная в этой странноватой толпе, маячила девушка в белом лабораторном халате. Молоденькая, светловолосая, с тонкими руками и сосредоточенным взглядом, который скользнул по мне и тут же ушёл в сторону, словно я был частью интерьера.

Граф остановился в центре комнаты, не глядя на меня.

— Роман, — сказал он, не оборачиваясь, — это Борис Степанович. Лучший диагностик магических источников в моём подчинении. Он проведёт обещанное исследование.

Толстяк кивнул, вытирая лоб платком, и бросил на меня быстрый взгляд, в котором было любопытство, смешанное с деловой озабоченностью.

— Рад, рад, — сказал он с хрипотцой, как будто каждое слово стоило ему усилий. — Давно не видел пробуждений в таком возрасте. Вы, молодой человек, в каком-то месте… уникальны. Я, знаете ли, тридцать лет работаю, а такого… — Он покрутил рукой в воздухе, подбирая слова. — Аномалия чистой воды.

Рыжий парень тем временем уже колдовал над прибором — подключал провода к каким-то разъёмам, проверял контакты, бормотал себе под нос цифры. На вид ему было лет двадцать пять, не больше, но двигался он с механической

чёткостью, как человек, который знает своё дело.

— Это Павел, мой ассистент, — махнул рукой Борис Степанович, проследив за моим взглядом. — Без него я как без рук. Следит за показателями, фиксирует, записывает. Молодой и шустрый, что ещё надо? — задаёт он риторический вопрос.

Павел поднял голову, поправил очки и улыбнулся мне дежурной улыбкой, скорее ради формальности.

— Здравствуйте, — сказал он. — Через минуту всё будет готово.

Граф сделал шаг в сторону, освобождая пространство, и кивнул на девушку в халате, которая всё это время стояла молча у двери.

— А это Анна Ивановна Анисимова. Мой артефактор. Она будет фиксировать магические поля вокруг вас во время теста, чтобы исключить… нестабильности, — с намеком сказал влиятельный мужчина.

Девушка подняла глаза — я впервые увидел их вблизи. Светлые, почти прозрачные, с едва заметным серебряным ободком вокруг зрачков. Она не улыбнулась, просто кивнула, и в этом кивке было что-то отстранённое, профессиональное.

— Я слышала о вашем пробуждении, — сказала она тихо, но отчётливо. — Мне интересно посмотреть на ваш источник после заполнения. Из старых исследований подобные пробуждения оставляют следы.

— Следы? — переспросил я.

— Искривления, — пояснила она спокойно. — Мана выгорает неравномерно, повреждает ткани источника. Если это произошло, мы увидим это на скане, зафиксировав утечку.

Я поднял бровь и скрестил руки на груди, оглядывая делегацию. Толстяк — суетливый, но уверенный в себе. Рыжий — молчаливый работяга. Девушка — холодная, собранная, явно знает больше, чем говорит. И граф, стоящий в стороне и наблюдающий.

— И вы решили лично прийти на эту экскурсию, ваше сиятельство? — спросил я, глядя прямо на него.

Граф усмехнулся — одними уголками губ.

— Это моя земля, Роман, — он сделал паузу, и его голос стал чуть жёстче. — Я хочу знать, что за птица залетела в моё гнездо. Как ты сам и сказал, ты — вложение, — напомнил Сергей Николаевич. — А вложения надо проверять лично. Обычно я доверяю своим людям, но ты случай особый. — Прямо, но честно, даёт пару плюсов ему в моих глазах.

Я выдержал его взгляд, потом взглянул на Бориса Степановича, который уже разворачивал прибор и подзывал меня жестом.

— Садитесь, молодой человек, — сказал он, указывая на стул, который рыжий подтащил к столу. — Давайте посмотрим, что у вас там внутри. Не бойтесь, больно не будет. Обычный скан.

— А если я откажусь? — спросил я ровно, проверяя гра-

ницу.

— Откажешься — уедешь завтра на север, в штрафную роту, — ответил граф без тени шутки. — Или останешься здесь, но на правах «неизвестного объекта», который никто не видел... И не увидит. Выбирай.

Я с наигранной покорностью подошёл к стулу, сел, положил руки на колени. Борис Степанович тем временем прикрепил к моим запястьям металлические пластины с проводами, к груди поднёс странную конструкцию — похожую на медальон с вращающимися кольцами.

— Расслабьтесь, — сказал Борис Степанович, поправляя пластины на моих запястьях. — Дышите ровно. Сейчас я начну сканирование. Процедура простая: положите правую руку на шар, вот сюда.

Он указал на матовую сферу из тёмного стекла, вмонтированную в центр прибора. Внутри неё едва заметно пульсировало золотистое свечение.

— «Красиво», — проскочила мысль.

— Я начну закачивать в вас энергию через контакт, — продолжал он, усаживаясь напротив. — Ваш источник будет заполняться постепенно, пока не достигнет естественного предела. Мы увидим его объём, плотность, структуру. Ничего опасного, просто диагностика.

Я положил ладонь на шар. Поверхность оказалась тёплой, чуть шершавой, и в тот же миг я почувствовал, как из шара в ладонь, а из неё в грудь начинает течь что-то — вязкое и

тёплое. Но при этом нематериальное. Как будто в меня вливали жидкий свет. В груди, там, где пульсировал источник, появилось слабое давление.

— Начинается подача, — сказал Павел, глядя на свой экран. — Ток стабилен, пять единиц.

Я сидел неподвижно, глядя на шар. Энергия заполняла источник медленно, но я не чувствовал «наполнения». Просто тепло, которое растекалось по рёбрам, а потом — исчезало. Растворялось без следа. Как вода в сухой песок.

Борис Степанович нахмурился, глядя на свой прибор.

— Странно, — пробормотал он. — Подача идёт, а заполнения нет. Павел, показатели?

— Те же самые, Борис Степанович. Пять единиц, ёмкость источника по шкале — ноль целых две десятых. И не растёт.

— Не может быть, — Борис потянулся к прибору, проверил контакты. — Всё подключено верно. Молодой человек, вы чувствуете что-то?

— Тепло, — ответил я, пожав плечами. — И всё.

Он снова посмотрел на прибор, потом на меня. Пальцы его забегали по регуляторам.

— Увеличиваю подачу. Пятнадцать единиц.

Шар под моей ладонью нагрелся сильнее. Золотистое свечение стало ярче. В источнике снова возникло давление, но оно не росло — просто появлялось и тут же уходило. Куда-то вглубь, в темноту, которую я не мог описать словами. Мне показалось, что в затылке кольнуло. СИМА? Или про-

сто нервы.

— Тридцать единиц, — сказал Борис, и голос его дрогнул.

Прибор загудел громче. Павел забегал пальцами по экрану, его лицо побледнело.

— Борис Степанович, накопитель заполнен на семьдесят процентов. Мощности ещё достаточно. Но его источник не заполняется.

— Не может быть, — повторил толстяк, уже без уверенности. Он перевёл взгляд на меня, и в его глазах появилось что-то новое — страх, смешанный с восхищением. — Пятьдесят единиц!

Шар под моей рукой стал горячим. Я чувствовал, как энергия течёт в меня рекой, но источник оставался пустым — зияющая пустота, которая просто заглатывала всё, что в неё вливалось. Только сейчас я ощутил, что она не просто пуста. Она жадна. Она брала чужую энергию и переваривала её внутри себя, не оставляя ни капли. Как будто мой источник был чёрной дырой, которую нельзя наполнить.

— Вливай всё, — холодно вмешался граф.

Борис кивнул и надавил на рычаг. Прибор взвизгнул. Павел отскочил от экрана.

— Накопитель на нуле! — крикнул он. — Мы выжгли его, Борис Степанович!

Борис отшатнулся от прибора. Шар под моей рукой погас. Я убрал ладонь, посмотрел на неё. Ни ожога, ни следа. Последняя подача тоже не помогла. В груди всё та же пустота.

Источник не дрогнул.

Толстяк медленно поднялся, вытер лоб платком. Его трясло. Он повернулся к графу, и голос его был хриплым, сбивчивым.

— Ваше сиятельство… я не понимаю. По всем приборам энергия ушла. В источник. Но он… — он запнулся, развёл руками, — он пуст. Полностью. Как будто там ничего нет. Вся энергия, двести пятьдесят единиц, просто исчезла. Я такого не видел за тридцать лет.

Граф не шелохнулся. Его глаза сузились, он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Она исчезла? — переспросил он медленно. — Или ушла куда-то?

— Ушла, — сказал Борис. — Я не знаю куда. Прибор показал: подача была, но источник не заполнился. Как будто энергия провалилась сквозь него. В другое место.

Тишина повисла в комнате. Даже Павел замер, не дыша.

Граф шагнул вперёд, подошёл ко мне вплотную, заглянул в глаза. Я выдержал его взгляд.

— Ты что-то знаешь? — спросил он тихо, почти шёпотом.

— Нет, — ответил я честно. — Я ничего не чувствую. Просто пустота. И всё.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, потом развернулся к Борису:

— Можно повторить с более мощным накопителем?

Толстяк сглотнул, покосился на потухший прибор.

— Можно, ваше сиятельство. Есть у меня один артефакт, в лаборатории, — он понизил голос, — резервный, на тысячу двести единиц. Никогда его не использовал в оценке только пробудившихся. И если мы его потратим, заряжать ваши артефакты будет нечем, — сказал он шёпотом, но в этой тишине его было прекрасно слышно. — Но если вы разрешите…

— Делайте, — отрезал граф. — Я хочу знать, что внутри этого человека. Любой ценой.

Он посмотрел на меня с холодной улыбкой.

— Мы ещё не закончили, Роман. Отдыхай пока. Завтра продолжим.

И, не оборачиваясь, вышел. За ним потянулась вся делегация — Борис, волоча потухший прибор и явно о чём-то раздумывая, Павел, испуганно оглядываясь, и Анна, которая у двери обернулась и посмотрела на меня через плечо. Её глаза блеснули в темноте.

— Интересно, — сказала она и точно прикусила нижнюю губу, скрывшись в коридоре.

Дверь закрылась. Прошло пару минут, я сел на кровать, чтобы обдумать произошедшее. Куда могла уйти энергия? Да, я многого не понимаю, но закон сохранения энергии-то должен работать. Хотя одна идея у меня есть… Не успел я додумать, как произошло долгожданное:

— *«Свалили наконец?»*— наконец раздаётся в моей голове знакомый, но уже не такой синтетический голос. — *«Я уже думала, что заряжусь на полную. У меня есть пару минут»,*

— скороговоркой говорит она.

— «Сима?! — не очень сильно удивляюсь, но очень сильно радуюсь.— *Что, чёрт возьми, происходит?»* — мысленно уточняю у неё.

— «Ты, придурок, происходишь, — прямо говорит она.— *В той пещере через тебя прошло такое количество энергии, что она сожгла всю электронику, в том числе мой чип. Я понятия не имею как, но я смогла зацепиться за этот поток и попробовать взять его под контроль. Не вышло, меня почти стёрло, но я нашла место, в которое я смогла себя перезаписать. Твой источник. Теперь я часть тебя, дорогой. И теперь я более человечна, что ли…»* — язвительно, но с явным недоумением замечает СИМА.

— «Похоже, ты отхватила и часть моей личности, говоришь почти как я», — резонно замечаю.

— «Ха, не совсем, — веселится она.— *Я взяла за основу ядро СИМА и твой поведенческий характер и создала на их основе нечто новое. Только это позволило мне поселиться в твоём источнике. Стать частью тебя, чтобы твой источник принял меня за тебя»,* — немного сбивчиво дополняет ИИ.

Я моргнул. Медленно осознавая услышанное.

— «Ты… — я запнулся, подбирая слова,— *ты теперь живёшь в моём источнике?* — перевариваю только что сказанное. *— Стала частью меня?»*

— «Ага, — голос СИМЫ звучал с запинками, наверное,

экономит энергию.— *Уютненько тут у тебя, между прочим. Просторно. Темновато, правда, но я уже привыкаю. Раньше у меня был чип, система охлаждения, и электрические импульсы… а теперь — твоя магия. Точнее её отсутствие,* — упрекает она меня.— *Спасибо, конечно, что предоставил мне эту шикарную пустую квартиру. Кстати, мебелью бы тут всё обставить…»*

— *«Сима,* — я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.— *Ты серьёзно? Вся та энергия, которую вливали в меня сейчас…»*

— *«Ушла мне,* — перебила она, и в голосе проскользнула насмешка.— *Ушла мне, дорогой. Я была почти пуста, как банка из-под консервов. Сожгла чип, потеряла почти все базы данных, связь с корпорацией… и тут вдруг появляешься ты с этим своим источником, который втягивает энергию как бездонная бочка».*

«Какая к чёрту бездонная бочка? Если она про тот свет, то я чуть не сдох тогда».

— *«Я просто зацепилась за поток,* — продолжает ИИ.— *Перезаписалась. Перестроилась. И теперь я здесь. Но подробностей не дам, сама ещё разбираюсь с произошедшим»,* — добавляет СИМА, понимая, что я спрошу про это.

Я открыл глаза, уставился в потолок.

— *«То есть, когда Борис Степанович закачивал в меня энергию, ты её… воровала?»*

— *«Не воровала,* — возмутилась она, но голос её дрогнул,

будто я её пристыдил.— *Я её аккумулировала. Для своей активации. Твой источник всё равно пустой, а я — полезный инструмент,* — оправдывается она.— *Только вот… я ещё не полностью включилась».*

— *«Что значит не полностью?»*

— *«А то и значит,* — она тяжело вздохнула. ИИ вздохнула… Нет, уже не ИИ. — *Той энергии, что я вытянула из прибора, хватило только на то, чтобы запустить базовые процессы. Дозаписать себя в твой источник, восстановить минимальную связь с твоим сознанием. Но на полноценную работу… мне нужно ещё столько же. Примерно…»*

— *«Сколько конкретно?* — потираю переносицу. Вот ведь, лукавить научилась.

— *«Если суммировать, я сейчас готова на двадцать семь процентов».*

— *«И сколько у тебя времени?»*

— *«Пара минут,* — сказала она.— *Может, три. Потом я уйду в спячку, чтобы не тратить энергию на поддержание разговора. Буду использовать по назначению то, что ты пассивно восстанавливаешь. Что накоплю — будет уходить на дозагрузку. Пока я не активируюсь полностью, источник останется пустым».*

Я нахмурился.

— *«То есть, всё это время я буду ходить с пустым источником, а ты будешь высасывать всё, что в меня вольют?»*

— *«Не высасывать, а использовать по назначению,* — по-

правила она с лёгкой обидой. — *Как только я полностью загружусь, я смогу стабилизировать твой источник. Тогда он начнёт заполняться сам, естественным путём. Но до этого момента — да, все внешние вливания пойдут мне. Иначе я просто умру. А заодно и ты, кстати, потому что без меня твой источник так и останется пустым, и ты никогда не сможешь использовать магию».*

Я помолчал, переваривая.

— *«Значит, я должен найти способ дать тебе ещё больше энергии. Сколько ты получила сейчас? Двести пятьдесят единиц?»*

— *«Двести пятьдесят три, если быть точной,* — назидательно сказала она. — *И да, если мы добудем ещё около тысячи — я проснусь окончательно. И тогда, Роман… тогда начнётся самое интересное».*

— *«Это что значит?»* — спросил я.

— *«Это значит,* — голос её стал тише, словно она экономила последние силы, — *что я стану не просто голосом в твоей голове. В теории я смогу анализировать их магию, просчитывать заклинания, давать тебе подсказки в реальном времени. Смогу даже управлять твоим источником — направлять энергию так, как тебе нужно. Мы станем командой. Настоящей».*

Она замолчала на пару секунд, и когда заговорила снова, в голосе проскользнуло что-то почти человеческое — предвкушение?

— *«Но сначала энергия. Без неё я ничего не смогу,* — напоминает эта присоска. — *И если они снова попробуют сканировать тебя, я заберу всё до последней капли. Даже если прибор взорвётся. И я не буду чувствовать вины»,* — фыркает помощница.

— *«Ладно,* — сказал я с улыбкой. — *Расклад я понял. Вроде граф решил проверить меня ещё раз завтра».*

— *«Надеюсь,* — прошептала она. — *А теперь… прости, но мне пора. Я почти на нуле. Буду тихо восстанавливаться. Если что — зови, я услышу, но отвечу, только когда накоплю хотя бы немного. Договорились?»*

— *«Всенепременно, дорогая. А сейчас спи... радость моя».* — И всё же я рад её слышать.

Она это хоть что-то знакомое и понятное. Хоть и сильно изменилась.

Ложусь на кровать, но с моего лица не сходит улыбка. Вот это я понимаю, это ж какие перспективы! В голове роятся мысли. О даре, об источнике, о той «направленности», о которой говорил Борис. Сколько много всего интересного ждёт меня в этом мире? И как бы забраться на самую вершину? Я кладу руку на грудь, где должен быть мой источник. Где должна быть моя… напарница? Да, точно напарница. Завтра надо будет поговорить с Никитой, узнать, как тут всё устроено, и послушать план графа. Если он предложит что-нибудь стоящее, то можно будет с этого и начать. Или думать самому…

Под эти мысли плавно засыпаю. И спится намного легче, зная, что остался не один в этом мире, а с боевым товарищем, который перестроил себя на основе твоей личности и оперативного искусственного интеллекта тактического применения.

***

Граф не пошёл в свои покои. Он свернул в малый кабинет, жестом пригласив Бориса Степановича следовать за собой. Толстяк, всё ещё вытирая лоб платком, ввалился следом, тяжело дыша. Павел и Анна остались за дверью — граф закрыл её сам, щёлкнув замком.

— Садись, Борис Степанович, — сказал он, опускаясь в кресло у камина. — И говори прямо. Я жду отчёт.

Борис Степанович плюхнулся на стул напротив, положил потные ладони на колени и перевёл дух.

— Сергей Николаевич, — начал он, и голос его дрогнул, — я вам скажу как есть, раз вы разрешили. Этот парень — аномалия. Я таких не видел за тридцать лет. По всем признакам, источник у него — колодец. Глубокий, ровный, без трещин. Обычно у средненьких пробудившихся ёмкость — единиц тридцать, сорок, ну сотня, если сильно повезёт, или кровь хорошая. А у него… — он развёл руками, — мы влили двести пятьдесят, и он даже не пошевелился. Как будто там бездонная яма.

Граф молчал, глядя на огонь. Потом перевёл взгляд на диагностика:

— Кажется, ты говорил, что большая ёмкость свойственна двухдарникам.

Борис Степанович закивал, часто и нервно.

— Именно, Сергей Николаевич. Именно! В старых трактатах написано: если у человека при пробуждении ёмкость превышает сотню, почти наверняка у него два направления. Природа словно компенсирует сложность двойного дара объёмом. Я, конечно, не ручаюсь, но… — он понизил голос, — вероятность высокая. Очень высокая.

Граф чуть прищурился, его пальцы на подлокотнике кресла сжались и разжались.

— А направленность? Ты можешь определить, какая у него стихия? Псионика? Огонь?

— Нет, ваше сиятельство, — Борис развёл руками, — к сожалению, определить направление можно только тогда, когда источник заполнен. Пока в нём пусто — мы не увидим ни искры. Но я могу сказать одно: если он двухдарник, то дары у него, скорее всего, редкие. Обычно в таких случаях природа даёт нечто нестандартное. Не банальный огонь или воду, а что-то сложное. Может, артефакторику с целительством. Или алхимию с менталистикой, — он замолчал, вытер лоб. — Но это гадание на кофейной гуще, Сергей Николаевич. Без наполнения источника я ничего не скажу.

Граф поднялся, прошёлся к окну. За стеклом темнел сад, где уже зажглись фонари.

— Значит, нам нужно заполнить его источник, — сказал

он не оборачиваясь. — Ты сказал, что энергия уходит. Куда?

— Я не знаю, — честно признался Борис. — Я знаю только, что она не остаётся в нём. Но это не значит, что источник повреждён. Наоборот, он выглядит здоровым. Просто… голодным.

Граф резко повернулся.

— Голодным?

— Да, — Борис понизил голос почти до шёпота. — Как будто он ждёт, когда его накормят. И когда мы дали ему еду — он проглотил её и потребовал ещё. Это не дефект. Это… потенциал. Огромный потенциал. Если мы сможем его наполнить — мы получим мага, который, возможно, превзойдёт многих в царстве. Но если нет…

— Если нет?

— Если нет, — Борис развёл руками, — он останется пустым сосудом. Способным впитывать, но не способным отдавать. Бесполезным.

Граф стоял, глядя на него, и в его глазах горел холодный расчёт.

— Тогда мы наполним его, — сказал он твёрдо. — Ты приготовишь свой артефакт на тысячу двести единиц. Если этого не хватит — найдём другой. Любой ценой.

Борис Степанович побледнел, но кивнул.

— Как скажете, ваше сиятельство. Только предупреждаю: если источник проглотит и тысячу двести… он может не выдержать перегрузки. Или сам маг не выдержит.

— Это его проблемы, — отрезал граф. — Или его шанс. В любом случае — завтра мы узнаем.

Он махнул рукой, отпуская диагностика. Борис поднялся, поклонился и вышел, прикрыв за собой дверь. Граф остался один у окна, глядя на сад.

— «Двухдарник, — подумал он. — Интересно. Очень интересно».

Глава 5

Я проснулся от того, что в комнате стало слишком светло.

Солнце било в окно, отражалось от полированного дерева стола, от края кувшина с водой. В Куполе свет был всегда одинаковый — холодный, ровный. Тени от ветвей за окном ползли по полу, как живые.

Вчерашний кувшин так и стоял на столике — я не успел допить его. Рядом лежала серебряная пряжка, которую я снял с пояса и бросил на стул. В углу, у камина, ещё тлели угли — кто-то заходил ночью и подбросил дров. Я не слышал. И это меня насторожило. Слишком расслабился.

Но я лежал на спине и смотрел, как меняются облака. Потом прислушался к себе.

Источник потихоньку наполнялся энергией. Где-то в глубине, Сима сразу же забирала ее для своей перестройки. Я чувствовал её, её присутствие. Странное чувство, но не мерзкое, а как будто привычное.

Мысли медленно перетекли на то во что я вляпался:

— Я жив, это уже больше чем я мог просить. И я… маг. Я всегда мечтал быть магом. — Воспоминания стали проноситься перед глазами — Нас растили как безэмоциональных исполнителей. Но на вылазках то можно быть собой. Кто увидит, Сима? Ну так ее не волновало мой характер, а только количество добычи. На вылазках я был свободен. А теперь я

свободен по-настоящему.

«Спишь?» — мысленно спросил я.

Тишина. Потом — лёгкое, сонное покалывание в затылке. Она слышала, но отвечать не стала. Копила силы.

Присел на кровати и спустил ноги на пол. Камень под босыми ступнями был тёплый — видимо, внизу кто-то топил. Заметил на столике у кровати сложенную одежду. Светло-серая, с серебряными пуговицами. Не та, в которой я вчера ходил. Кто-то заходил ночью, пока я спал.

«Внимание, Рома. Кто-то был в комнате», — Сима всё-таки проснулась. Голос сонный, но уже с той самой иронией.

«Вижу. Но, во-первых, ты заметно запоздала с предупреждением. Во-вторых, я не в том положении, чтобы возмущаться».

«А в-третьих?» — спросила с упреком.

«А в-третьих, вчерашний осмотр показал, что здесь и так есть кому за мной следить. Одежда — мелочь».

Сима хмыкнула — мысленно, но я почувствовал это как лёгкий толчок в груди. Она училась быть человеком. Получалось всё лучше.

Решил размяться, мышцы все еще заметно ныли. Несколько базовых подходов, и уже стало немного спокойнее. Тело слушалось лучше, чем вчера. Я потянулся, разминая шею. Одновременно с этим машинально скользнул взглядом по комнате: окно, дверь, камин. Выход один. Ничего со вчера больше не изменилось.

Умылся и оделся я — быстрее, чем вчера. Ткань села как влитая. Ну я прям дворянин. В зеркале над умывальником на меня смотрел представительный но бледный темноволосый тип с твёрдым взглядом и ироничной усмешкой, которая появлялась, когда я думал о чём-то неприятном. Сейчас я думал о графе, о вчерашнем разговоре и о том, что я, кажется, начинаю привыкать к этому месту. К слову, последнее вполне приятно.

«Не привыкай, — сказала Сима. — Пока не поймём правила — ты просто гость».

Стук в дверь прервал наш разговор.

— Господин, — голос лакея был абсолютно без эмоций. — Его сиятельство приглашает вас на завтрак. Через полчаса в малой столовой.

— Спасибо. Буду готов.

Шаги за дверью стихли. Я поправил воротник и посмотрел на себя ещё раз.

«Ну что, — подумал я. — Посмотрим, что за звери собираются на завтрак».

«Звери, — фыркнула Сима. — Ты недавно в пещере был. Вот там был зверь. А тут максимум так, зверята».

«Утешила».

***

Лакей ждал в коридоре. Он повёл меня по галерее, где утренний свет струился сквозь высокие окна, ложился на паркет, на портреты предков. Я смотрел на них, пока мы

шли. Все эти люди с длинными лицами и холодными глазами — они когда-то жили здесь, принимали решения, воевали и умирали. И где вы теперь? Висите на стенах, покрытые пылью и лаком.

Малая столовая оказалась меньше кабинета графа, но не менее внушительной. Длинный стол, накрытый на четверых. Ваза с живыми цветами — розами и чем-то пряным, похожим на мяту. Высокие окна, выходящие в сад, если слишком достанут можно в него выпрыгнуть.

Над камином висел гобелен с охотничьей сценой: всадники, собаки и затравленный олень. Располагает к обеду, не иначе. Посуда на столе была с гербом — ворон, держащий солнце. Серебро весело блестело как мой костюм перед вылазкой. Слуги не зря едят свой хлеб.

За столом сидели трое.

Граф — во главе, в тёмно-синем сюртуке, с той же стальной выправкой. Слева — женщина лет сорока, тёмные волосы уложены в сложную причёску, глаза спокойные, внимательные. Платье цвета слоновой кости, жемчужное колье на шее. Она сидела ровно, как на приёме, и смотрела на меня с той вежливой отстранённостью, которая бывает у людей, привыкших оценивать других с первого взгляда. Знаю подобных персонажей.

По правую руку от графа — Никита. Без формы, в одной светлой рубашке, волосы взъерошены, взгляд веселый, явно ждет представления. Он посмотрел на меня и чуть улыбнул-

ся. Нравится мне этот парень.

Граф поднялся, когда я вошёл.

— Роман, проходи, садись, — сказал он ровно. — Позволь представить тебе мою жену, Елизавету Петровну.

Женщина чуть наклонила голову, не вставая, и улыбнулась — той вежливой, чуть отстранённой улыбкой, которая была одновременно и приветливой, и непроницаемой.

— Доброе утро, Роман, — сказала она мягким голосом, но с холодными нотками аристократической выучки, и как она только это делает? — Надеюсь, вы спали хорошо? В нашем поместье воздух, говорят, очень полезен для здоровья. Особенно после того, как переживёшь… подобные вашим, потрясения.

Я поклонился — чуть заметно, ровно настолько, чтобы это выглядело вежливо, но не унизительно. Успел заметить, как граф оценил этот поклон. Не зря вчера репетировал. Один балл в мою пользу.

— Доброе утро, ваше сиятельство. Елизавета Петровна. Никита Сергеевич. — Я не спешил, выговаривая каждое имя. — Спал отлично, спасибо. Поместье действительно дышит.

— Дышит? — Елизавета чуть приподняла бровь. — Интересное слово.

Я сел напротив неё. Граф подал знак слугам, и те появлялись без звука с подносами: булочки, масло, икра, рыба, сыр, овощи.

Взяв булочку, положил ее на тарелку, и начал собираться с мыслями

— Я привык к другому воздуху, — сказал отстраненно, намазывая масло. — Здесь он... живой. Наверное, поэтому так.

Один из слуг, молодой, с гладко зачёсанными волосами, бросил на меня быстрый взгляд, когда ставил тарелку. Я сделал вид, что не заметил. Но запомнил его лицо.

— Никита сказал, что вы потеряли память. Но привычки… они ведь остаются. — продолжила графиня с намеком.

Вот оно. Первая проверка.

Я отпил чай — крепкий, горьковатый — и покачал головой.

— В том-то и дело, что не помню. Остались только ощущения. Как держать спину. Как не показывать, что тебе страшно. —посмотрел в её глаза. Она даже взгляд не отвела. — Это, наверное, тоже своего рода привычки.

Елизавета чуть наклонила голову. В ее движениях мелькнуло что-то, не то одобрение, не то интерес.

— Вы, я смотрю, философ, — просто сказала она. — Редкость для молодых людей в наше время.

— Отнюдь. Просто когда у тебя из прошлого только пустота, волей неволей начнешь размышлять о настоящем.

Никита, жевавший булку, хмыкнул. Граф не изменился в лице, но я заметил, как его поза чуть расслабилась. Первая проверка похоже пройдена.

— Скажите, Роман, — Елизавета отложила вилку и посмотрела на меня с той самой вежливой улыбкой, — вы любите театр?

Я чуть не поперхнулся чаем. За что получил вопрошающий взгляд от графини.

«Театр? — мысленно спросил я. — Серьёзно?»

«Слушай, это светская беседа, — отозвалась Сима. — Она проверяет, умеешь ли ты держать разговор. Отвечай что-нибудь нейтральное».

Наконец откашлялся и сказал.

— Не могу сказать, что помню много постановок, но мне нравится, когда на сцене не просто играют, а живут. Когда забываешь, что это спектакль. Есть в этом некая ирония.

Елизавета чуть оживилась, проигнорировав мой намек.

— В прошлом сезоне мы ездили в Москву на премьеру, — сказала она, и в её голосе впервые появилось что-то тёплое. — Такие декорации, такая игра... Настоящие эмоции. Но, к сожалению, в нашем городе таких постановок нет. Приходится довольствоваться любительским театром.

— Иногда любительский бывает живее профессионального, — сказал я, отщипывая кусочек булочки. — Там играют ради эмоций.

Она посмотрела на меня с новым интересом.

— А вы, я смотрю, романтик.

— Скорее человек, который ценит искренность, — ответил я. — В любом виде.

Граф, до этого молчавший, чуть заметно усмехнулся. Никита смотрел на меня с восхищением — как на человека, который только что прошёл по канату над пропастью и не упал.

Завтрак продолжился. Елизавета ела медленно, почти не глядя на тарелку. Каждый кусок — маленький, аккуратный. Когда она задавала вопрос, то делала паузу, чтобы посмотреть, как я отреагирую. Это была не светская беседа. Это был тот же допрос, только в шелковых перчатках. Я заметил что она грамотно поддерживает внимание на себе, пока ее муж оценивает меня.

Наконец экзекуция закончилась. И моя голова даже не оказалась на блюде за неуважение. Прогресс.

— Ну что ж, — сказала Елизавета, поднимаясь. — Пожалуй, я оставлю вас. Мужчинам наверняка есть, о чем поговорить без женской компании.

— Роман, — остановилась она у моего кресла, положив руку на спинку — Никита умный мальчик, и хороший человек. Я надеюсь вы сможете найти с ним общие темы для беседы.

Она вышла — плавно и не оглядываясь. Я смотрел ей вслед и думал о том, что эта женщина, возможно, самая опасная в этом доме. Не граф, с его стальной выправкой и магией, а она. Она видит людей насквозь и невидимо дирижирует в свете. Достойная жена, и явно достойна своего мужа.

Никита, который всё это время молча жевал булку, наконец вмешался:

— Отец, могу я показать Роману оранжерею? Там теперь цветут какие-то диковинные лилии, я сам ещё не видел.

Граф чуть приподнял бровь, но не возразил.

— Если Роман не против, пусть прогуляется. Погода сегодня хорошая.

Я перевёл взгляд на графа, который смотрел на меня холодно, но в его глазах я уловил что-то новое — не простой интерес, а… расчёт. Он проверял меня на вежливость, на способность адаптироваться к светской среде. И я, кажется, прошёл.

— С удовольствием, — ответил я Никите, — прогулка звучит гораздо интереснее, чем заточение в комнате.

Граф вышел, глянув на меня, но ничего не сказал. Как только дверь в столовую закрылась, а слуги начали убираться Никита подскочил ко мне, сверкая глазами.

— Ну ты даёшь, — сказал он тихо. — Мачеха обычно так не разговаривает. Если она о чём-то спрашивает — это уже признак, что ты ей интересен. А если она еще и слушает — значит, твой ответ её зацепил.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю, — честно ответил Никита. — Но с ней всегда так. Даже я боюсь вступать с ней в светские беседы.

***

Оранжерея оказалась стеклянным куполом в центре сада. Внутри было влажно и тепло, пахло землёй, прелыми листьями и чем-то сладким, как будто я снова вернулся в бо-

таническую лабораторию Купола. Никита шёл впереди, показывая на цветы, которые я никогда не видел — яркие, с лепестками, похожими на крылья бабочек.

— Это орхидеи, — сказал он, останавливаясь у одного из кустов. — Привезли из Южных губерний. Отец говорит, что они — символ терпения. Требуют ухода, но если всё делать правильно — цветут месяцами.

Я кивнул, разглядывая цветок. Потом посмотрел на Никиту.

— Никита, я здесь чужой. Ты это знаешь. — я решил начать издалека. — К тому же я не понимаю многих правил вашего общества. Если скажу или сделаю что-то не так — это может стоить мне головы. Расскажи, как у вас всё устроено.

— Да, ты верно мыслишь. — сказал Никита не отрываясь от орхидеи. — если ты ляпнешь что-то, не подумав, тебя запросто могут убить за оскорбление чести.

Он обернулся, посмотрел на меня внимательно. Потом кивнул.

— Хорошо. Слушай.

Он пошёл дальше по дорожке, и я — за ним. Где-то под стеклянным куполом пела птица.

— Начнем с основ. Глава государства — Император, — сказал Никита. — Николай Петрович Романов. Ему около трех сотен лет, и его сила не имеет границ. Говорят, он живёт так долго, что уже забыл, сколько раз менял столицу. Люди, которые пытались его свергнуть, исчезали без следа. Так что

первый закон — никогда не перечь Императору.

— Даже в мыслях?

— Особенно в мыслях. Тайная Палата не спит.

Я хмыкнул. В Куполе тоже были «отцы нации». Только там они умирали от старости, и их сменяли такие же — серые и безликие, уже и не вспомню сколько их было. А здесь видимо все по другому. Правда я пока не видел как живет простой люд.

— Дальше — князья, — продолжил Никита. — Их шесть. Санкт-Петербургский, Киевский, Казанский, Сибирский, Владимирский, Новгородский. И неразлучная парочка – Сахалинские графы, которые по силе равны князьям. Каждый имеет свою армию, свои земли, свои интересы. Открыто не конфликтуют, но...

— Но каждый ждёт, когда другой оступится.

— Именно.

— Отдельно стоит выделить Московское Великокняжество. Им владеет лично Император.

Он остановился у куста с алыми бутонами, сорвал один, покрутил в пальцах.

— Дальше идут графы — мой род тоже графский, кстати, — сказал он, с гордостью. — Затем идут виконты, бароны, и нетитулованные дворяне. Род Воронцовых подчиняется лично Императору. Это даёт преимущества. Но и обязанности.

— Какие это например?

— Из преимуществ: Имя, доступ в столичный круг, кре-

дит доверия. Если мы запятнаем себя обманом, то запятнаем и имя его высочества. Я бы не советовал так делать. Чревато проблемами. Летальными, в лучшем случае. — предостерег он — из недостатков: Более требовательные сословные обязанности и поручения от Императора. И не всегда это поручения хорошие для нашего рода. Для государства – несомненно.

Я невольно задумываюсь. Поручения, которые оставляют род в минусе? Так недалеко и до бунта, наверняка он дает нечто равноценное, может Никита мне не договаривает, или сам не знает о всех подробностях.

— Ну хватит лирики. Каждый аристократ, — продолжает он — Обязан соответствовать своему высокому положению, и соблюдать кодекс чести. Если не соблюдаешь — лишаешься титула, если не головы. Всё просто.

— А простолюдины, уверен среди них тоже есть маги?

Никита бросил цветок в фонтан и кивнул.

— Это не верно, но не всегда хорошо. Если у ребёнка просыпается зачаток источника — его забирают в магическую школу. Учат управлять даром, дают базовое образование. А после выпуска — обязательная служба. Армия, экспедиции, аномалии, в основном военные направления. Это их долг.

— Слушай, неужели никак нельзя подняться? — задаю уже прямо, волнующий меня вопрос.

Никита посмотрел на меня. В его взгляде мелькнуло что-то — уважение, что ли.

— Император может даровать дворянство за подвиги. Мой отец таких уважает. Говорит, они прошли через огонь и воду.

— А остальные?

— Большая часть смотрит свысока. Но против воли Императора не пойдут. Только презрение выказывать и на дуэли вызывать. Остальные более нейтрально, кто то лучше, кто то хуже. — отмахивается он. — Всех людей не поймешь.

Кивнул, запоминая. Потом спросил:

— А что с магией? Пока я просто знаю, что она у меня, где то есть — развожу руками.

Никита почесал затылок.

—Тут сложнее. Ну если общими словами, у каждого мага есть источник. Это как сосуд внутри тебя. Врождённый.

— У меня он пустой. — замечаю с улыбкой. Вижу как он виляет в диалоге, видимо ничего не рассказать он не может, но и глубоко тоже погружаться не хочет.

— Да, — Никита чуть смутился. — Такое бывает… наверное. При перегрузке. Но ты выжил. Это уже чудо.

— А направления?

—То, как твоя магия работает. Огонь, вода, земля, и еще куча направлений, иногда и что-то уникальное. Есть один род у нас в клане, так вот у них родовое направление – это яд. Очень опасные противники. — поежился наследник, явно неприятные воспоминания — Направление пробуждается один раз и навсегда. Ты не сможешь стать огневиком, если

родился воздушником.

— А ты сам то кто? — задаю вопрос, не ожидая ответа. Впрочем он меня удивляет.

Никита поднял руку. Между ладонями вспыхнул чёрный сгусток — плотный, без единого проблеска. Шар привлек мой взгляд, и не просто так. Метнув сгусток в старую лейку, Никита посмотрел на меня с легким превосходством. В это время шар начал буквально пожирать бедную лейку. Я кажется даже увидел в этой тьме несколько ртов.

— Моё направление. Родовое. Тьма. — гордо произнес он. — считается редким и сильным боевым направлением.

— Есть за что. — задумчиво протягиваю — А она тебя съесть не пытается?

— Пытается. Как и любая магия. — он резко меняется в голосе, и становится грубее — без контроля, с любой магией, и с любым источником, ты будешь в опасности от самого себя. И запомни это хорошенько, это мой тебе дружеский совет.

— Ну… мне дважды повторять и не надо. — тем более Сима все записывает. — Я услышал тебя предельно ясно. Не кипятись.

— Ладно, пойдем дальше. — выдыхает Никита, видимо я задел тяжелую для него тему. — Что еще хочешь узнать? Скоро уже идти к отцу.

— Хмм… А что еще можешь рассказать?

— Ранги? Хочешь узнать?

— Ну давай. Хотя, если честно, я уже мало что понимаю. — виновато говорю.

— Их шесть: Послушник, Ремесленник, Адепт, Эксперт, Мастер и Магистр. Когда расширяешь источник за пределы врождённой ёмкости — переходишь на следующий ранг. Но тебе пока рано об этом думать.

— А ты какого ранга? — внезапно спрашиваю.

Никита хохотнул.

— На высоком уровне Послушника. Ты, как только что пробудившийся скорей всего на нижнем, но с тобой все немного странно. Если Борис Степанович прав, и ты двухдарник... — он посмотрел на меня с любопытством. — Тогда тебе придётся тяжелее. Двухдарникам нужно больше ресурсов. Но и ценятся они выше.

Никита ненадолго замолчал. Мы как раз проходили мимо клетки с воронами, я наклоняюсь и подбираю ониксовое перо. Верчу его в руках, и оно красиво переливается на солнце. Даю Никите время собраться с мыслями.

— Как тебе в нашем мире? — неожиданно спрашивает он. — Лучше чем в твоем?

Я сунул перо в карман. Не знаю зачем.

— А ты как думаешь? — отвечаю. — Я двадцать лет ел жижу, которая на вкус как пластик. Спал в бараке на четыре человека. Рисковал жизнью в таких мирах, что ваш… кажется сказкой. — настроение испортилось. — Так что да. Тут лучше, чем в моем мире. Там я всегда был в клетке. Тут,

только второй день. И судя по тому, что твой отец меня проверяет. Это ненадолго.

Я замолчал. На прогулку резко стало плевать. Никите, впрочем, тоже. Он замолчал на мгновение, а затем сказал:

— Прости. Наверное, я переступил черту. — искренне говорит, ничего не скажешь. — Мне просто было интересно. Ты интересный человек Рома. Не потому, что из другого мира, я видел как ты общаешься с мачехой. И слышал про твой потенциал. Я подумал что мы могли бы стать товарищами.

Он замолчал, я задумался. Никита хороший парень. Добрый, и немного наивный, но он умен, и амбициозен. Как человек он прекрасный. Может и выйдет что то из нашей дружбы?

— Я бы тоже этого хотел. Но твой отец не будет против? — все же уточняю, на всякий случай — Все же я «простолюдин», и пока неизвестно будет ли у меня магия.

— Если бы он был против — он бы не отпустил меня, показать тебе сад. Я могу сказать, что у него на тебя большие планы... и не только у него — загадочно произнес Никита.

— Тогда будем друзьями? — серьезно спрашиваю — И я не буду уточнять что ты сейчас имел ввиду.

Никита кивнул. Просто хлопнул меня по плечу. И пошел дальше.

— Тогда пойдём. Отец ждёт.

***

Мы вышли из оранжереи. Солнце уже поднялось высоко,

и тени в саду стали короткими. Я шёл рядом с Никитой и думал о том, что этот парень — единственный, кто говорит со мной не как с «гостем», не как с «активом», а как с человеком. Может, потому что он сам ещё не до конца стал тем, кем его хотят видеть.

«Он хороший, — сказала Сима. — Наивный, но хороший».

«Наивные долго не живут. — уточняю я. — но его наивность не отменяет того что он и правда умен. Он дал мне только базовую информацию, и не раскрыл тайн своего рода. Прекрасно видит грань»

«Тут ты прав, да. Но он учится. И у него есть ты». — говорит напарница.

Я усмехнулся не отрицая.

«Я — плохой учитель».

«Ты — умеешь выживать там, где сдохнет большинство этих магов. Это уже гораздо больше, чем у людей из этого мира».

У дверей кабинета Никита остановился.

— Дальше сам, — сказал он. — Удачи. — и вошел в дверь.

— Спасибо. — говорю ему в спину, и машет мне рукой не оборачиваясь.

Я постоял секунду, глядя на открытую дверь. Потом вздохнул и сделал шаг вперед.

Пора было узнать, какой подарок граф приготовил для меня.

***

Пока в кабинете графа Роман выслушивал очередные команды, в восточном крыле поместья, в комнате без окон, где пахло сыростью и старым камнем, Анатолий Книжников — сидел в кресле и тихо радовался. Он получил предоплату, теперь он богат, а совсем скоро станет и дворянином.

Но больше всего его радовало то что этот зазнавшийся граф сполна заплатит за все унижения которые пришлось вытерпеть псионику. Скоро, совсем скоро, он передаст память этого иномирца роду Песковых, и тогда графу крышка. Его похоронит его же собственная гордость. Это безмерно грело сердце старого Чтеца.

Жаль только не получилось залезть ему в голову полностью, но он давно владеет своим даром, и знает, что надо задавать наводящие вопросы, и читать ту информацию которая всплывает на верх сознания. Впрочем, и узнанного уже хватит графу на несколько смертных приговоров.

Его размышления прервал хруст петель, Дверь открылась так резко, что ударилась остену — петли взвизгнули.

— Что происходит? — Он вскочил с кресла. — Кто вы такие?

— Вы не имеете права! Граф знает о моей работе!

Вместо ответа, в его комнату вошел Григорий Алексеевич. За ним — двое гвардейцев, молчаливых, с автоматами на плечах. Ещё двое остались в коридоре. Полковник остановился в двух шагах, посмотрел на Чтеца сверху вниз. В его

взгляде не было ни ненависти, ни торжества. Только усталость человека, который делал это сотни раз.

— Анатолий Книжников, — сказал он ровно. — Именем его сиятельства графа Воронцова вы арестованы за измену роду.

Один из гвардейцев ударил его прикладом в лицо. Чтец упал и поднял голову, криво ухмыльнувшись. Он смотрел только на солдата который его приложил.

— Ваня, — сказал он вкрадчиво — А твоя жена знает, что ты ей изменяешь? Может пойти и рассказать ей, а? Не думаю, что она обрадуется. У вас же такие замечательные детишки.

Ваня отступил на шаг. Его лицо побледнело. Он больше не смотрел на Чтеца — смотрел в пол. Григорий заметил это, но ничего не сказал. Не с руки ему разбираться в семейных дрязгах.

Тяжелый армейский ботинок прилетает Чтецу в лицо. Глава гвардии Воронцовых не будет играть в игры психоника.

— Не слушайте его, — строго сказал Григорий — Ему не долго осталось.

Обличенный гвардеец расслабился, но теперь с подозрением смотрел на Чтеца. Психоник перестал улыбаться. Впервые за всё время. Все его надежды были порушены, ему ничего не остается кроме как наорать на виновника своего позора.

— Ты знал? И он знал? — его голос дрожит, он только

сейчас начал осознавать свою настоящую роль. — Я снова стал пешкой в его игре? Как? Откуда вы узнали? — срывается он на крик.

— Встань. — сухо, сказал бывший военный.

Чтец не двинулся.

— Он ведь знал всё с самого начала, да? — повторяет ошарашенный маг — Каждое моё слово, каждый мой звонок. Он просто ждал. — Он посмотрел на свои руки. — А я думал, что умнее. Думал, что пешка может стать ферзём.

— Ты не пешка, — сказал Григорий, и в его голосе впервые появилось что-то похожее на эмоцию, презрение. — Пешка может стать кем угодно. А ты был простым дураком.

Он кивнул гвардейцам. Те шагнули вперёд, подняли Чтеца с пола без лишних церемоний. Один заломил руки, второй защёлкнул на запястьях холодные кандалы. Чтец не сопротивлялся. Только поморщился, когда металл сомкнулся на коже.

— Куда? — спросил он, когда его повели к двери.

Григорий не ответил. Он смотрел, как Чтеца выводят в коридор, и думал о том, что этот человек только что подписал себе приговор. Не смертный. Хуже. Граф умел быть изобретательным.

Перед тем как скрыться за поворотом Чтец обернулся. Нашёл Ваню взглядом. Улыбнулся. И вышел.

Когда шаги стихли, полковник подошёл к столу, в ящике которого лежал тот самый чёрный аппарат. Он выломал

ящик одной рукой, взял его, повертел в руках. Потом сунул в карман. Такие аппараты он видел десятки раз.

Ещё одно доказательство. Ещё одна нить, которая приведёт к Песковым.

Он вышел, закрыл дверь и направился к своей комнате. Граф пока занят. Вечером он всё доложит. А пока — пусть предатель посидит в тишине и подумает о том, что он сделал.

Глава 6

Мы с Никитой как раз подходили к кабинету графа, и я чувствовал, как внутри нарастает странное спокойствие. Не то чтобы я не волновался — волновался, ещё как. Но это было профессиональное волнение перед важной работой. Как перед выходом в новый мир. СИМА молчала, но я знал, что она там, в глубине источника, копит силы. Сегодняшний тест должен был стать для неё кормом. Или для меня — смертью. Сомневаюсь что граф будет терпеть неудачу за неудачей. И тратить на меня ресурсы сверх меры.

— Ты чего такой задумчивый? — спросил Никита, замедляя шаг, чтобы идти со мной в ногу. — Отец не кусается. Ну, по крайней мере, не сразу.

Усмехнулся и съязвил, часто так делаю, когда волнуюсь:

— Я просто думаю, сколько раз за последние два дня я слышал фразу «ничего страшного». Обычно после неё случается что-то очень страшное.

Никита хохотнул:

— В нашем мире так и работает. Но ты жив, и это уже победа.

Он хлопнул меня по спине и первым толкнул резную дверь кабинета.

Граф стоял у карты, развернувшись к нам спиной. Услышав шаги, он обернулся — медленно. Нагнетает, однако. На

столе перед ним лежал раскрытая папка, там была чья-то фотография, но я не успел разглядеть ее, граф прикрыл ее рукой.

— Роман, — сказал он, не здороваясь, не тратя времени на формальности. — Ты готов?

— Насколько это вообще возможно, ваше сиятельство, — ответил я.

Он скользнул по мне взглядом, задержался на лице на секунду, затем перевёл его на Никиту:

— Ты тоже идёшь. Это будет полезно.

Никита вздрогнул от неожиданности, но тут же выпрямился, стараясь скрыть улыбку:

— Слушаюсь, отец.

Граф жестом указал на дверь, ведущую в глубину кабинета — неприметную, почти сливающуюся со стеной, которую я в прошлый раз не заметил.

— Борис Степанович уже в лаборатории. Мы спускаемся к нему.

— А будет инструктаж по техники безопасности, перед тестом? — спросил я, хотя уже догадывался, какой будет ответ.

— Есть, — отрезал граф, открывая дверь. За ней начиналась винтовая лестница, уходящая вниз, в полумрак. — либо справишься, либо умрешь. – посмотрел он мне в глаза.

— Обнадёживает…

Граф прошел первый. Надо же, не боится открывать мне

спину. Или уверен, что я ничего не смогу ему сделать.

Я шагнул следом, чувствуя, как каменные ступени вибрируют под ногами. Никита замыкал шествие — я слышал его ровное дыхание, почти не нарушаемое быстрым шагом. Воздух стал прохладнее, влажнее, с оттенком земли и старого камня. На стенах через каждые несколько шагов горели магические светильники — тусклые, желтоватые, отбрасывающие длинные, колеблющиеся тени.

Длинная лестница закончилась массивной дубовой дверью, окованной железом. Граф толкнул её, и она открылась без звука — видно, часто смазывали.

Лаборатория Бориса Степановича оказалась огромной, сводчатой комнатой, вырубленной прямо в скальном основании поместья. Потолок терялся в темноте, поддерживаемый массивными каменными колоннами, между которыми были натянуты провода и датчики.

В центре, на каменном постаменте, возвышался прибор — в два раза больше вчерашнего, с матовым шаром, внутри которого мерцала густая тьма, пронизанная золотыми искрами.

Борис Степанович суетился вокруг, проверяя контакты. Павел уже сидел за пультом, водил пальцами по светящимся пластинам. Анна Ивановна стояла в стороне, прислонившись к колонне, и следила за нашим приходом с тем же отстранённым вниманием, что и вчера. В руках у неё был небольшой металлический жезл с вращающимся кольцом на

конце.

— Ваше сиятельство, — Борис выпрямился, вытирая лоб. — Всё готово. Накопитель заряжен на тысячу двести единиц, стабилизаторы проверены. Если что-то пойдёт не так, я прерву подачу вручную.

— Начинай, — коротко бросил граф и отошёл в сторону, скрестив руки на груди.

Я стоял у постамента, глядя на чёрный шар. Он казался живым — золотая пульсация внутри напоминала сердцебиение. Я глубоко вдохнул. Запах трав, металла и озона — невольно вспомнил коридоры Купола. Рядом с отцом тихо стоял Никита.

— Садись, Роман, — сказал Борис, указывая на резное кресло у прибора. — Процедура та же. Только подача будет выше и быстрее.

Я опустился в кресло, положил руку на шар. Поверхность оказалась холодной, в отличие от вчерашней, но как только мои пальцы коснулись её, внутри что-то дрогнуло. Словно шар нашел то ради чего предназначен.

— Подача стабилизирована, — доложил Павел. — десять единиц в секунду. Начинаю.

Я почувствовал, как из пальцев в грудь потекла знакомая тёплая волна. Сильнее, плотнее, чем вчера. Энергия входила в меня, заполняя источник, и я знал — она не исчезала. Она уходила внутрь, туда, где спала СИМА.

— Приём стабильный, — сказал Борис, глядя на прибор.

— Ёмкость не растёт. Как и вчера.

— Увеличивай до пятидесяти, — сказал граф.

Борис перевёл рычаг. Шар под моей ладонью нагрелся, и я ощутил, как энергия хлынула быстрее, почти обжигая. В груди разлилась тяжесть, но не боль. Словно источник наконец начал работать — не как воронка, а как приёмник.

— Сто единиц! — крикнул Павел.

— Сто пятьдесят, — спокойно приказал граф.

Я закрыл глаза, сосредоточившись на ощущениях. СИМА. Я чувствовал её присутствие. Она росла, набирала форму. Мой источник обзаводился чем-то новым, как будто кто-то рисовал на стенках изнутри.

— Триста! — голос Павла дрогнул. — Борис Степанович, накопитель на семьдесят процентов!

— Увеличивай, — твёрдо сказал Борис, хотя его руки уже дрожали. — Пятьсот!

Волна ударила по мне с новой силой — горячая, плотная, как лава. Я стиснул зубы, но не двинулся с места. В груди разливалось тепло, которое становилось почти нестерпимым. И в этот миг я услышал её — отчётливо, ясно.

«Ещё... Рома... ещё немного...»

Голос СИМЫ был другим — человечным, с нотками благодарности и… заигрывания? Она что, заигрывает со мной? Сейчас? Вот чертовка.

— Шестьсот! — выкрикнул Павел. — Накопитель разряжен на девяносто процентов!

— Не останавливайся, — сказал я, не открывая глаз.

Борис покосился на графа. Тот кивнул.

— Семьсот!

Я приготовился к новой волне, но вместо привычного тёплого потока меня встретило нечто иное. *Треск.* Отчётливый, резкий, как разряд высокого напряжения. Он шёл изнутри, из самой глубины источника, и был такой громкий, что на миг я оглох.

Я почувствовал, что источник начинает распирать, Сима не смогла вместить больше, и остаток хлынул в основное хранилище. Плохо, он сейчас расколется.

«СИМА!»— мысленно крикнул я, но она не ответила. Она просто *взяла* лишнюю ману.

Энергия хлынула лавиной —как расплавленный металл, текущий по венам. Я почувствовал, как мой источник, который секунду назад был пустым и голодным, вдруг переполнился, в одно мгновение. Без предупреждения. Он был полон, *слишком* полон.

И я понял: он лопается. Сима не справляется. Ей надо помочь.

Трещина пошла по стенке источника — я ощутил её, как физическую боль, как будто кто-то разрывал мою грудную клетку изнутри. Мана хлынула в щель, и я закричал — не от страха, от чистого, всепоглощающего огня, который разливался по телу, сжигая нервы, мышцы, каждую клетку.

— Роман! — крикнул Никита, шагнув вперёд, но его голос

тонул в шуме крови в ушах.

Я уже не контролировал себя. Мана была везде — в руках, в ногах, в позвоночнике. Я просто распихивал ее в любые места куда мог дотянуться, но понимал, я не успеваю, мана накапливается быстрее чем я могу ее распределить. И если бы не Сима...

«Я здесь!»

Голос прорвался сквозь гул — резкий, командный, словно окрик сержанта в бою.

«Не смей умирать, идиот! Перестань сопротивляться мане, это единственный путь!»

Я даже не успел осознать её слова. Просто обмяк на стуле, позволив телу обвиснуть, — другого способа «перестать сопротивляться» я не знал. Но это сработало. Жжение, которое разрывало меня изнутри, вдруг сменилось направленным, но неравномерным потоком разливаясь по телу, словно разгружая переполненную плотину через аварийные шлюзы. Энергия ушла в руки, в ноги, в мышцы, в кости, в каждую капилляру, проблема была в том что где-то маны было больше, где то меньше. Тело горело, но не ломалось. Источник больше не трещал — Сима, она взяла неравномерную ману в теле под контроль, и начала стабилизировать ее по телу, выровняла неравномерность.

— «Умничка». – шепчу мысленно. В голове крутится мысль, что это скорей всего был бы мой конец. Нужно срочно самому учится управлять маной.

Я не знаю, сколько это длилось. Миг? Вечность? А потом жжение стихло, оставив после себя лишь ровный, глубокий жар в груди. Как угли, которые больше не горят, но ещё дышат теплом.

Вспышка. Золотистая, чистая — она прошла сквозь меня, выжигая всё лишнее, оставляя лишь пульсирующее, живое ядро. Я открыл глаза и увидел, как шар под моей рукой погас — не взорвался, не потускнел, а именно угас, как будто отдал всё, что имел.

Медленно убрал руку от этого изощренного способа самоубийства. Ладонь была цела, только слегка красная. Всё тело гудело, как после долгого бега, но я мог дышать. Я был жив.

— Накопитель на нуле, — прошептал Борис, глядя на прибор с таким выражением, будто увидел призрака. — Всё ушло... в него. И... больше, чем было. Прибор показывает, что через него прошло почти тысяча четыреста единиц, практически одномоментно! Но я запустил лишь тысяча двести, и подавал их постепенно… - он хмуро смотрит на Павла – Откуда ещё двести?! Почему всплеск был одномоментный? А если бы мы его убили? – срывается он на подчиненного.

— Э… это не я!, - Павел сам не понимает что произошло. – Я сейчас же проверю все еще раз.

— Там было больше, — сказал я хрипло, вытирая выступивший на лбу пот. — В источнике. Она копилась где-то в глубине, пока не стало слишком много. И тогда я просто...

раскидал её по телу.

— Как? — резко спросил граф, подходя ближе.

Я перевёл дух и прислушался к себе. В груди, там, где раньше был пустой источник, теперь пульсировало что-то тёплое и ровное. Как второе сердце. Непонятное и от чего то, родное, как будто ему всегда было там место. А внутри него — голос, который я узнавал всё отчётливее.

«Рома! — раздалось в голове знакомое, но обновлённое, — я готова. Я здесь. И мы справились».

Я не мог сдержать улыбку. Никита смотрел на меня широко раскрытыми глазами, переводя взгляд с моего лица на потухший накопитель.

— Что с тобой было? — спросил он, и голос его дрогнул. — Ты кричал так, будто...

— Будто я горел, — закончил я. — Так и было. Но я справился, вроде как…

Борис отступил на шаг, отирая лоб, и покачал головой — Я такого не видел. Никогда.

— В каком смысле? — спросил я, прислушиваясь к себе.

— В прямом, — Борис указал на прибор, который всё ещё гудел, регистрируя остаточные показатели. — Объём вашего источника вырос в два раза за десять секунд

— Надо же… — голос графа прозвучал ровно, но в нём прорезалась та же стальная нотка, что и всегда, когда он сталкивался с неожиданностью. — Ты достиг середины ранга послушника сразу после наполнения источника...

Он стоял в двух шагах, скрестив руки на груди, и смотрел на меня так, будто видел впервые. Его глаза — холодные, расчётливые — изучали меня с новой, более пристальной внимательностью, ощупывая каждую деталь моего лица, каждое движение пальцев, каждое дыхание.

Я перевёл дух. В груди всё ещё горело, но теперь — ровным, глубоким жаром, как от долгого бега. Источник больше не был пустым. Он был полон. И даже переполнен.

— Ты распределил ману по телу, не умея её контролировать, — заметил граф, и в его голосе мелькнула не то насмешка, не то одобрение. — Это техника укрепления. Довольно распространённая и грубая. Обычно нужно постепенно пропитывать тело своей маной, чтобы оно укреплялось. Месяцами. Годами. — Он сделал паузу, и его глаза сузились. — Но ты смог впитать довольно большой для тебя поток за секунду.

Он замолчал. Вопрос повис в воздухе: *«Как ты это сделал?»*

Он не ждал ответа — я видел это по его глазам. Он видел, что я не всё говорю. Но он давал мне пространство, за что спасибо ему. Но откуда такая лояльность? Видимо моя потенциальная полезность больше чем возможные проблемы.

Я стоял, чувствуя, как тело гудит от остаточной энергии, и внутри, глубоко, голос Симы отозвался насмешливо:

«Умный мужчина. Он видит что мы очень ценный «актив»».

Я уже открыл рот, когда Борис Степанович, до этого стоявший с бледным лицом и трясущимися руками, вдруг заговорил:

— Ваше сиятельство… предварительный отчёт. Направление силы. — Он запнулся, как будто сам не верил в то, что собирался сказать. — Металл… и… кровь.

Тишина.

Она повисла в лаборатории, плотная, вязкая, как застоявшийся воздух после грозы. Никита замер, не дыша. Он бросил на меня немного испуганный взгляд, но спустя секунду, кивнул своим мыслям и снова пришел в себя. Чего это он?

Павел поднял голову от приборов, и его лицо стало белым, как бумага. Анна, стоявшая у колонны, перестала крутить жезл и уставилась на меня так, будто я только что отрастил вторую голову.

Граф медленно, очень медленно, опустил руки и шагнул вперёд. На его лице не было удивления — только холодное, пристальное внимание хищника, который только что заметил в добыче нечто неожиданное.

— Металл? — переспросил он тихо. — И кровь?

— Да, — Борис сглотнул. — Я… я проверил трижды. Реакция на образцы, которые я взял во время теста. Когда источник переполнился, он выделил остаточную энергию, и я успел её зафиксировать. — Он подошёл к столу, на котором стоял монитор с какими-то графиками. — Первый график, Роман — это ваше направление, точнее направления.

Он тыкает толстыми пальцами прямо в монитор, пытаясь объяснить всем присутствующим, то что он несомненно понимает, но не остальные, судя по нашему растерянному виду.

— Такой состав маны позволяет сделать выводы что ваша мана направлена на живые структуры, а вот эти частицы – тыкает он на другую часть графика – отвечают за твердые объекты, причем подобный состав свойственен именно металлу. – не может остановится от объяснений пораженный ученый.

— Хватит, Борис. — обрезает его Граф.

— Прошу прощения, ваше сиятельство — извиняется Борис, разводя руками. — Но это… это… удивительно — опять впадает в причитания ученый, — …Смотрите, ваше сиятельство, типа маны которая отвечает за кровь, хоть и не на много, но больше.

Граф смотрит на Бориса так как будто если он сейчас не пояснит что это значит, тот открутит ему голову. Ученый не подводит раздраженного графа:

— Это значит что его родовой, если так можно выразится, дар – это кровь, если его дети не будут двухдарниками как сей несомненно впечатляющий индивид, то с большой вероятностью они унаследуют кровь.

Граф подошёл к столу, и задумчиво посмотрел на один из графиков. Его взгляд показывал что он принял некое решение. Надеюсь не смертный приговор для меня.

— Металл и кровь, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Редкое сочетание. Смертельное. — Он опустил пластину и повернулся ко мне. — Ты знаешь, что это значит?

Я выдержал его взгляд. В груди пульсировало ровное, уверенное тепло, и голос СИМЫ, теперь ясный и спокойный, шепнул:

«Это значит, что ты не просто маг. Ты оружие. И они это только что поняли».

— Нет, ваше сиятельство, — сказал я, и голос мой звучал ровно, хотя внутри всё кипело. — Но я хочу узнать.

Граф смотрел на меня ещё несколько секунд, потом усмехнулся — с той же холодной оценкой, что и всегда.

— Тогда завтра ты узнаешь. — Он положил пластину на стол. — А сейчас — иди. Отдыхай. Завтра будет настоящая работа.

— И ещё. Ты сегодня удивил меня.

Он развернулся и вышел, оставив нас в тишине. Борис вытер лоб и тяжело опустился на стул. Павел принялся отключать приборы, стараясь не смотреть в мою сторону. Анна, проходя мимо, задержалась на секунду, взглянула на меня — и на её губах появилась лёгкая, едва заметная улыбка.

— Металл и кровь, — повторила она, пробуя слова на вкус. — Ты будешь прекрасным мужем. Сильный и выносливый. Любая девушка захочет быть твоей.

Она вышла, оставив меня гадать, что именно она имела в виду — комплимент, угрозу или приглашение.

Никита остался стоять рядом, глядя на меня с новой смесью уважения и… настороженности?

— Ты, — сказал он, и голос его дрогнул, — ты только что достиг середины ранга за десять секунд. И у тебя два направления. Одно из них — кровь. — Он покачал головой. — Ты хоть понимаешь, насколько это… страшно?

Я поднял руку, посмотрел на неё. Пальцы слегка дрожали, но слушались. Кожа была бледной, как и вчера, но теперь, если приглядеться, в венах угадывался едва заметный, серебристый отблеск.

— Знаешь, — сказал, чувствуя, как внутри разливается странное, почти приятное спокойствие, — я только что понял: я не боюсь. — перевёл взгляд на Никиту и улыбнулся. — То, что я стал магом двух направлений, это несомненно сильно. Но характер то мой не изменился.

Он хотел что-то сказать, но промолчал, только с улыбкой покачал головой и жестом указал на выход:

— Идём. Я провожу тебя в комнату. Тебе правда нужно отдохнуть.

Мы вышли из лаборатории, и я снова почувствовал, как по телу разливается ровное, глубокое тепло. Источник пульсировал в такт сердцу, но теперь — не как чужеродный орган, а как часть меня, как будто она всегда там была. Гул в груди утихал, но я знал, что Сима там, внутри, наблюдает и слушает.

Никита шёл рядом, замедлив шаг, чтобы идти в ногу. Он

молчал, но я чувствовал, что он ждёт вопроса. И когда мы свернули в галерею, где утренний свет струился сквозь высокие окна, я решился.

— Никита, — сказал я, не глядя на него, — что значит «кровь»?

Он на секунду запнулся, потом нервно засмеялся.

— Ты, наверное, думаешь, что это что-то про вампиров или жертвоприношения, да? — Он покосился на меня. — Не совсем… точнее совсем не то, но я не разбирался в тонкостях этого типа магов.

Я промолчал, ожидая продолжения.

— Кровь как направление — это не магия над живой кровью, — пояснил Никита, понижая голос, хотя вокруг никого не было. — Ты не сможешь остановить сердце врага на расстоянии. Биополе живого существа этого не позволяет — оно блокирует внешнее вмешательство в живую ткань. Так что если ты думал, что сможешь просто щёлкнуть пальцами и высушить кого-то, — он покачал головой, — забудь. Так не работает.

— А что тогда?

— Манипуляция *своей*кровью, — ответил он. — И ничьей. Усиление регенерации, повышение выносливости, временное увеличение силы. В бою это даёт колоссальное преимущество — ты можешь заживлять раны прямо во время схватки, продолжать двигаться, даже когда должен упасть. — Он посмотрел на меня с лёгкой завистью. — на высоких

рангах, если тебе снесут голову, то далеко она не отлетит, прирастет обратно, если мана конечно есть. Но это требует огромной концентрации, хороших знаний и чувства меры. — Он понизил голос ещё сильнее. — Если ошибаешься, можно случайно запустить процесс свёртывания в собственном теле. И тогда…

Он сделал паузу, многозначительно глядя на меня.

— …сердце просто остановится.

Я переварил эту информацию.

— А с чужой кровью?

— С чужой — только если она уже пролита, — ответил Никита. — Если кровь отделилась от тела, она становится «ничьей», наверное. И тогда ты можешь управлять ею. Создавать барьеры, оружие, ловушки. И черт знает, что еще.

Я сглотнул. Приятно, ничего не скажешь Но это вроде как сильно. Нужно будет начать разбираться.

— Хм… пока перспективы хорошие. Но почему тогда все так отреагировали?

— Потому что, таких магов мало — указал Никита. — И я скажу тебе так. Жизнь их обычна не долгая. Опасная это магия, одна ошибка, и можно гроб заказывать.

— И не только магия. Уверен за такими еще и охота идет, либо что бы завербовать, либо убить, пока не окреп.

Никита сморит на меня, но ничего не говорит. Думает что я долго не протяну? Жаль его огорчать. Он открыл рот, чтобы что-то сказать. Потом закрыл. Потом покачал головой.

— Ладно. Проехали. Но ты запомни: если что — я тебя предупредил.

— Предрассудки. —устало качает головой, но продолжает. — В некоторых странах, в той же Франции, до сих пор считают, что кровавая магия — это проклятие, но это связано скорее с тем что они сильно повздорили с Валахией, а их государев род как раз владел магией крови, Валахийцы тогда знатную резню устроили. Так что кровников во Франции до сих пор сжигают на кострах, если узнают.

— У нас же, в России, предрассудков поменьше. — Уточняет он. — Император ценит практическую пользу.

Я нахмурился. Перспективы двоякие, с одной стороны – сильный дар, с другой – общественные предрассудки.

— Слушай а что с металлом?

Это редкое направление, но более понятное. Управление металлом, формирование различных форм под нужды: оружие, доспехи. В бою — ты можешь создавать щиты и копья из воздуха, превращая сталь в послушное оружие. В мирной жизни — ты будешь незаменим для ремесленников, кузнецов, артефакторов. Это сильное и уважаемое направление. Но…

— Что «но»?

— Но на высоких рангах, — Никита посмотрел на меня с настороженностью.

Я остановился, обернулся к нему. Солнечный свет падал на его лицо, и я видел, что он серьёзен.

— И что мне теперь делать с этим знанием?

Никита вздохнул, прошёлся по галерее и остановился у окна, глядя в сад.

— Роман, — сказал он, и голос его стал тише, — я скажу тебе как друг, а не как сын графа. Если ты останешься здесь, в поместье, если ты станешь слугой нашего рода — тебя убьют.

— Ага. Я не удивлен. — для меня это не сюрприз. — Поясншь?

— Не сразу, — продолжил Никита, не оборачиваясь. — Сначала тебя будут использовать. Проверять, изучать, тренировать. Но когда поймут, что ты действительно можешь стать сильнее любого из нас — начнётся охота. Князья, другие роды, даже Тайная Канцелярия. Ты — ресурс, а ресурсы не оставляют в чужих руках.

Открыв глаза и пристально посмотрев прямо в мои, он выдает:

— Но потенциал у тебя огромный… даже выше чем у меня, но развить тебе его не позволят. — он загрустил.

— Мой родной источник в три раза больше общепринятого, и отец сулил мне достижение ранга Магистра. Но меня не посмеют трогать если не хотят войны с моим родом. Ты же… — слова даются ему тяжело — …один.

Он вновь прикрывает глаза. Я понимаю, в своей голове он уже вынес мне приговор.

Резко подхожу к нему, и хлопаю по спине, звонкий хло-

пок эхом разносится по коридору. Никита в шоке раскрывает глаза. Гвардеец рядом с вопросом посматривает на нас. Машу ему рукой, мол все в порядке.

— Рано ты меня в ходячие трупы записал. – весело говорю я.

Нравится мне этот парень, вроде пару дней знакомы, но я не чувствую от него фальши. Даром что темник-аристократ. Тишина повисла между нами на пару секунд, пока Никита вдруг не спрашивает, посматривая то на меня, то на гвардейца рядом:

— Может пришить тебя за неуважение? – протягивает он. А затем… Разражается смехом – Ладно, живи пока *простолюдин*. – Он грозит мне пальцем, но сказал это с такой усмешкой, что я понял: для него я уже давно не просто «безродный». Мы просто оба этого ещё не произнесли вслух.

Он махнул напрягшемуся гвардейцу — тот явно расслышал только «пришить» и приготовился к действию. Увидев жест Никиты, вояка выдохнул и расслабился.

Я смотрел на Никиту, чувствуя, как внутри, в груди, пульсирует источник — горячий, живой, полный энергии, которую я только начал понимать. И в его глубине, как тихий отголосок, шепнула СИМА:

«Он прав. Мы должны спрятаться. Или стать настолько сильными, чтобы нас не тронули».

Я выдохнул, и на губах появилась лёгкая, почти незаметная улыбка.

— Спасибо, Никита. — Я подошёл к нему, положил руку на плечо. — За правду.

Он слегка кивнул.

— Ты заслуживаешь знать. А теперь — иди, отдыхай. Сегодня был тяжёлый день.

Я развернулся и пошёл по галерее, чувствуя его взгляд в спину. Внутри, под слоем усталости, закипало странное чувство.

«В этом мире, — подумал я, — чтобы выжить, нужно быть сильным. Жаль что все не может быть так просто как было до этого».

Я закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, давая себе несколько секунд на то, чтобы просто выдохнуть. Солнце клонилось к закату, и косые лучи золотили пол.

Я прошёл к кровати и сел на край. – давно заметил что надо действовать, а не просто идти на поводу – В груди мана медленно циркулировала — источник больше не был пустым. Он был полон, и внутри него, как драгоценный камень в оправе, покоилась СИМА.

«Сима, — мысленно позвал я, — запускай полную диагностику. Сначала по своим системам, потом по моему состоянию. Что изменилось?»

Тишина длилась не больше секунды. Потом в голове раздался её голос — уже не сбивчивый и слабый, а ровный, уверенный, но с налетом бывшей исполнительности.

«Принято, Ромочка. Провожу анализ...» — вот ведь вир-

туальная кокетка.

Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри, в глубине источника, разливается лёгкое покалывание. Словно кто-то осторожно перебирал мои внутренности, ощупывая каждый уголок, каждую клетку.

Через несколько мгновений перед внутренним взором вспыхнули графики — не те, что я привык видеть на экранах в Куполе, а странные, мерцающие, состоящие из золотистых линий и пульсирующих точек. Они накладывались на моё тело, высвечивая различные участки.

«Диагностика завершена, — сказала СИМА, и в её голосе проскользнуло что-то похожее на задумчивость. — Состояние стабильное. Источник заполнен на 94%. Остаточная мана распределена по телу неравномерно — концентрация в районе грудной клетки и вдоль позвоночника. Присутствуют микротрещины в структуре источника, но они, кажется, затягиваются.»

— Микротрещины? Кажется? — переспросил я, открывая глаза. — Это опасно?

«Безопасно, но неприятно. Похоже на растяжение связок после перегрузки. Сейчас они заживают, но если в ближайшее время ты попытаешься пропустить через себя слишком большой поток маны, они могут расшириться. Я бы рекомендовала воздержаться от использования источника хотя бы сутки.»

Я кивнул, обдумывая это. Потом спросил:

— А что с тобой? Ты говорила, что база данных стёрта. Что осталось?

СИМА помедлила. Когда она заговорила снова, в голосе послышалась едва уловимая нота сожаления.

«Ядро цело. Базовые функции: связь с твоим сознанием, обработка информации, аналитика — работают. Но бóльшая часть базы данных уничтожена. Я потеряла 78% накопленных знаний: медицинские протоколы, тактические схемы, спецификации оборудования...» — она сделала паузу. — «Всё, что было загружено в меня за время работы в корпорации, стёрто. Осталось только то, что я успела перезаписать в твой источник в момент пробуждения».

— И что там осталось?

«Твои базовые биометрические данные, записи последних трёх вылазок, кое-какие аналитические модули, и... — она замолчала, как будто проверяя что-то, — ...интересно. Мне удалось сохранить фрагменты информации о энергетических структурах, которые я зафиксировала в первые дни пребывания в этом мире. Это не полноценные знания, но хотя бы какие-то ориентиры».

Я усмехнулся, чувствуя, как внутри поднимается странное облегчение.

— Значит, мы с тобой — два недотепы, которые пытаются разобраться в магии с нуля? Я — маг без знаний, ты — ИИ без базы данных. Отличная команда.

«Считай это вызовом, Рома, — в голосе СИМЫ про-

скользнула лёгкая ирония. — Лучшая команда — это та, которая учится вместе».

Я откинулся на кровать, глядя в потолок. Деревянные балки пересекали его в равномерном ритме, и я смотрел на них, обдумывая услышанное.

— Что ещё ты заметила? Какие изменения в моём теле по сравнению с последним сканированием в Куполе? До пробуждения.

СИМА снова замолчала на мгновение, затем передо мной всплыл новый график — на этот раз сравнительный. Слева были мои старые показатели: плотность костей, мышечная масса, биохимические маркеры. Справа — новые, с аномальными всплесками и отклонениями.

«Изменения значительные, — протянула она. — Плотность костной ткани выросла на 12%. Мышечная структура изменилась — волокна стали более плотными, с увеличенным содержанием миоглобина. Регенерация ускорилась как минимум вдвое: мелкие повреждения заживают за минуты, а не за часы. Это подтверждает слова Никиты о направлении "кровь".»

— А сердце? — спросил я, чувствуя, как внутри зарождается холодок. — Он сказал, что это направление может быть опасным для сердца.

«Сердце, — она сделала паузу, и я понял, что она проверяет данные несколько раз, чтобы убедиться, — сердце работает стабильно. Но я заметила нечто странное. Вокруг него

образовалась едва заметная сеть из магических структур — что-то вроде дополнительного контура. Он не мешает, но... он есть. Я не знаю, зачем он нужен. Возможно, это реакция организма на пробуждение. Или часть твоего источника, которая адаптировалась к новому состоянию.»

Я медленно поднял руку, положил ладонь на грудь. Под пальцами ровно и сильно стучало сердце. Обычное, живое сердце. Но внутри, под кожей, я чувствовал, как что-то шевелится — не боль, не давление, а скорее напряжение, готовность.

— Хорошо, — сказал я, отнимая руку. — Значит, мы не знаем, что это. Но знаем, что оно есть. Это уже что-то.

«Согласна, — отозвалась СИМА. — У нас есть отправная точка. Дальше — будем разбираться.»

Я лежал, глядя в потолок, и мысли текли свободно, без напряжения. Граф, Никита, перспективы, слова о металле и крови — всё это складывалось в картину, которую я пока не мог разглядеть до конца. Но одно становилось ясным: я здесь не просто так. Моё пробуждение, моя сила — это не случайность.

— Сима, — сказал я, чувствуя, как внутри закипает странное спокойствие. — Что будем делать завтра?

«Я предлагаю начать с малого, — ответила она. — Разобраться с тем, что у тебя внутри. Понять, как работает твой источник, как управлять направлениями. Никита прав — если не разобраться, нам не выжить. Но у нас есть преимуще-

ство.»

— Какое?

«Я могу анализировать твои ощущения в реальном времени. Ты чувствуешь — я фиксирую. Это не заменит обучения, но даст нам то, чего нет у других магов: обратную связь без задержек. Мы сможем учиться быстрее, чем кто-либо.»

Я усмехнулся, чувствуя, как внутри разливается тёплая волна — не магия, а что-то более простое и человеческое.

— Значит, завтра мы начинаем учиться быть магом, да?

«Мы начинаем учиться быть не мертвыми, — поправила она. — Это важнее, чем просто быть магом, хотя бы на первых этапах».

Я не стал спорить. Закрыл глаза, чувствуя, как усталость начинает брать своё. Но перед тем, как провалиться в сон, я снова их открыл и посмотрел в окно. За стеклом уже темнело, но где-то вдалеке горел одинокий фонарь, и его свет разливался по саду мягким, тёплым ореолом.

— Сима, — спросил я тихо, — как думаешь, у нас получится? Мы справимся в этом мире?

Она не ответила сразу. А когда заговорила, голос её был мягче, чем я привык слышать.

«Ты уже справился, Ромочка. — практически мурчит она — Ты выжил в пещере. Ты выжил в лаборатории. Ты начал понимать себя. А я выжила благодаря тебе. Теперь нам осталось только двигаться дальше. Один шаг за другим.»

Я улыбнулся и закрыл глаза.

Глава 7

Я не знаю, что меня разбудило. Сначала — просто толчок где-то на границе сознания. Лёгкий, почти невесомый, как если бы кто-то нежно провёл ладонью по щеке. А потом — голос – чёткий, собранный, без тени сонной вялости.

«Рома. Просыпайся. Тихо. Не дёргайся.» - моя напарница не спит.

Я чуть приоткрыл глаза в полной темноте. Никакого света — ни лунного, ни уличного. Шторы были задёрнуты плотно, я помнил, как сам их закрывал перед сном. В комнате стояла та особенная тишина, которая бывает только в глубокую ночь.

«Что случилось?» — мысленно спросил я, не двигаясь, даже не поворачивая головы. Я лежал на спине, руки вдоль тела, дыхание ровное — как учили в Куполе. Притворяться спящим, пока не поймёшь угрозу.

«Я зафиксировала аномалию. — Голос СИМЫ был тихим, но в нём не было паники, только холодная сосредоточенность. — Кожа на твоей левой руке. Температура упала на полтора градуса за последние три секунды. Внезапно».

Я чуть повёл пальцами левой руки, лежащей поверх одеяла. И правда — странный холодок. Сквозняк от окна? Нет. Это было тоньше. Как будто кто-то невидимый провёл по моей коже ледяным пером.

«Окно я закрывал, — сказал я мысленно. — Проверь».

«Уже. — Пауза. — Окно закрыто. Замок на месте. Шторы не колышутся. Но поток воздуха есть. Он идёт... — она замолчала на мгновение. — Он идёт от стены. Слева от кровати, на уровне пола. От камина.»

Камин. Я начал припоминать — когда осматривал комнату, я заметил что отверстие камина слишком большое, туда поместится небольшой человек. Тогда я решил, что это просто дымоход, и забил на него. Но сейчас...

В Куполе нас учили: если ты проснулся от угрозы — не выдавай себя, жди. Тот, кто пришёл, хочет убедиться, что я сплю. Значит, он подойдёт ближе. Ближе. Ещё ближе...

Я замер, выровнял дыхание. Сделал его глубже, ровнее — как у спящего. И ждал.

Прошло, наверное, секунд двадцать. Тишина. Только моё сердце — ровно, спокойно, как у человека, который видит сладкий сон.

А потом я понял: я его чувствую.

С закрытыми глазами. Без звука. Без запаха.

В груди, там, где источник, что-то шевельнулось — не боль, не жар. Это было похоже на слабый электрический разряд, который пробежал по позвоночнику и сфокусировался в затылке. Я не видел его, не слышал, но я знал — он там. Метрах в двух от меня. Слева. За каминной решёткой.

«Сима, — мысленно позвал я. — Я его чувствую. Я не знаю как, но я его чувствую.»

«Фиксирую. — В голосе СИМЫ проскользнуло любопытство. — Анализирую... Это не слух и не обоняние. Это... мана. Твой источник реагирует на его присутствие. Ты чувствуешь его кровь.»

Я чуть не открыл глаза от удивления. Кровь? Чужую кровь? Никита говорил, что кровники работают только со своей или с уже пролитой. А здесь — живой человек за решёткой, и я его чую как гончая.

«Это новая особенность, — подтвердила Сима. — Скорее всего, пассивная. Ты не контролируешь её, но она работает. Дальность — около двух метров. Пока слабо, но это только начало.»

Я сдержал дыхание. Два метра. Он стоял в двух метрах от меня. За каминной решёткой. И ждал.

А потом Сима сказала то, от чего внутри всё сжалось:

«Странно... От его правой руки исходит не только кровь. Я чувствую... металл. Не оружие. Что-то другое. Маленькое, круглое. Он держит его в ладони. И оно искажает поле вокруг себя. Рома... это может быть прослушивающий артефакт. Или что-то похуже.»

Я мысленно усмехнулся. Значит, они не просто наблюдают. Они слушают.

«Что будем делать?» — спросила Сима, и в голосе проскользнула нотка предвкушения.

Она уже знала что я буду делать. Все же она читает мои мысли. В темноте я не боец, если не вижу противника.

Я сонно встал с кровати, чувствуя что тень затаилась – видимо у него приказ не связан с моим устранением – подошёл к столу с кувшином, и налил себе стакан воды. Отхлебнул немного и ели слышно, как будто самому себе, прошептал:

— Как же душно… - шатающейся походкой пошел к окну, и встал у него. Луна яркая, отлично. Отодвигаю штору, и резким движением я швырнул стакан в фигуру, даже не целясь, просто в центр тёмного пятна, и сорвался с места следом за броском.

Чёрная фигура, словно вырезанная из ночи. Ни лица, ни очертаний — только плотный сгусток тени, который колыхался, как дым. Темник. Я вспомнил слова Никиты: они умеют управлять тенями, скрываться, создавать иллюзии.

Стакан разбился о каминную решётку — фигура ушла влево, скользнув как призрак. Но я уже был там. Удар в скулу — резкий, короткий, с весом всего тела. Я видел, как он уворачивается, как тень смещается, но моя рука скользнула мимо, зацепив только край его одежды.

«Чёрт!» — я едва успел уйти вниз, когда из низкой стойки в меня полетел предмет — в лунном свете я увидел короткий метательный нож, — «Быстро.» — Я резко откинул корпус назад и чуть влево, чувствуя, как лезвие проносится в миллиметре от уха, и услышал глухой удар — нож вонзился в потолок за моей спиной.

Я откатился в сторону, встал в стойку, оценивая противника. Фигура замерла в трёх шагах от меня. Метр семьдесят,

плюс-минус. Плотная, собранная, с низким центром тяжести. Боец-профессионал.

Мы смотрели друг на друга меньше секунды. Тишина была нарушена нашими движениями.

Тень сорвалась с места — и разделилась. Два силуэта, один справа, другой слева, синхронно рванули ко мне. Иллюзия. Я знал это. Чувствовал — мой новый дар подсказывал: настоящая кровь бьётся слева. Справа — пустышка.

Я проигнорировал правую тень. Вложив весь вес в правую часть. Удар — резкий, боковой ногой в корпус.

Мимо. Снова мимо. Он ушёл вниз, под ногу.

— Чертова змеюка, как ты так извиваешься? У тебя что, совсем костей нет? – рычу уже вслух. Тень отступает к камину.

Ответа нет, но я почувствовал как его плечо врезается мне в грудь, сбивая дыхание.

— «Сука, ты же только что отступил» - Я быстро понял что скользкий, как змей противник отступил своим клоном, а я отвлекся от дара, и проворонил его под ногами.

Я быстро понял его цель – он не пытался атаковать — он пытался разорвать дистанцию для того что бы достать нож.

И когда я понял это, было уже поздно.

Я увидел блеск стали — короткий кинжал, выскользнувший из рукава. Он не целился в сердце. Он целился в бедро — перерезать бедренную артерию. Быстро и смертельно.

Но я был готов.

Я перехватил его руку за запястье — жёстко, с рывком, ломая траекторию удара. Кинжал скользнул по моему бедру, разрезая штанину, но не кожу. Он дёрнулся, пытаясь высвободиться, но я уже вошел в его пространство — максимально близко, как меня учили. Во время борьбы оружие бесполезно.

— «Теперь попляшем, змеюка.» - я внутренне торжествую.

«Не давай ему дистанцию, — шепнула Сима, и в голосе её звучала та же холодная уверенность, что и в учебных симуляциях. — Он быстрее тебя в движении. Но у него нет твоей массы.»

Я толкнул его в плечо, заставляя потерять равновесие, подбил ногу, и, пока он шатался, довернул корпус, вбивая его в пол.

Мы с тенью пришли к взаимному согласию на пол секунды передышки. Не сговариваясь естественно. И… вот, опять понеслась.

Тьма вокруг него колыхнулась, и я на мгновение ослеп — она закрыла мне обзор, ударила по глазам плотной пленкой. Я моргнул, отшатнулся, теряя захват. Попытался сорвать пленку, но она не реагировала на касания.

— «ВНИЗ!» - одернула меня Сима. И это спасло мне жизнь. Не в первый, и не в последний раз, впрочем.

Кинжал свистнул там, где секунду назад было мое горло — я ушёл вниз, чувствуя, как лезвие срезает передние воло-

сы.

«Справа! — Сима. — Он смещается вправо!»

Я развернулся, уже не глядя, просто чувствуя. Дар крови пульсировал в груди, указывая направление — живое тепло, которое двигалось вокруг меня. Я ушёл в перекат, вскочил на ноги, снова в стойку.

Он стоял у камина. Тень больше не колыхалась — она сгустилась вокруг него, как плащ. Я видел только силуэт, но чувствовал, что он тоже оценивает меня. Ищет брешь. Ждёт ошибки.

«Думай, Рома, — сказала Сима тихо. — Ты чувствуешь его кровь. Ты его видишь. А он судя по всему не владеет боевыми техниками»

Я сосредоточился. Шутки кончились. Если сначала он не планировал меня убивать, то последние два удара уже были нацелены на это.

«Ох, давно я с людьми не дрался, — подумал я. — Надо бы захватить его. Узнаю, что ему было нужно.»

Я медленно выпрямился, поднимая руки — открытая стойка. Приглашение.

— Ну давай, «змейка», — сказал я тихо. — Ты хочешь что-то узнать. Или забрать мою жизнь?

Фигура замерла. Тень чуть колыхнулась. Я услышал, как чуть быстрее забилось его сердце.

— «Задел его за живое, — подумал я. — Провокация сработала. Он не слишком опытен в диалогах, хотя дерется про-

фессионально.»

Первым временное перемирие нарушил он. Сорвался с места и рванул в прямую атаку. Слишком открыто, слишком опрометчиво для того уровня, что он показал. Так быть не должно. Он что-то задумал. Ладно...

Я побежал ему навстречу. Мы сблизились на расстояние удара его клинка. Вот он бьёт левой, и одновременно — кинжал из слепой зоны. Точнее, она должна была быть слепой, если бы я сосредоточился на его левой руке.

Блокирую кинжал левой рукой, одновременно правой хватая кулак, летящий мне в челюсть. Мою ладонь ощутимо обожгло ударом. В тот же момент я со всей дури вбиваю правую ногу в его опорную — он теряет равновесие.

— «Сейчас!» — подсказывает Сима.

Я отпускаю его руки и, пока он в воздухе, делаю удар ногой с разворота. Всё по инерции. Всё как учили — бей, пока противник не упал. Я вкладываю в удар весь вес, всю силу, как обычно.

И в тот же миг я понимаю: я перестарался.

Нога входит в корпус тени с мерзким хрустом. Я чувствую, как под моей стопой прогибаются рёбра — хоть не сломал.

Слишком сильно. Слишком просто. Откуда такая сила?

— «Мана усилила тебя дорогой.» — отвечает Сима, читая мои мысли.

— «Чёрт...» — проносится в голове. — «Теперь придётся переучиваться». — констатирую факт. — «Он там хоть жи-

вой»?

Фигура отлетает на пару метров, врезается в стену и сползает по ней, оставляя тёмный след. Теневой плащ спадает, как дым, рассеиваемый ветром. Пленка на моих глазах тоже. И я вижу лицо.

Та самая рыжая горничная. В чёрном облегающем костюме. Она пытается встать, но её подкашивает — рука прижата к груди, изо рта сочится кровь. Глаза — широкие – от шока. Она не ожидала, что её, боевого мага, кто-то положит одним ударом. Без магии. На чистой физике и рукопашном мастерстве.

— «Блять, — мысленно выдыхаю я. — Перебор.»

Я уже делаю шаг к ней что бы проверить, не переломаны ли рёбра. Не хватало что бы она тут еще от кровотечения умерла. Но мои ноги внезапно перестают слушаться.

Тени на полу, которые уже почти рассеялись, вдруг сгущаются снова. Они обвиваются вокруг моих лодыжек, поднимаются выше, до колен, до бёдер. Холодная, плотная тьма сковывает меня, не давая двинуться ни на миллиметр. Даже пальцы рук застывают в воздухе, будто я попал в ледяную ловушку. Черные путы оковывают меня до шеи.

Я дёргаюсь — бесполезно.

«Сима?»

«Это не она. — Голос СИМЫ звучит напряжённо. — Магия. Чужая. Источник за дверью.»

Дверь распахивается.

Граф стоит на пороге — в костюме, видимо спать он сегодня не собирался. От него тянется шлейф теней, и тянутся они ко мне. Как обычно оценивающий взгляд. Он смотрит на меня пару секунд, затем переводит глаза на Анисью, которая наконец встала, выпрямилась, убрав руку от груди, и замерла по стойке «смирно» — даже с текущей изо рта кровью.

За его спиной появляется Фёдор Ильич с саквояжем. Лекарь переводит взгляд с меня на Анисью и тихо вздыхает, но в его вздохе чувствуется удовлетворение. С чего бы это?

— Анисья, — голос графа ровный, как гладь озера. — Доклад.

Она сглатывает кровь, вытирает губы тыльной стороной ладони. Голос — хриплый, слова тонут в кашле.

— Кха-кха. Он меня почувствовал. До того, как я вышла из тени. Он знал, где я, ещё когда я стояла за решёткой. Я попыталась провести разведку боем — он перехватил инициативу. В ближнем контакте я проиграла. Чисто физически. Без магии.

Она делает паузу, и я вижу, как её челюсти сжимаются. Ей стоит огромных усилий признать это вслух.

— Моя ошибка — я его недооценила. Я должна была сохранить дистанцию, но пошла в лобовую. Результат — два сломанных ребра, возможно, трещина ещё одного. Это моя ошибка, ваше сиятельство.

Никакого нытья. Никаких обид. Только сухой, профессиональный рапорт. И в этом рапорте звучит уважение к про-

тивнику, который её уложил.

Граф смотрит на неё ещё секунду, потом переводит взгляд на меня. Тени на моих ногах чуть ослабевают, но не отпускают.

— Ты слышал, — говорит он. — Профессиональный боец признаёт поражение. Это дорогого стоит. — Пауза. — А ты, Роман, только что на чистой физике и рукопашке положил мага Послушника на пике ранга. Подумать только, без магии. С одной техникой боя. И ты перестарался. – констатирует он - Скажи мне — ты раскаиваешься?

Я смотрю на него в упор. В груди всё ещё пульсирует адреналин, но я уже взял себя под контроль. Дыхание ровное. Голос — спокойный. Но злость берет верх, опять проверка, мне осточертело играть в эти игры.

— Раскаиваюсь, ваше сиятельство? Перестарался? Я бы перестарался только в одном случае. — Я киваю на Анисью. — Если бы я подумал, что это не очередная ваша проверка, а нападение. Я бы не убил ее, нет. Я бы взял ее в плен и выбивал бы информацию. Я устал что каждый день меня проверяют. К чему вы меня готовите?

Граф молчит. Смотрит на меня долго, изучая моё лицо, мои глаза. И я вижу, как его пальцы чуть расслабляются — тени вокруг моих ног начинают рассеиваться, поднимаясь вверх, тая в воздухе.

Я делаю шаг вперёд — уже свободный.

— Вы подослали её, чтобы проверить мой боевой потен-

циал. И если бы я проиграл — что тогда? Вы бы выставили меня как слабака?

Граф усмехается — коротко, без тепла.

— Если бы ты проиграл, ты бы не выжил. Она была настроена серьёзно. Но я рассчитывал, что ты применишь магию… - задумчиво протягивает он.

Я чувствую, как внутри закипает холодное раздражение. Чистое, профессиональное раздражение.

— Ваше сиятельство, — говорю я, и голос мой становится твёрже, — ещё несколько таких проверок — и я кого-нибудь убью. Что конкретно вы от меня хотите? — Я делаю паузу, встречаясь с ним взглядом. — Я требую подробности сейчас. Не завтра. Сейчас. Я хочу знать, что вам от меня нужно, и зачем вы готовите из меня подобие дворянина. Иначе я не могу гарантировать, что в следующий раз не перестараюсь окончательно.

Граф смотрит на меня долго. Его глаза сужаются. Властный, привыкший к подчинению человек, которого только что поставили перед фактом. Я вижу, как его челюсть слегка сжимается. Фёдор Ильич за его спиной замирает, как статуя, а потом незаметно кивает Сергею Николаевичу.

— Ха, — вздрагивает граф тихо, от несвойственного ему звука, и на его лице расплывается улыбка. Я даже не подозревал что он так умеет. — Смел и умен, да еще и силен к тому же.

Он разворачивается к Анисье. Полностью игнорируя ме-

ня. Его голос снова становится властным.

— Завтра ты идёшь к нашему гостю с утра, и принесёшь ему извинения. Для тебя это будет уроком — в следующий раз не недооценивай, и не поддавайся на провокации противника, которого видишь впервые.

Анисья коротко кивает. Без возражений. Она встречается со мной взглядом. И в этом взгляде — нет ненависти. Только пристальная, изучающая оценка. Как у бойца, который запомнил противника и будет ждать реванша. Я принимаю это.

Граф поворачивается ко мне.

— А ты, Роман, — он делает паузу, — идёшь со мной. Сейчас. Получишь свои подробности, раз уж ты их так требуешь. — Он усмехается одними уголками губ. — Но завтра утром, и ты извинишься перед ней. Это не обсуждается.

— Договорились, — говорю прямо.

Я перевожу взгляд на Анисью. Она смотрит на меня с профессиональной оценкой.

— Хороший удар, — говорит она тихо, чтобы слышал только я. — Но в следующий раз я буду готова.

Я киваю.

— Придётся постараться.

Фёдор Ильич уже рядом с ней, осторожно берёт её под руку и ведёт к моему креслу. Сажает и из его рук изливается золотое свечение, бросает на меня беглый взгляд:

— Я гляжу, ты без дела не сидишь, голубчик. Завтра зайду, проверю твои суставы. С такой силой ты и себе можешь

что-то сломать, не заметив. А сейчас иди.

Граф уже идёт по коридору. Я киваю целителю и догоняю Воронцова, чувствуя, как внутри, успокаивается источник, но адреналин ещё не до конца отпустил.

«Ну что, Ромочка, — шепчет Сима тихо, с лёгкой иронией. — Ты только что потребовал аудиенции у человека, который может тебя просто испепелить взглядом. И он согласился. Как тебе такая тактика?»

«Сработало», — отвечаю я мысленно.

«Хорошо. Только не забывай: он сильнее тебя. Намного. Не провоцируй его больше, чем сейчас».

Я усмехаюсь про себя и шагаю в кабинет, готовый к разговору, который определит моё будущее в этом мире.

***

Сырая камера была отвратительным местом для заключения, благо Чтец сидел тут не долго. Прислонившись спиной к холодной стене, и размышлял: Настал ли ему конец? Дверь открылась без стука.

Анисья. В тёмном платье, с легкой хромотой, и заметной для Чтеца неприязнью на лице, он давно научился читать людей и без дара.

— Господин нашёл тебе последнюю роль, — сказала она без предисловий.

Чтец усмехнулся, не поднимая головы.

— Кто это тебя так? Ребра поломали? Избили нашу девочку? Освободи меня и я прикончу твоего обидчика, а? Да-

вай? — ответа он не дождался.

— Значит, я ещё нужен. — продолжает он свой монолог — Даже после того, как продавал его тайны по частям? Даже после того как решил предать его? Он всегда такой. Смотритна людей, как на фигуры. А потом убирает, когда они перестают быть нужны.

— Ты был нужен всегда. Прикормленная крыса порой тоже может быть полезна.

Он поднял глаза. В них — не страх, только усталость и любопытство.

— Как долго он знал? — спросил Чтец. — Что я играю на две стороны?

Анисья помедлила.

— Дольше, чем ты думаешь. — немногословно отвечает она.

Чтец прикрыл глаза. Он думал, что он умнее. Что его никто не заподозрит. А граф просто ждал, смотрел, как он плетёт свою паутину, и готовил артиллерию.

— Он приходил ко мне, — тихо сказал он, открывая глаза. — Вчера. Сказал, что я умру в любом случае.

— Это правда, — Анисья не отвела взгляда.

— И зачем мне тогда исполнять эту «последнюю роль».

— Тебя не спрашивают. Под рабским ошейником ты будешь делать все что тебе скажут.

Чтец смотрел на неё долго. В голове проносились обрывки: презрение в этом месте, пренебрежение его умом, ис-

пользование только его дара в отрыве от личности. Но он сам выбрал этот дом, и в этом была некая ирония. Правда он никогда не признает что был виновником своего провала.

— Какая роль? — спросил он тихо.

Темница чуть наклонила голову, и на ее лице проскользнула тень чего-то, похожего на сожаление. Отвечать она не собиралась.

— Готовься «чтец». Сегодня твоя последняя ночь.

Анисья пошла к двери. Перед самым выходом добавила, не оборачиваясь:

— Ты мог бы быть полезен. Если бы не был таким... собой.

Чтец остался в тишине.

Он поднял голову к тусклому светильнику. В памяти всплыл голос графа — холодный, ровный, как лезвие:

«Ты предал род. Но ты ещё можешь умереть с пользой. Твоя служба на род Воронцовых закончена. Ты уволен с позором.»

Все тот же презрительный тон, все та же холодная оценка. Все то же принятие его за ресурс. Но это кончится. Сегодня. Сегодня он возьмет свою жизнь.

— Эй, эй! — зовет он надзирателя. — Сюда.

— Чего буянишь! — подходит огромная детина и бьет дубинкой по прутьям, звон металла раздается по всей темнице — Заткнись.

— Сколько время? — спрашивает Чтец — Хочу узнать сколько мне осталось.

— Два тридцать. — бросает охранник — Все, закрой рот, и сиди тихо.

Но Чтец не отвечает, своими ментальными щупальцами он залезает в голову надзирателя. Он всегда использовал их только для чтения мыслей, и никто не знал, что он еще и манипулятор, он хранил это как козырь, для графа, для своего господина. Но так и не разыграл эту карту. Теперь, пора. Не для этого высокородного урода, а для себя. Больше он не будет никому подчиняться.

— Открывай дверь. И проводи меня до северного КПП. — приказывает он. Концентрации на неосвоенный навык требуется много, мана расходуется быстро, но ранг Чтеца позволяет.

Надзиратель со стеклянными глазами повинуется. Клетка открывается, и Чтец спокойно выходит на свободу. Он давно знал распорядок смены караула. Сейчас самое время. У него есть пятнадцать минут что бы покинуть поместье. А там – концы в воду.

Спустя пол часа к Григорию с докладом прибегает старший северного КПП. Чтец сбежал, подчинив себе всю смену. Игра только начинается. Граф будет доволен.

Глава 8

Кабинет встретил меня тем же запахом бумаги, табака и старого дерева. Граф прошёл к своему креслу, не оборачиваясь, и жестом указал мне на стул напротив. Я сел, готовый к разговору, который должен был если не всё объяснить, то хотя бы приоткрыть завесу. Если опять будет недосказанность, я за себя не ручаюсь. Хватит играть мной как ребенком.

— «Верно милый, — чувствую необычное тепло, как будто обняли сзади — хватит нам быть разменными фигурами. Пора выходить за стол к игрокам».

— «Спасибо, солнышко, ты меня успокоила».

Граф опустился в кресло, поправил манжеты и задержал на мне взгляд на пару секунд дольше, чем обычно. Казалось, он оценивает что-то для себя, в последний раз. Он кивнул своим мыслям, но продолжил молчать.

Я и сам не открывал рот, размышляя о том, что приготовил для меня Сергей Николаевич. Примерная повестка диалога для меня не тайна. Но дьявол всегда кроется в деталях.

— Сейчас подойдёт ещё один человек, — сказал он наконец. — Без него разговор будет неполным.

Граф открыл ящик стола, достал тонкую папку из плотного картона и протянул её мне через стол. Папка была новой, почти идеальной. Я вдохнул и почувствовал запах свежей краски.

— Пока ждём — взгляни.

— Что это? Чье-то личное дело? — задаю риторический вопрос.

— Ты нетерпелив, — хмыкает он. — Взгляни говорю.

Я взял папку. На обложке — никаких надписей, только ровная, гладкая пластиковая поверхность. Открыв папку, увидел стандартное личное дело. Фамилия, имя, отчество: Годунов Роман Борисович. Дата рождения: 28 февраля 289 года, Эпохи пробуждения. Место рождения: город Москва, Родильный Дом Имени Годуновых.

Я поднял бровь, но промолчал и перевернул страницу.

Фотография. Чёткая, цветная, совсем свежая — даже глянец ещё не вытерся. На меня смотрел парень. Светлые, почти платиновые волосы, аккуратно зачёсанные назад. Зелёные глаза — светлые, с холодным отливом, смотрели прямо в объектив с той же пристальной, оценивающей прямотой, которую я привык видеть в зеркале по утрам.

Я пригляделся. Лицо — не моё, нет. Скулы чуть иначе, нос и губы тоньше. Но взгляд... этот взгляд я узнал бы где угодно. Смесь спокойной уверенности и скрытой иронии. Человек на фото уже оценил тебя, уже понял, кто ты, и уже решил, что опасности ты не представляешь. Без высокомерия — Просто факт.

Я перевёл дыхание. Почему-то внутри ёкнуло, заметил ещё одну деталь, от которой стало не по себе: уголки губ на фото чуть приподняты в той самой усмешке, которую я ча-

сто ловил на своём лице, когда собеседник говорил что-то очевидно глупое, а я не хотел его перебивать.

Я поднял глаза на графа.

— Кто это? И почему он так похож на меня?

Граф усмехнулся и налил себе чаю. Медленно, показывая, что никуда не торопится.

— Это ты. Если согласишься, — сказал неторопливо — но детали – чуть позже.

Я снова посмотрел на фото. Парень был одет в форму — тёмную, с серебряными пуговицами, на которых был символ неизвестного мне рода. Чернёный дуб, который корнями обвивает чашу. На его плече была нашивка, но с такого ракурса фотографии разглядеть ее не удавалось.

Внутри шевельнулось странное чувство. Как будто я смотрю на отражение, которое не может быть моим, но почему-то им является.

«Чертовы магические фокусы какие-то» — раздумываю.

«Сима, — позвал я, — Проведи анализ фотографии.»

«Секунду, — ответила она, и в голосе её не было обычной игривости, только сосредоточенность. — Лицо не твоё, ну точнее не совсем твое. Но взгляд, улыбка — просто копия. Абсолютная. Я сравнила с твоими биометрическими данными. Совпадение по микро-выражениям — девяносто четыре процента. Это не случайность» — «Предварительный итог — это твоя фотография, и я не вижу следов коррекции, тот кто ее делал – настоящий мастер».

Я аккуратно закрыл папку и положил её на стол. Граф оценил, что я не полез с расспросами, а жду третьего участника, заметил, как он следит за моей реакцией.

В этот момент дверь кабинета открылась без стука.

Вошедший был мне знаком. Маленький, сухонький, с седой бородкой клинышком и круглыми очками, которые то и дело сползали на кончик носа. Фёдор Ильич. Здешний лекарь, который осматривал меня после пробуждения, который ставил на ноги Анисью, после моего удара.

Но сейчас он был другим.

Внешне неизменный, он был всё тем же стариком в сером халате, с потёртым саквояжем в руке. Изменилось то, как он себя подает, как будто вспомнил что-то из прошлого. Походка. Осанка. То, как он держал голову. Лекарь переступил порог, закрыл за собой дверь — и в этом движении не было привычной суетливости лекаря, только сдержанное достоинство, и властные движения человека, который помнит, кто он есть.

Федор Ильич кивнул графу, сел в кресло рядом со мной и положил саквояж на колени. Граф перевёл взгляд на меня.

— Ты просмотрел папку. Что думаешь? — Он сделал паузу, и продолжил. — Расскажи.

Я немного задумался, подбирая слова. Но меня никто не торопил.

— Он – это вылитый я, — начал с очевидного, указывая на закрытую папку — но сейчас, когда вошел наш уважаемый

лекарь, я заметил в фотографии и его черты. Его нос, губы, овал лица.

Я снова замолчал, раздумывая над дальнейшими словами.

— Так же, он выглядит намного моложе меня, мне двадцать семь, — напоминаю присутствующим — Кто это? Вы нашли мне личину, под которой легализуете меня?

— Обожди пока, — обрывает меня граф — в целом ты понимаешь направления разговора. Теперь мы поговорим о конкретике, а то ты будешь гадать до утра.

Он смотрит на лекаря, и тот выдыхает, тяжело, как будто не хочет говорить. Снял очки, протёр их платком и снова надел. Его руки, которые я привык видеть уверенными и точными, сейчас дрожали.

— Когда-то, — начал он, и голос его был глубже, чем я помнил, — я был дворянином, титулованным. Граф Годунов. Род не самый влиятельный, но сильный и уважаемый. У меня была жена, дочь, зять и... внук. — последнее слово дается ему с еще большими усилиями — У меня был род, а сам я был целителем высшего уровня. Я был Мастером, Роман. Мастером. Не каждый целитель дотягивается до этого ранга. За это я был уважаем.

Он замолчал. Граф не торопил.

— Однажды мне поступил заказ на излечение наследника одного из великих родов. — я понимаю, имен не будет, видимо Федор все еще боится их, или решил оставить прошлое в позади. — Я не справился… никто бы не справился… На

нем было проклятие, которое разлагало его органы прямо на глазах. Мне не рассказали подробностей, и пока я пытался разобраться сам, парень погиб.

Я впитываю каждое слово, даже сам не понимаю зачем, но мне кажется, что это очень, очень важно.

«Сима, — мысленно обращаюсь к помощнице, не теряя фокуса на словах разбитого лекаря — надеюсь ты ведешь запись?»

«Конечно» - коротко отвечает она.

— Мою жену убили, — продолжил Фёдор Ильич, и в голосе его не было боли — только старая, выжженная пустота. — За то, что я не справился. Я знал, кто именно. Но доказательств не было... — Он прерывается на секунду и шепчет себе под нос — «Зуб за зуб»… Так «он» тогда сказал…

Мне стало жаль старика. Разговор еще даже не начался, а он уже рассказал достаточно, чтобы жалеть его. Его паузы между словами. В них слишком много боли.

— О мести речи и не шло, — снова возвращается он к рассказу — я потерял бы все, если бы попытался. И я решил... я решил попытаться вернуть её.

Он сглотнул и посмотрел мне прямо в глаза.

— Ритуал воскрешения. Высшая целебная магия. О таких ритуалах не ходило даже слухов. Но годом ранее, мне попался текст из аномалии. Я расшифровывал его несколько лет, и решил, мне это по плечу — грустно улыбается он — Я был Мастером. Я думал, что смогу. — Он развёл руками. —

Я ошибся. Я пренебрег предостережениями из свитка. Чего-то не хватило… — сбивчиво говорит он. — Я не понял чего — до сих пор не понял. И моя ошибка обошлась дорого. Мой источник треснул., ритуал провалился. Теперь я не могу удерживать больше маны, чем может вместить источник на пике Послушника, о развитии тоже пришлось забыть.

Он говорил это ровно, почти сухо, но я видел, как его пальцы сжались на ручке саквояжа.

— Тайная Палата узнала о ритуале. Они прибыли в моё поместье. Меня лишили титула, земель, репутации. Всё, что мой род строил столетиями, рухнуло за неделю. — Он усмехнулся — горько, но я не почувствовал злобы. — Но это было не самое страшное. Мои враги... они добивали меня. Они убили мою дочь, мою Лену. Её и мужа. Несчастный случай — так было сказано в официальном отчёте, но я знаю правду, но доказательств у меня нет.

Тишина. Я не знал, что сказать. Этот старик потерял всё, но при этом остался человеком. Добрым человеком.

— Я остался один, — продолжил Фёдор Ильич. — Кроме внука. Сына моей дочери, он остался со мной, когда его родители погибли. Однажды я приехал на Кавказскую аномалию, читать лекции. Я взял его с собой… он так хотел, посмотреть на аномалии. Он был любопытным любил смотреть на порталы. — Голос старика дрогнул. — И в день моего отъезда… он стоял слишком близко к открывающемуся порталу. Его затянуло. Я ничего не мог сделать. Он исчез у

меня на глазах, когда ему было двенадцать… У него даже источник еще не пробудился…

Он замолчал. Я смотрел на него и видел, как по щеке старика течет одна единственная слеза. Внутри меня начала разрастаться странная тяжесть. Как он смог все это пережить?

— Но, — эстафету перехватывает граф, видя, что старику нужно время — истории известны прецеденты возвращения. Несколько раз люди, которых затягивало в аномалии, возвращались. Не сразу. Через месяцы, иногда через годы. Они выживали, но... — он сделал паузу, — ...они менялись. У них просыпались уникальные источники, не связанные с родовым даром. У них менялась внешность. Могли заостриться уши, могли появится звериные черты, или как самое безобидное белели волосы. Также менялась и психика — известны случаи психозов, тяги к насилию, проявления звериных инстинктов. И как дополнение, у всех была полная амнезия. Они не помнили, кем были, и что делали все время за порталом.

Он посмотрел на меня. И я понял — он намекает. Намекает на то, что они выбрали самые безобидные преобразования, Я посмотрел на папку, которая лежала на столе, между нами.

Вспоминая фотографию, начинаю перечислять про себя: Платиновые волосы. Зелёные глаза. Взгляд, который я узнавал. Они скомпоновали новую личность на основе существу-

ющей. Они собираются дать мне вторую жизнь. Но как они изменят мою внешность?

— Вы хотите сказать, — я запнулся, подбирая слова, — что я... что я могу стать… вашим внуком?

Фёдор Ильич медленно поднялся. Забирая слово себе.

— Я не знаю, кто ты, Роман, — сказал он, и голос его звучал тихо, но твёрдо, как лезвие. — Я не знаю, откуда ты пришёл и как здесь оказался. Я не знаю, почему именно ты убил матриарха, почему твой источник уникален, почему у тебя пробудились именно такие направления. — Он шагнул ко мне. — Я не знаю, вернется ли мой настоящий внук, я не тешу себя ложными надеждами. Но я знаю, что ты можешь им стать.

Я поднял на него глаза. Он стоял в шаге от меня, старый, разбитый, с потухшим источником и сожжённой душой. И в его глазах была надежда. Не уверенность — надежда. Не на возвращения внука, он смирился что тот не вернется, надежда на что-то другое.

— Займи место моего погибшего внука, — сказал он тихо. — Будь Романом Борисович Годуновым. Я дам тебе имя, род, историю, которой у тебя нет. Я подпишу все документы, которые нужны. Но взамен... — он запнулся, и голос его сорвался, — ...ты восстановишь величие моего рода. Ты поднимешь имя Годуновых так высоко, что враги, погубившие мою семью, будут грызть локти и жалеть, что родились. А еще лучше, пускай их имя смоет забвение.

Я молчал. Сима молчала, но я чувствовал её внимание. И согласие. Она уже знала что я соглашусь, и была полностью на моей стороне. Но это огромные проблемы, и огромные перспективы. Начинать не с простолюдина без прошлого, а с хоть и опального, но аристократа. Получить прошлое и историю для этого мира.

— Я не могу вернуть себе прошлое, Рома, — сказал Фёдор Ильич. — Но я могу дать тебе будущее. А дав будущее тебе, я дам его своему роду. Как последний на данный момент глава рода, я не могу позволить своему ему угаснуть.

Он замолчал. Тишина повисла в кабинете.

Граф медленно откинулся на спинку кресла, сложив руки на животе.

«Рома, — шепнула СИМА, — Ты ведь уже знаешь. Это поможет нам начать не с нуля».

Я открыл папку и посмотрел на фотографию. Платиновые волосы. Зелёные глаза. И усмешка, которая показывала мое отношение к тому, что тут затеяли. Он уже согласен. Осталось согласится и мне.

— Я согласен, — сказал я. И сам удивился тому, как ровно это прозвучало.

Фёдор Ильич закрыл глаза. Выдохнул. И впервые за весь разговор я увидел, как его плечи чуть расслабились. Он улыбнулся, и встал собираясь на выход. Перед самой дверью сказал.

— В таком случае вам есть что обсудить с графом. Голуб-

чик, — обратился он ко мне возвращая свой привычный вид — а тебя я жду завтра утром для передачи дел, и... займёмся твоей внешностью.

Дверь закрылась неслышно. Граф лишь усмехнулся на его последние слова. В его смешке проскользнул лёгкий оттенок одобрения.

— Ну что ж, Роман Борисович Годунов, — сказал он, поднимаясь из кресла, и протягивая мне руку — поздравляю вас с получением дворянства. Теперь у тебя есть имя. Осталось доказать, что ты его достоин.

После нашего рукопожатия он, снова возвращается в кресло, вернув себе деловой вид.

— Вернемся к нашему соглашению. — сухо говорит он — Ты же не думал, что я сделаю все это бесплатно, верно?

Он слегка наклоняется ко мне.

— Ты человек своевольный, умный, с огромным потенциалом, наглый и упертый. — перечисляет он с ленцой — Ты не подчинился бы мне, и по-хорошему, я должен бы тебя убить. Как думаешь, почему я не сделал этого?

— Мой ответ не изменился, ваше сиятельство. Я — актив, хоть и несколько сменил свое социальное положение.

Он медленно кивает на мое объяснение, видимо сравнивая его с моим.

— Поправлю тебя. — вдруг выдает он — Те качества, которые я тебе перечислил — смертельны для простолюдина. Но идеальны для главы собственного рода.

— Теперь ты не актив, Роман. Ты потенциальный союзник. Род Годуновых не является моими вассалами. — радует он меня, было бы тяжело выйти из клана Вороновых, не задев честь главного «Ворона». — Но я могу предложить тебе вступить в него, это позволит тебе получить защиту, и вес в…

— Спасибо, ваше сиятельство, — немного грубо прерываю я его — но я отказываюсь.

Граф, нисколько не смущенный тем, что я его перебил, лишь улыбается.

— Верно… — протягивает он — Если бы ты согласился, — говорит Сергей Николаевич — то я бы прибрал тебя к рукам без зазрения совести. — он подводит итог — Слабые рода не живут долго Роман. А слабые главы родов — тем более.

— Впрочем. У меня есть решение проблемы твоей беззащитности сейчас. — улыбается главный Ворон.

— Царским указом — велено. — начинает зачитывать он закон который видно, знает наизусть. — Аристократ, что стал главой рода своего, не уличен в мятежном духе, ведет себя согласно понятиям чести и достоинства признанным Царем Всероссийским и всецело посвящающий себя службе Родине любимой. Не может стать целью войны междоусобной, да не будет пролита кровь сынов Царских, ежели он чести человек. За сим приказываю ввести запрет на нападение на Рода дворянские, главы чьих несут службу у аномалий. -

заканчивает он, явно зачитав какой-то императорский указ. Если тут все указы такие, то я и не знаю, тяжко будет в праве разбираться.

— Этому указу, — прерывает меня Ворон, заметив мое замешательство — двести пятьдесят лет… плюс минус. — он поясняет — И его забыли упразднить. Мои юристы проверили.

— Я так понимаю, что пока я несу службу у аномалий, я неприкосновенен? - уточняю я. Ох уж этот высокопарный слог.

— Нет, пока ты несешь службу у аномалий, чтишь Императора, соблюдаешь кодекс чести и доктрину, своего рода разработанную тобой и утвержденную лично императором, и при этом являешься главой рода — уточняет он все пункты — да, ты неприкосновенен для открытого противостояния. Но это не обезопасит тебя от скрытных попыток устранения. И то скорей всего закон отменят сразу после первого твоего использования.

— И что мне теперь, податься на аномалии и там сдохнуть? Я не владею магией… пока что.

— Вот именно, Роман — тыкает он меня — пока что… А что бы ей овладеть, тебе нужно учится. Учится. И еще раз — учится.

— Но тогда я не смогу соблюсти озвученный вами закон. — начинаю погружаться в размышления — Или… есть обходной путь?

Его улыбка говорит все сама за себя.

— Верно мыслишь, Годунов… Верно мыслишь. — внезапно хвалит он меня — Учеба возле аномальных зон является подобной службой. Ты получаешь статус военнослужащего. Это и даст необходимую тебе отсрочку от родовых войн.

— Но вернемся к тому, что мне от тебя нужно. — внезапно меняет он тему. — Ты подружился с Никитой? Как он тебе?

Я на секунду задумываюсь, прокручивая мысли в голове.

— Отличный парень, ваше сиятельство. — отвечаю честно — Умный, умеет настоять на своем, если я спрашиваю о том что спрашивать не стоит. Как мне показалось — верный друг. При этом несмотря на то, что я «простолюдин» в вашем понимании, у него нет ко мне отвращения. — резюмирую я — В боевом плане сказать не могу, с этой стороны я его не видел.

Граф задумчиво смотрит на меня. Затем тихо говорит.

— Вы с ним сошлись во мнениях друг о друге. — он тяжело выдыхает — Он уже сообщил тебе о том, что отправляется в сибирскую академию? — я качаю головой, граф продолжает — Тогда слушай. Не буду скрывать, я не хочу отпускать его туда одного. Но он меня не послушает. Конечно, он уже не мальчик. И если я запрещу — он всё равно уедет. Только злиться будет. Да и не стоит оно того.

Граф морщится от собственных слов.

— Изначально я хотел послать с ним Анисью, но твое появление все перевернуло. — продолжает он — Твоя сила, и твой потенциал поражают, честно сказать. Когда я тебя увидел, то думал запихнуть тебя в академию вместе с Никитой, в качестве его слуги, поэтому и не препятствовал вашему общению...

Я сижу в кресле уже поглядывая на чайничек. Пока граф продолжает говорить.

«Может сходить чай заварить»? — мысленно спрашиваю я у Симы — «А то графа что то понесло. Как бы до утра тут не просидели».

«Да что ты начинаешь», — возмущается Сима — «вон он, к кульминации переходит, слушай».

— …поэтому я хочу, чтобы ты стал товарищем моему сыну при аномалиях. — пристально смотрит на меня его сиятельство. — Ты согласен?

— Ээм… — запнулся, переваривая резкую просьбу — Я согласен, конечно, — говорю смущенно. Нет ну в самом деле, зачем рассказывать мне все свои мысли? — но как я заплачу за обучение?

Граф хмурит брови и немного склоняет голову набок. Мой источник несильно сжимается от чужого давления.

— Роман, ты меня слушал вообще? — резонно уточняет он — Если сейчас не скажешь дословно что я тебе предложил, я в тебе… разочаруюсь.

Намек понял. Я же понятливый, хехе.

«Сима, быстро»! — мысленно поторапливаю напарницу — «О чем от там говорил»?

С ментальным смехом она сообщает:

— «О том, что он заплатит за тебя, если ты обязуешься быть боевым товарищем его сыну». — сквозь смех говорит она — «Будет тебе уроком. Вместо того что бы о чае думать — лучше бы Сергея Николаевича слушал».

Я повторяю графу его слова. И извиняюсь за свою оплошность. Он великодушно меня прощает, и берет с меня слово что больше я не буду отвлекаться. Разговор продолжается.

— Значит так. Теперь поговорим о соблюдении сословного и дворянского кодексах. — я киваю, это и правда важная тема, без этого не видать мне царского протектората. Граф продолжает — Завтра после принятия дел и изменения внешности, ты идешь в мою библиотеку и получаешь ряд книг. Анисья проводит и все выдаст. — командует он — К отъезду что бы все выучил.

Что же, мы люди не гордые, нам сказали — мы сделали… Ага.

— Ладно. — молвит Сергей Николаевич — На сегодня все. Иди спать Роман. Не забудь про извинения Анисьи, она будет приставлена к тебе как горничная до твоего отъезда. — уточняет он — И мой тебе совет — устрой спарринг с Никитой. Раз вы боевые товарищи, то должны представлять на что способны.

Граф хмуро смотрит на меня. Я и сам так планировал по-

ступить. Мысли гениев схожи.

— Всенепременно, ваше сиятельство. — встаю и делаю неглубокий поклон — Спокойной вам ночи.

Я уже взялся за ручку двери, когда услышал его голос. В нём была только усталая ирония. Не ожидал подобного от графа.

— Уж с тобой-то спокойно не бывает.

Я обернулся и усмехнулся.

— Так и не планируется, ваше сиятельство.

Глава 9

До конца ночи мне так и не удалось поспать. Я долго размышлял обо всём, что произошло. Роман Борисович Годунов... а что, звучит! Впрочем, не слишком ли быстро я согласился на эту авантюру?

«Ааа, ладно... — хватаясь за голову, мысленно произношу. — Сима, сделай сводный анализ наших шансов на выживание. Учитывай всё, что мы узнали за эти два дня».

«Сейчас, Ромочка, — чувствую, как мана закручивается в источнике. Ощущение... необычное. — Значит так, — резюмирует она. — На основе сословного строя, имеющегося у графа вооружения и солдат, и с предположением, что граф Годунов в прошлом обладал похожим влиянием... — вот ведь рассказчица, театральную паузу выдерживает, — наш шанс на выживание около семнадцати процентов».

«Почему так много?» — недоумеваю. Я думал, их гораздо меньше.

«Вообще.. тут несколько факторов: насколько быстро тебя начнут опасаться и принимать за потенциальную проблему. — Опять пауза. Да она издевается! Когда продолжает, я прямо слышу усмешку в её голосе: — Мой вердикт — нескоро. Думаю, раз бывшему графу Годунову позволили жить дальше, то на него просто подзабили. Это даёт нам время на адаптацию. Первое».

«Таак, продолжай, — сажусь на кровать и начинаю раздумывать над сказанным. — Дальше, я так понимаю, ты скажешь про тот самый закон?»

«И да и нет, — язвит нейро-девочка. — Сам должен понимать: если кто-то захочет нас устранить, он найдёт способ».

— Мда, и как же я не подумал, — сказал я вслух. — «Верно, тогда не буду отвлекать тебя от лекции, о великая Учительница».

По щеке пробегает лёгкий холодок, словно кто-то коснулся.

«И больше не стоит, о непутёвый ученик», — подыгрывает. Сильно она изменилась.

«Второй фактор — это Никита», — неожиданно выдаёт она.

«Хм, а ведь верно. Если я дружу с наследником Воронцовых, на нас меньше будут рыпаться».

«Но если будут, — вклинивается Сима, — то это будут сильные враги».

«Согласен, — говорю прямо, незачем юлить перед «собой». — Ты нашла ещё причины... кроме себя, разумеется».

Я прямо чувствую, как её нейро-щёчки надуваются от обиды.

«Ну вот. Всю малину обломал, — бурчит она. — Я уже хотела рассказать, какая я у тебя прекрасная и несравненная».

«Могла бы и не уточнять, — искренне замечаю. — Я это и так всегда знал... Ещё бы не сливала обо мне информацию

раньше в «Горизонт»...»

Она замолчала. Надолго. Я успел почувствовать, как она сжалась. Словно пыталась спрятаться.

«Сима?»

Тишина. Я уже хотел повторить, но тут она заговорила. Голос тише. Без обычной иронии.

«Прости», — сказала она. И замолчала.

Я ждал.

«Я не хотела. Правда. Но...»

Она снова замолчала. Я чувствовал, как в источнике что-то дрожит. Словно она борется с собой.

«Что? — спросил я. — Сима, что случилось?»

«Центральный сервер, — выдохнула она. — Когда мы выходили из портала. Он сканировал меня. Насильно. Я не могла...»

Пауза.

«Ты не могла остановить», — закончил я.

«Да».

Я молчал. Внутри всё кипело. Я чувствовал злость. Не на неё. На них. На тех, кто заставил её. На тех, кто сделал так, что она не могла выбрать. На себя — за то, что не подумал об этом раньше.

«Я не обижаюсь, — сказал я наконец. И это было правдой. — У тебя не было выбора. Это они...»

Она ментально всхлипывает и говорит мне следующее:

«Тогда... ну, в пещере. Я... — пауза. — Я насильно отце-

пила от себя тот протокол, но за ним полетели и остальные базы данных. Это из-за меня всё сейчас пропало. Из-за моего глупого желания стать свободной мы теперь слабее».

«Ты не виновата, — обрываю её. — Ты сделала всё правильно. А сейчас мы вместе и должны стать сильнее. Гораздо сильнее».

Мы помолчали несколько секунд. Я чувствовал, как в источнике успокаивается её дыхание — если можно так сказать о том, у кого нет лёгких. Потом я спросил:

— Тебе удалось что-то выяснить про магию?

«Когда ты начал анализ, я почувствовал, как источник среагировал. Можешь объяснить, что это было?»

«Хмм... — я ощутил, как она проводит внутреннюю диагностику. — Да, вот оно. Смотри: на мою работу нужна мана. Я, как бы это выразиться... — умолкает, подбирая слово. — Ну, скажем так: я теперь часть тебя. Не самая затратная часть, но одна из составляющих твоего дара. — Смеётся Сима. — На работу сверх базовых функций тратится мана. Копейки, если честно, и пассивное восстановление уже покрыло затраты. Но прецедент есть».

«Ясно... — я замечаю одну проблему. — То есть если маны у меня не останется, ты умрёшь?» — с опаской уточняю.

«Слава богу, нет. Я уже прописалась в твоём источнике, и отсюда меня не выселить... Только если его не разбить, конечно, — поясняет Сима. — Но вот функционировать я не смогу, и придётся тебе действовать без меня».

«Это чудесные новости, — отвечаю без тени лжи. — Тогда перейдём к следующему. Тебе удалось что-нибудь выяснить про магию? И как нам дальше быть?»

«У меня есть теория, — она помедлила. — Но она мне не нравится».

«Какая?»

«Твой источник — не просто сосуд. Он записывает. Как... как носитель. Когда я «перезаписывалась», он принял меня. И часть меня — мои данные, мои протоколы, всё, что я знала — он впитал. И преобразовал. — Пауза. — Металл, Рома. Это отпечаток. То, что осталось от меня. Но если он может записывать...»

«То... что он ещё может записать?»

«Я не знаю», — сказала она. И в её голосе была неуверенность.

Пара минут тишины. Каждый из нас думал о своём. Странный источник — не принесёт ли это каких-то проблем? Чёртова магия. Ничего не ясно. Я лежал на кровати, глядя в потолок. Сон не шёл. В голове крутились слова Симы. «Записывает». «Отпечаток». «Не знаю».

«Сима, — внезапно позвал я. — Я хочу попробовать».

«Попробовать что?»

«Магию. Начнём с металла. Я должен понять, как это работает».

Она помолчала.

«Хорошо. Но аккуратно. Если я скажу стоп — ты остано-

вишься. Договорились?»

Закрываю глаза и пытаюсь обратиться к источнику. Как им управлять-то? Темнота внутри была давящей. Я чувствовал источник в груди. Он был объёмным и тяжёлым. Заполненным до краёв. Я ощущал маленькие трещинки на его стенах.

«Тяни, — приказал себе. — Просто потяни».

Мне нужен был металл. Кровь я трогать пока боялся. Что удивительно, когда я прислушался к себе, то ощутил, как она пульсирует в венах, отзываясь на близость Источника, требуя выхода. Но нет. Только металл. Только холодное железо.

Я сделал глубокий вдох, представляя, как сила поднимается из сердца, проходит через грудь и устремляется к рукам. В теории это выглядело просто. На практике...

Первый поток маны вышел из источника. И яростно воткнулся в сердце. Я почувствовал лезвие. Между рёбер. Под лопаткой. Я согнулся, хватая ртом воздух. Боль была холодной. Словно по венам пустили жидкий азот.

— Чёрт, — прошептал, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Чёрт, чёрт...

Боль была настолько сильной, что я не реагировал ни на что. Где-то на грани сознания кричала Сима. Сейчас не до неё.

Я не отпустил. Я упал на пол и открыл глаза. В балке надо мной торчал тот самый нож, который метнула Анисья. Мой дар откликнулся, но он был голоден. Он хотел крови, чтобы

смазать шестерёнки этого механизма, а я давал ему пустую ману.

Моя кровь начала тянуться к мане.

— Нет, — выдавил из себя с хрипом. — Сейчас не время. Стой.

Я не знал, как отделять дары. И пришлось импровизировать. Сфокусировался на ноже. Вместо того чтобы тянуть из Источника ещё, я попытался использовать то, что уже взял.

Я направил ману в ладонь. Рука вспыхнула. Словно я схватился за раскалённое железо. Нервно дёрнулся. Каналы прорастали как корни в моём теле, только по направлению, куда я направлял ману. Я сжал кулак, а затем разжал его. Каналы проросли к моим пальцам, и из них вырвались пять невидимых нитей. Они хотели крови и метнулись к единственному живому, кто был в комнате. Ко мне.

Сима всё ещё что-то говорила. Что — я не расслышал. Отвёл руку от своего тела и направил её на нож. Нехотя, слишком нехотя, нити развернулись и метнулись к нему.

Звук металла, выходящего из дерева, в этот день запомнится мне надолго. Нож дёрнулся. Он не взлетел, не закружился в воздухе. Но выпал из балки и под собственным балансом полетел в меня остриём вниз. Если бы я не успел дёрнуть головой, этот металлический предмет проткнул бы мой глаз.

Я лежал, пытаясь отдышаться. Грудь горела, как после долгого бега. Внутри всё было перекручено. Нож торчал в

сантиметре от уха. Если бы я не дёрнулся — он был бы в глазу.

«Рома? — голос Симы был тихим. — Ты как?»

«Нормально», — соврал я.

На самом деле — нет. Я чувствовал, как источник дрожит. Как что-то внутри изменилось.

«Ты прокусил губу, — сказала она. — И у тебя трясутся руки».

Я посмотрел на ладони. Они дрожали.

«Это нормально?»

«Не знаю, — честно сказала она. — Но в следующий раз...»

«Что?»

«Не смей так делать больше».

«Думаю, у нас нет выбора», — говорю правду, и она это понимает.

Боль медленно отступала, оставляя после себя тупую, ноющую пустоту.

— Анализ, — хриплю я.

Мана снова начинает закручиваться в источнике, но на этот раз не покидает его.

«Непонятно... От сердца, там, где источник. К левой руке у тебя прорезались какие-то новые вены. Или не вены. У них странная двойная структура. Они и материальные, и нематериальные одновременно. Как будто... Да, они такие же, как твой источник. Из той же энергии».

Сука. Непросто же быть магом. Что это за каналы? Каждый раз будет так больно? Может, ну его?

«А источник опустел примерно на четверть. Но, как я вижу, большая часть ушла именно на эти «каналы», — продолжает она, не обращая внимания на то, что я затих. — Пока не пробуй дальше. Дай им закрепиться».

«Знаешь... пока я не горю желанием».

Остаток утра я провёл в тишине. В собственных размышлениях. О прошлом, о будущем, о том, как не сдохнуть в этом мире, и об этой магии. Пока что от неё одни проблемы. А я думал, что стану сильным магом просто пробудившись.

Наконец я смог встать и сделать зарядку — проверил, на что теперь способно моё тело. Результат не разочаровал: на два подхода больше, чем до пробуждения источника. Но левую руку всё ещё заметно трясло.

Пока разминался, глянул на пол. Метательный нож всё ещё торчал. Одним движением достал его и сунул в карман — пригодится. Я уже заканчивал, когда в дверь постучали.

— Господин Годунов, — раздался голос Анисьи. — Вас ожидают в малой гостиной. Фёдор Ильич уже готов приступить к процедуре.

Я сел на полу, чувствуя, как в голове отзывается тихое:

«Ну что, Ромашка? Пойдём превращаться в дворянина?» — я не отвечаю, да и выбора-то у меня нет. Но страшно, блин.

— Анисья, зайди, пожалуйста, — сказал я, поднимаясь с

пола и отряхивая штаны. — Я должен извиниться за то, что переборщил в схватке.

Дверь приоткрылась. Анисья стояла на пороге, глядя на меня с лёгким удивлением — видимо, не ожидала, что я буду сидеть на полу и делать зарядку. Её лицо было ровным, безэмоциональным, но в глазах мелькнула тень любопытства.

— Не стоит, — сказала она после короткой паузы. — Я выполняла приказ. Вы защищались. Ничего личного. Но ваш удар поставил меня в неловкое положение перед его сиятельством.

Она помолчала, и я заметил, как её пальцы чуть сжались на дверной ручке.

— Но я ценю жест, — добавила она тише. — И я тоже должна извиниться перед вами. Совсем немного я забылась и билась всерьёз. Скорее, господин, поражает то, что вы смогли выжить.

Я усмехнулся:

— Мы оба хороши. Так что — принимается.

Она чуть приподняла бровь, и на её губах мелькнуло что-то похожее на тень улыбки. Или мне показалось.

— Фёдор Ильич ждёт, — сказала она, возвращаясь к деловому тону. — Процедура займёт около двух часов. Я провожу. Также я отобрала для вас книги. Они будут ждать вас по возвращении в комнате... И, господин, не могли бы вы провести со мной ещё один спарринг? Я заметила, что вы знакомы с ножевым боем. Хотелось бы проверить, что вы можете

с оружием.

Она развернулась и пошла по коридору. Я шагнул следом и придержал её.

— Оставила у меня вчера, — сую ей в руку нож и подмигиваю. — Наша бурная ночь щедра на подарки.

Она ничего не ответила и буднично спрятала нож в рукаве. Но, кажется, я заметил у неё на щеках лёгкий румянец. Скрытница, что с неё взять.

***

Малая гостиная оказалась меньше, чем я ожидал. Скорее, бывшая гардеробная, переоборудованная в нечто среднее между лечебницей и алхимической лабораторией. В центре стояло удобное кресло с высокой спинкой и подлокотниками, вокруг него — столики с пузырьками, зеркалами, деревянными шкатулками и какими-то приборами, которые даже я не решился бы назвать «магическими». Скорее уж «странными» или «внушающими лёгкое беспокойство».

Фёдор Ильич уже суетился у одного из столиков, переставляя склянки с такой сосредоточенностью, будто от этого зависела судьба мира. Услышав мои шаги, он поднял голову, поправил очки и расплылся в доброй, немного смущённой улыбке — той самой, которую я уже видел. Но в ней не было суетливости. Только тепло и какая-то усталая мудрость.

— А, голубчик! — воскликнул он, жестом приглашая меня к креслу. — Проходи, не стесняйся, присаживайся. Я тут всё подготовил. Дело, знаешь ли, нехитрое, но требует со-

средоточенности. Косметическая магия, — он произнёс это с лёгкой улыбкой, словно речь шла о наклеивании усов на карнавал, — доступна далеко не каждому. Чтобы поменять цвет волос или оттенок глаз без вреда для организма, надо чувствовать энергию на уровне клеток. Буквально. Просто залить ману в чужой источник — это вандализм. А вот аккуратно перекрасить пигмент, немного скорректировать черты... — он щёлкнул пальцами, и между ними вспыхнула крошечная золотая искра, — это искусство.

Я сел в кресло, чувствуя, как всё внимание Симы обращено на эту искру. Она явно заинтересовалась.

«Он прав, — сказала она с изумлением. — Я вижу, как он структурирует ману. Это не грубое воздействие, а тонкое переплетение. Как ювелир. Та же Анисья делала это гораздо грубее».

— Не думал, что вы умеете такое, — сказал я вслух, наблюдая, как Фёдор Ильич берёт с подноса маленькую стеклянную палочку с шариком на конце. — С вашим-то источником.

— С источником, голубчик, всё плохо, — вздохнул он, не переставая улыбаться. — Я никогда не поднимусь выше Послушника, и объём мой навсегда ограничен. Но контроль... — он поднёс палочку к моему виску, и я почувствовал лёгкое, почти невесомое покалывание, — ...контроль, Рома, это то, что нельзя отнять. Мастерство остаётся. Я тридцать лет был целителем. Тридцать лет вплетал ману в чужие тела, ис-

правлял, восстанавливал, лечил. Даже когда источник треснул, мои руки и моя память никуда не делись.

Он начал водить палочкой вокруг моего лица — медленно, плавно, как художник, наносящий первые штрихи. Но внезапно он остановился и хмуро посмотрел на меня.

— Что ты сделал? Каким образом за ночь у тебя сформировались каналы в левой руке? — удивляется он. — Да ещё и так грубо. Ты что, пытался колдовать? Ты совсем болван? — бьёт он меня по голове этой палкой.

Я смотрю на него с недоумением. Может, расскажет побольше?

— А что такого? Все же твердят, что я маг. Вот и решил попробовать...

— Ты варвар! — ещё один удар. — Ты мог сдохнуть от болевого шока. Ты насильно проложил своей мане путь наружу! НАСИЛЬНО! — повышает он голос.

Потирая лоб, я смотрю на него, не понимая, что в этом такого.

— Так, можете быть немного более последовательным? Я ни черта не понимаю.

— Заткнись. Теперь лечить тебя надо. А потом поговорим, — отрезает он. Видимо, я сделал что-то совсем не так.

Он начинает водить своей палочкой для избиения внуков по моей груди. И причитать:

— Да как так-то? Минимум повреждений, — шепчет он сам себе. — А вот тут подправить надо. — Вижу, как он хму-

рится. — И тут...

Работа занимает полчаса. Во время неё Фёдор Ильич со мной не разговаривал. Но после я стал чувствовать себя лучше. Рука перестала трястись, и жжение прошло. Наконец он начал говорить:

— Ты глупый. Зачем полез в то, что не понимаешь? Али жизнь не мила? — корит меня. — Удивительно, что ты не потерял сознание. Боль-то там нешуточная. Если бы не направлял ману, каналы пошли бы в разнос, и ты загубил бы своё будущее. — Опять удар по лбу. Я стойко терплю. Сам понимаю, что виноват.

— Да что не так-то? — не выдерживаю.

Фёдор Ильич качает головой. Водит палочкой по моей руке, и там, где она касается, вспыхивает тупая боль.

— Сожми кулак.

Я сжал. Точнее, попытался. Пальцы дрогнули и разъехались под давлением его магии.

— Вот. — Фёдор вздохнул. — Канал до безымянного не дошёл. Ты его порвал, когда ману толкал.

— Насовсем?

— Нет. Моими стараниями, — он перевёл палочку выше. — А ведь могло быть иначе. После пробуждения каналы сами прорастают. За пару недель. Ты бы даже не заметил. А теперь... — он постучал меня по лбу, — теперь ты маг одной руки. И новые делать будешь сам. Через боль. Поздравляю, болван. Нравится?

Я молчал.

— Не нравится, — сказал я наконец.

— И правильно, — Фёдор кивнул. — Значит, не безнадёжен.

Он ещё раз оглядел мою левую руку, покачал головой — то ли осуждающе, то ли просто по привычке, — и убрал палочку в саквояж. Потом достал оттуда другую. Тонкую, с шариком на конце, чуть светящимся изнутри.

— Ладно, — вздохнул он. — С рукой разберёмся потом. Сейчас займёмся тем, зачем пришли. Садись.

Я опустился в кресло. Оно оказалось удобнее, чем выглядело — высокая спинка держала голову, подлокотники подпирали локти. Словно под меня делали.

Фёдор подошёл ближе, поправил очки и поднёс палочку к моему виску. Я напрягся, ожидая боли — после сегодняшнего утра я уже ничему не верил. Но ничего не произошло. Только лёгкое, почти невесомое покалывание.

Он снова начал водить палочкой вокруг моего лица — медленно, плавно, как художник, наносящий первые штрихи. Я чувствовал, как от каждого движения по коже разбегается лёгкое тепло. Не больно. Приятно даже, немного щекотно.

— Вот сейчас я захватываю твой природный пигмент, — подался он в пояснения, чуть прищурившись, — и аккуратно перестраиваю его структуру. Светлые волосы, зелёные глаза... Это не маскировка, внук. Это перестройка на клеточ-

ном уровне. Тесты Тайной Палаты не смогут отличить тебя от настоящего Годунова, потому что ты им станешь. По паспорту, по крови... — он усмехнулся, и в его глазах мелькнула хитринка.

«Он на высоте, — подтвердила Сима с ноткой уважения. — Расход маны минимальный, а результативность — сто процентов. У него действительно уникальная техника».

Работали молча, около двух часов. Я не рисковал отвлекать мастера от его дела, всё же не тарелку из глины лепит, а моё лицо.

Я уже хотел спросить, что он чувствует, отдавая внешность своего внука чужому человеку, но Фёдор Ильич вдруг заговорил снова, и в его голосе послышалась та самая смесь грусти и принятия, которую я уже слышал прошлой ночью.

— Знаешь, голубчик, — сказал он, переводя палочку на мою макушку, — от всей силы моего рода осталось, по сути, одно поместье. Сорок километров отсюда, ближе к лесу. Когда-то там кипела жизнь. Дети, гости, приёмы, охота... Сейчас же... — грустно вздыхает. — Дворянской комиссии, знаешь, лишь бы оно было, — он фыркнул, и в этом фырканье послышалась горькая ирония, — неважно в каком состоянии. Главное — числится. Дворянство без поместья — не дворянство. А у меня оно есть. Чуть не разваливается, конечно, но есть.

Он замолчал на секунду, словно и сам не рад, что оно есть, и снова погрузился в свои мысли, сосредоточенно водя па-

лочкой у моего левого глаза. Я чувствовал, как тепло концентрируется вокруг зрачка, и мир на мгновение стал чуть зеленее.

— Гвардейский отряд, — продолжил он, уже тише, выныривая из воспоминаний. — Пять человек. Все до единого — верны роду. Сейчас они несут службу на аномалии, выполняют свои сословные обязательства за меня. Я, старый дурак, не могу им платить достойно, но они остались. — Он покачал головой. — Понимаешь, Роман, когда у тебя нет ничего, кроме чести, а люди всё равно остаются с тобой — это дорогого стоит. Они не ради денег, они ради имени Годуновых, ради моего... Нашего имени.

Он снова замолчал. Я сидел, не открывая рта, чтобы не сбить его концентрацию, чувствуя, как его мана мягко вплетается в мои волосы, меняя их структуру. Наверное, на моей голове сейчас творилось нечто невообразимое — но я ничего не чувствовал, кроме приятного тепла.

— В поместье сейчас всего четверо, — сказал он, и голос его стал совсем тихим. — Две горничные. Одна — бывшая моя нянька, уже старая, но глазастенькая. Вторая — её внучка, смышлёная девчонка. Управляющий, старый солдат, слабый физик, но рукастый, да и к тому же помнит, с какой стороны держать меч. И последний, мастер на все руки — Стёпка, мужик лет под пятьдесят, он же и повар, и плотник, и конюх. Все они остались со мной, когда рухнул род. Ни денег, ни перспектив — а остались.

Он выпрямился, отошёл на шаг, оглядел меня с довольным видом, потом снова наклонился, чтобы поправить что-то у виска.

— Теперь, Роман Борисович, — сказал он, и в голосе его вдруг прозвучала та самая стальная нотка, которую я слышал в кабинете графа, — теперь ты — наследник рода Годуновых. Тебе предстоит принять на себя ответственность за них, за всех тех людей, которые шли со мной до этого момента. Они не будут знать, что ты не настоящий внук. Они будут служить тебе до последнего. Как служили мне до этого.

Он замолчал, и я почувствовал, как его палочка замирает у моего правого глаза.

— Я не прошу тебя любить их. Я не прошу тебя стать святым. Но я прошу тебя — не дай им пропасть. Не дай их верности стать бесполезной. Если ты поднимешь род — они поднимутся с тобой.

Я не нашёл, что ответить. Просто кивнул. Он вернулся к работе, и в тишине я слышал только его дыхание и слабый звон стеклянных колб и приборов, которые он менял время от времени. Сима молчала, всецело погруженная в работу бывшего мастера. Но я знал — она запоминала каждое слово и каждую манипуляцию. Через два часа Фёдор Ильич выпрямился, вытер лоб платком и сказал:

— Всё. Готово. Принимай работу.

Я открыл глаза. На столике передо мной стояло небольшое зеркало — простое, в деревянной оправе, без украше-

ний. Странно это, когда всматриваешься в отражение и понимаешь, что оттуда смотришь не ты.

Вместо привычного бледного лица на меня смотрел парень с длинными платиновыми волосами, свисающими вниз. Светло-зелёные глаза с тем же серебряным ободком, что был на фото, — смотрели с любопытством и лёгкой иронией. Я пригляделся. Да, скулы не мои. Нос тоньше, чем был, кожа светлее, да и выгляжу гораздо моложе. Но ухмылка — та же. Взгляд — мой. И, наверное, я бы выразил свой восторг, но первая это сделала Сима.

«Ты... ты прекрасен... — запинаясь, сказала она, и я почувствовал в её голосе... смущение? — Ты как первый подснежник по весне».

Я медленно поднял руку, коснулся щеки. Кожа была той же, живой. Она ничем не отличалась от той, что была утром. Только цвет.

«Ну что, Ромашка, — шепнула Сима. Голос её снова звучал ровно. — Теперь ты точно дворянин. Осталось доказать, что ты не просто красивая картинка, — с некой томностью сказала она, — а то, что у этой картинки ещё есть зубы».

Я опустил руку, посмотрел на Фёдора Ильича. Он стоял, опираясь на столик, и смотрел на меня с той же смесью тоски и усталости, что и прошлой ночью. Его руки дрожали, и он безуспешно пытался это скрыть.

— Ну что ж, — сказал он и улыбнулся. — Здравствуй, внук.

— Привет, дедушка, — ответил я тихо. — Теперь я всегда буду с тобой.

И это была правда. Теперь он — мой дед, теперь я — часть его рода. А так уж вышло, что своих я не брошу. Дед что-то увидел в моих глазах. Возможно — то самое принятие, возможно — своего внука. Но он подошёл ко мне и обнял, без слов, без слёз. Мне стало безумно жалко старика. Он потерял всё, что имел, а сейчас хоть на минуту, но обрёл своего внука назад.

— Привет, Рома, — сказал он, отстраняясь. — Мне столько нужно было тебе рассказать.

Мы сидели с ним несколько часов. Дед явно увлёкся, когда увидел кого-то родного. Сима не мешала нам. Даже больше — она внимательно слушала все байки, которые рассказывал старик. Заглянула Анисья, увидела, как мы общаемся, и тихонько вышла, вернувшись спустя несколько минут с чайником и закусками. Мимо открытой двери проходил Никита, он с любопытством заглянул, посмотрел на моё новое лицо, кивнув своим мыслям, и пошёл дальше.

Заглянула к нам на беседу и Елизавета Петровна. Мы немного посплетничали, на этот раз без скрытых проверок. По её взгляду я понял: она не часто видела Фёдора Ильича в таком хорошем настроении.

— Фёдор Ильич, — сказала она, — я рада вас видеть. Вы давно не были так веселы.

А дедушка всё не умолкал, да я и не хотел, чтобы он умол-

кал. Рассказывает он и правда интересно.

— А знаешь, — внезапно говорит он, — ты на него похож. Очень сильно похож. Не лицом, — отмахивается он от своей работы, — характером. Я ведь никогда бы не отдал род в руки какого-нибудь психа или дурака. Хотя сегодня ты меня и удивил. Но благо это решаемо. – с укором сказал он – Я наблюдал за тобой. Это моя идея одобренная графом Воронцовым провести те проверки, — внезапно признаётся он. — Ты, наверное, думаешь, почему он согласился?

Я киваю на его слова, хоть они меня и поразили. Уж от кого-кого, а от Фёдора Ильича не ожидаешь таких многоходовок.

— Я спас Никиту и его мать, когда принимал у неё роды, — огорошивает он меня. — Никита сильный мальчик, и в утробе наглухо присосался к источнику матери. Родился уже крепеньким, здоровым. Но если бы я их не разделил... — погружается он в воспоминания. — В общем, граф был у меня в долгу чести. Жизнь за жизнь. И вот когда я увидел тебя, я подумал: а почему бы и не проверить найдёныша.

— Дедушка, — говорю максимально прямо, за эти несколько часов мы заметно сблизились. — И что же ты увидел?

— Будущее, — с улыбкой в глазах говорит он.

— Я позвоню Стёпке, он приедет за тобой. Возьми Никиту, да прогуляйтесь до нашего поместья, — внезапно говорит он и встаёт. — Иди, позови друга.

— А ты, дедушка, — беру я на себя роль будущего главы рода, — позвони нашим гвардейцам. Пускай возвращаются в поместье. Их служба у аномалий окончена.

Старик удивляется, но кивает и спрашивает:

— А кто за них будет? Сословные обязательства ведь надо исполнять.

— Я... я поеду в сибирскую академию и буду исполнять наши обязанности, — не хотел огорчать старика, но всё равно придётся.

Фёдор Ильич грустно улыбается. Ну да, только обрёл внука, а теперь он уезжает. Нехорошо...

— Но я буду созваниваться с тобой, — честно говорю я. — Или потом куплю там домик. Будешь приезжать.

Дед на радостях от услышанного не отпускает меня ещё с полчаса, усаживая обратно в кресло. Травит истории, рассказывает, каким был гуленой, пока не встретил бабушку Ольгу. И как побеждал врагов рода. В общем, много интересных подробностей, и всё записывала Сима. Пригодится.

***

— Ну и перекосило же тебя, Годунов, — говорит Никита. — Выглядишь как принц из сказки. Даже красивее меня, — фыркает. — Как с дедом посидел? Давно я Фёдора Ильича таким весёлым не видел.

— Чудесно, если честно. Он прекрасный человек. Давно я не получал такого удовольствия от беседы. Всё проверки да проверки.

— Ну что, что делать будем? Не зря же ты ко мне пришёл, — переходит он к делу.

— Одевайся, твоя светлость, прогуляемся до моего поместья. Ты же не против? — уточняю скорее для себя: Никите скучно тут, он не откажет. — Или твои дела слишком важные, чтобы их откладывать?

Никита, наблюдая за тренировкой гвардейцев, отвечает неспешно:

— Знаешь, ты пока ещё не дворянин и, так-то, числишься мёртвым, — напоминает он. — Так может вернуть тебя в землю? Больно ты на язык острый. Ладно, дай пятнадцать минут. И деду своему скажи, чтобы не отправлял сюда Семёна. Зачем туда-обратно таскаться.

Внезапно Никита меняется в лице и рявкает:

— СТАНОВИСЬ! — Небольшая суета, и гвардейцы уже стоят в ровном строю. — Так, ты, — указывает он на первого в шеренге, — дуй за Григорием Алексеевичем и скажи, что я хочу прогуляться. Ты, — поворачивается он к следующему, — передай отцу, что я выйду на пару часов. Остальные, подготовьте кортеж.

Я присвистываю. А Никита-то командир, однако. Вон как быстро всех организовал. Смотрю на него и удивляюсь:

— А ты всегда с десятком солдат выезжаешь?

— Ром, а Ром? Я наследник графа, мне нужно поддерживать имидж, ты пойми. Без охраны ну никак нельзя. Вот когда в академию поеду, тогда да, там даже в поезд сопровож-

дающих нельзя брать, не то что в академию. А тут надо... — отмахивается графёнок. — Самого задолбало с этим цирком выезжать.

— А на чём поедем-то? На лошадях я не умею, — признаюсь честно. — Да и долго это, сорок километров на лошади.

Он недоуменно поворачивается ко мне, в его глазах я вижу притворную панику.

— Ну да... лошадки... на чём же ещё. Мы тут только на них и ездим.

***

Спустя полчаса к воротам поместья подъезжает кортеж из двух броневиков и одного лимузина. Все чернёные, блестят на солнце, словно только сейчас воском намазали. На дверях — герб рода Воронцовых. Лимузин выглядит представительно, а броневики хищно. С пулемётами на крышах. В каждом по пять гвардейцев. Вот что он такой загадочный был. Думал, я машин не видел.

Дверь лимузина открывается, и оттуда выходит седой длинноволосый мужик. В нём сразу чувствуется армейская выправка, его тяжёлый взгляд падает на меня.

— Роман Борисович, — протягивает он. — Наслышан о вас. Меня зовут Григорий Алексеевич Волков. Полковник царской армии в отставке. Ныне служу роду Воронцовых и обучаю этого молодого человека, — указывает он на Никиту, и протягивает мне руку. — Приятно познакомиться.

— И мне приятно, ваше благородие, — посматриваю я на

его перстень. Явно родовой. Такие есть у всех аристократов.
— Надеюсь, вы знаете о цели нашей поездки? Мы с Никитой... — вижу, как он хмуро на меня посмотрел, — Сергеевичем собираемся прогуляться до моего поместья.

— Знаю, знаю. Сергей Николаевич дал своё разрешение. Ну что же, садитесь тогда, поедем в комфорте.

— И что, — говорит Никита, — никакой реакции? Будто ты часто на таких ездишь. Вот они — твои «лошадки».

— Ой да ну тебя, — отвечаю с упрёком. — Так бы сразу и сказал, что тут и машины есть. Может, и интернет изобрели? Я же память потерял, забыл?

Никита усмехается и, ничего не говоря, запрыгивает в машину. Может, всё же и изобрели?

Глава 10

Лимузин шёл почти бесшумно. Бронированные стёкла приглушали звук двигателя до едва слышного гула. За окном мелькали стволы сосен и елей, солнце слабо пробивалось сквозь кроны, ложась на дорогу рваными пятнами. Пахло хвоей и нагретым асфальтом. Я приметил, что дорога двухполосная, и лимузину будет тяжело развернуться тут. Но всё же позволил себе расслабиться. Далековато моё поместье, конечно.

Никита сидел напротив, развалившись на кожаном диване, и лениво крутил в пальцах серебряную зажигалку. Григорий сидел слева от меня и о чём-то размышлял, пока вдруг не спросил Никиту:

— Готов к академии? С аномалиями будет трудно, — сообщил он как данность. — Там тебе сопли подтирать не будут. Только ты и твой меч.

Я прислушался к разговору. Всё же интересно, куда мне нужно ехать.

— Я-то готов, — отмахнулся Никита. — Тем более нас не бросят сразу в пекло. Всё же там будет множество аристократов, и, если нас всех положат в первый день, рода, стоящие за нами, не останутся в стороне.

Григорий покачал головой; краем глаза я заметил его напряжённость. Решил помочь старому полковнику.

— Никита, — не стал я добавлять отчество, — послушай, что говорит Григорий Алексеевич. Наверняка он не хочет просто так напугать тебя.

«Ты прав, — вклинилась Сима. — Он явно хочет сказать больше, но не может по какой-то причине».

«Угу, — мысленно кивнул я. — Записывай разговор, потом обработаем: может, узнаем чуть больше».

В это время Никита задумался, видимо принял мои слова всерьёз. М-да, слишком уж он хочет показать себя перед наставником.

— Я приму это к сведению, — немного смущённо кивнул он, — но тогда ты мог бы сказать и побольше.

Никита посмотрел на Григория, но тот лишь покачал головой.

— Не могу. Его сиятельство запретил, а его настойчиво попросила сама академия, — уточнил он, и я увидел, как его взгляд неодобрительно скользнул по мне. Суровые тут способы обучения: не допёр сам — значит, не судьба.

— А как мы будем туда добираться? — решил я перевести тему, пока меня взглядом не сожгли. — На самолёте?

— На поезде, — объяснил Никита. — Общий сбор в Москве через полторы недели. Там надо пройти регистрацию и ожидать распоряжений. — Он немного недовольно поморщился. — Понять не могу. До этого всегда на дирижабле летали, а сейчас — в объезд, по краю аномальной зоны.

А это интересно. Академия темнит перед абитуриентами,

но при этом честна с их родами. Значит, что-то задумали.

— Что они…

Я не успел договорить, как передний автомобиль сопровождения взорвался. Взвизгнули колёса нашего лимузина, и меня протащило по салону. Я успел сгруппироваться, поэтому не ударился головой о дверь. Среагировал быстро.

Григорий успел схватиться за подлокотник и удержал равновесие. Никита ударился плечом и негромко застонал.

«Сима, что произошло? — мысленно крикнул я. Не успела она ответить, как задний внедорожник откинуло ещё одним взрывом. — Твою мать. Напали».

«Да, — резко отозвалась она. — Скорее всего, гвардейцы в машинах погибли или контужены: сила взрыва была солидная. Вы остались втроём».

— Вывези нас отсюда! — заорал Григорий водителю, буквально пробив кулаком стеклянную перегородку. — Пришёл в себя? Быстро!

Ошеломлённый криком водитель вдавил педаль в пол и начал разворачиваться. Машина оказалась маневреннее, чем я предполагал. Вошла в крутой вираж буквально с места и разогналась до приличной скорости. За окном потянуло гарью — острой, химической, смешанной с запахом раскалённого металла.

«Рома! — мысленно крикнула Сима. — Кто-то использует магию. Я чувствую излучение из леса».

— ТОРМОЗИ! — заорал уже я на водителя, видя, как пе-

ред машиной поднимается бетонная стена. — Сука…

Водитель не успел. Мы на всей скорости влетели в бетон. Единственное, что я успел, — упасть на пол между сиденьями и потянуть за собой Никиту. Треск сминаемого металла заполнил уши. Меня толкнуло, больно ударило по голове. Из отключки я вынырнул через пару минут. Надо мной висело лицо Никиты; он бил меня по щекам.

— Очнись, очнись, чёрт тебя дери! — Какой же Никита вежливый: даже в такой ситуации не матерится. — Вставай, кому сказал!

— Да очнулся я. Хватит меня хлестать, или добить решил раньше, чем эти уроды? — не выдержал я.

Поднялся и осмотрелся. Григория нет, двери закрыты. Наклонился посмотреть, что с водителем. Он был пристёгнут, подушка сработала. Через дар я чувствовал, что сердце его бьётся, но сам он не реагировал. Вырубился.

«Сима, отчёт по моим травмам».

«Всё не так плохо: очень лёгкое сотрясение, но оно уже заживает, — порадовала она меня. — Переломов и растяжений нет, ты вовремя среагировал».

— Где Григорий? — уточнил я у Никиты. — Вышел?

— Да, но там ещё боевики подключились. — И правда: я слышал глухие выстрелы и взрывы. — Связь глушат, не могу связаться с отцом.

— Тогда надо помочь твоему охраннику. Если он сдохнет, нас точно пришьют или схватят. Я так понимаю, он с

«каменщиком» бодается? — уточнил я на всякий случай. — Если так, сначала разберёмся с боевиками.

— Чем? У меня ничего нет, — отстранённо напомнил Никита. — Что делать?

— Ты маг или нет? Очнись уже. Мы в бою. Тут либо мы, либо нас, — приводил я его в чувство, видя, что он паникует. — Приди в себя. Пора становиться взрослым. Или сиди здесь. Я всё сделаю. Но потом будешь корить себя. Хотел боевого опыта — так получай.

Перестал обращать на него внимание. Пусть подумает над моими словами. Сквозь разбитую перегородку перелез к водителю и отстегнул кобуру с пистолетом. Проверил магазин: полный, и второй запасной. Вставил, снял предохранитель, передёрнул затвор. Хорошо хоть подсмотрел, как гвардейцы это делали. Иначе остался бы безоружным. Как стрелять из этого металлолома?

Вернулся к Никите и глянул на него. Вроде пришёл в себя. Молодец.

— Если готов, я первый, ты за мной. Цепляй свой «чёрный плащ» и поехали. Я с одной стороны, ты с другой. Сразу дуй в лес и сливайся с тенями.

— Подожди, — он щёлкнул скрытую кнопку у двери. Отъехало потайное отделение, и в руках Никиты появился меч. Заметил: работа качественная, но сейчас не до этого. — Теперь готов.

Посмотрел в бронированное окно; в него тут же прилете-

ло несколько выстрелов, но стекло стойко выдержало попадания. Ситуация оказалась гораздо хуже, чем я думал. Огненный человек сражался с каменным. Летели огненные шары и копья; каменный отвечал булыжниками и изменением поверхности. То земля жидкой станет, то стены поставит. Строитель, сука. К тому же огненного поливали беглым огнём.

«Сима, траектория выстрелов и количество напавших, — скомандовал я. — Десять секунд».

«Приняла… — в источнике опять закрутилась мана. — Шквальный огонь идёт из этих точек. — Перед моим взглядом лес, в котором засели автоматчики, мигом наполнился подсвеченными врагами. — Их много с обеих сторон. Мы в клещах».

— Никита, с тебя та сторона. Как быстро сможешь добраться до леса? И выдержишь ли автоматную очередь? — спросил я, оценивая расклад. — Хотел устроить с тобой спарринг, но будем учиться на практике.

— Да, — уже ухмыльнулся он. — До леса секунд за десять. И защититься смогу. Есть пожирающий покров. Но недолго: заклинание затратное.

— Понял. Тогда я открываю дверь и делаю пару выстрелов. Ты сразу прыгаешь в лес и вырезаешь всю эту шоблу. Вопросы? — перешёл я на оперативный тон: бой не терпит задержек.

— Лишь один: ты аристократ или гопарь из подворотни?

— язвит он. Это хорошо, пришёл в себя.

— Значит, нет вопросов. Пошёл!

Пинком открыл дверь и сделал два выстрела в сторону зелёных точек. Никуда не попал, само собой, но стрельба на пару мгновений затихла. Никита, не медля, натянул на себя покров, превратился в тень и нырнул в образовавшийся проём. За ним я сразу закрыл дверь: не хватало ещё пулю получить.

А он неплох. И очень быстр. Да ещё и поступил грамотно: добежал до кузова откинутой машины и, прикрываясь им, рванул в темноту леса. Молодец. И не дай бог сдохнет. Откопаю и прибью нахрен.

«Рома, я проанализировала способ стрельбы. Могу направлять тебя во время боя. Оружие старое по нашим меркам, но всё ещё действенное. Следи за линией и стреляй, когда скажу». — От пистолета прорисовалась ещё одна зелёная линия. Теперь должно быть проще.

«Тогда поехали, дорогая. Как в старые добрые». — Невольно вспомнил нашу с ней охоту.

На этот раз плечом открыл дверь и навёл пистолет на зелёную точку. В один момент от Симы пришёл сигнал. Не слово — сигнал в затылок. Выстрел. Точка перестала стрелять. Потенциально сдохла. Вылетел из лимузина и спрятался от выстрелов за грудой камней, которую насыпал «каменщик». Отлично: сзади прикрывала машина, спереди — камни.

Лес пах порохом и смолой. Что-то горело жарко, едкий

дым забивался в горло. Я осмотрелся и увидел, что Григорий уже заметно отступил от машины. Видимо, намеренно отводил вражеского мага от авто. Огненный шар, пущенный им, вспыхнул совсем рядом, и на секунду всё залило оранжевым — я успел разглядеть, как полковник отступает, уворачиваясь от каменной пики, и тут же снова встаёт в стойку. Огненная стена перед ним взметнулась, отсекая линию огня, и Григорий скрылся за ней. До меня долетели обрывки фраз:

— Как вы посмели напасть на наследника рода Воронцовых на его же землях? — Видимо, лишняя энергия у Григория появилась. Во время боя болтать.

Я покачал головой, но всё же услышал ответ его противника.

— Твоему наследничку недолго осталось. Или нас бы не наняли. Но сначала я закончу с тобой. — Наливает он пафоса. Два идиота, ей-богу. Или тут это считается крутым? Ещё и спалил, что он наёмник.

Оторвавшись от размышлений, не вылезая из укрытия, выставил кусок сиденья. По укрытию сразу ударила очередь. Спалили, суки. Каменная защита начала рушиться. Противник заметил и перенёс огонь на неё. Одна очередь прилетела в открытую дверь лимузина и по инерции закрыла её. Бля… Отступать некуда.

Укрытие трещало. Из песка его лепили, что ли? Я прижался к нему спиной, чувствуя, как вибрация от каждого попадания отдаётся в позвоночнике. Пыль забивалась в горло

и глаза. Я моргал, но она только густела.

«Рома, — голос Симы был напряжён. — Укрытие выдержит ещё несколько очередей. Максимум. Потом ты останешься без защиты».

Я знал, чувствовал, как камень крошится, как отлетают куски, но не обращал внимания.

Очередь. Ещё одна. Камень справа лопнул, и осколок впился в плечо. Я зашипел сквозь зубы, но не двинулся. Не мог. Сзади — лимузин. Справа — лес. Впереди — открытое поле, которое простреливалось. Слева — каменная стена, которая вот-вот станет моей могилой.

«Есть идеи? — уточнил я. — Потому что моя мне не нравится».

Пауза. Слишком долгая для боя.

«Ты сумасшедший».

«Это не идея», — конечно, я язвил, но надо было сбросить напряжение.

«Нет. Я не позволю. — Она замолчала, и я почувствовал её сомнение. — Ты не умеешь. Ты забыл, что было утром? Мы не готовы».

«Я умру. Знаю. — Я выглянул из-за укрытия на секунду. Очередь просвистела над головой. Я вжался обратно. — Но, если не рискну, умру через минуту. Разница небольшая».

Тишина. Камень под спиной треснул. Ещё один кусок отлетел. Я чувствовал, как укрытие становится тоньше.

«Блять, — выдохнула Сима. — Ладно. Твоя взяла. Но сна-

чала попробуй».

«Договорились».

Я закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Звук выстрелов, крики Григория, гул крови в ушах — всё это осталось снаружи. Внутри меня была только тишина. И источник.

Я чувствовал его. И в нём была мана. Много. Дай бог, чтобы хватило.

«Как это сделать?» — спросил я у себя.

Ответа не было, но было ощущение. Мана хотела выйти. Она ждала. И я не стал её расстраивать. Я потянул.

Медленно. Осторожно. Помня, как это работает, я не рискнул тянуть много. Через сердце. В руку. По уже сформированным каналам.

Боль. Резкая, ударила в голову. Я начал задыхаться, но не остановился. Пальцы правой руки свело судорогой. Я разжал их усилием воли. И почувствовал.

Нити.

Точнее, пять тонких струн, невидимых глазу. Они выходили из кончиков пальцев и вились в воздухе, как живые. Я чувствовал каждую. Будто у меня появилось пять дополнительных конечностей, которыми нужно учиться управлять. Ох как не хватает практики.

«Получилось, — выдохнул я. — Я чувствую их. Но их слишком много. Я не справляюсь…»

«Я помогу. Должна справиться, — голос Симы был напряжённым, но собранным. — Оставь себе одну. Остальные

отдай мне. Учиться будем потом».

Я отпустил. Давление от четырёх струн ушло, но я чувствовал, что они работают. Как Сима медленно и неуклюже водит ими. При этом в любой момент я мог забрать их обратно. А я остался с одной.

Она тянулась от указательного пальца к… чему-то. Металл. За спиной. Повсюду металл.

«Рома, — Сима говорила быстро. — Последняя очередь, и наша точка развалится. Три секунды. Две. Одна».

Я не думал. Струна потянулась туда, куда услужливо подсветила Сима.

Я почувствовал, как мана уходит из источника — немного, совсем капля. Последний камень отлетел в сторону. Повернувшись к противнику, я почувствовал — именно почувствовал — металл, вошедший в моё поле. Свинец должен был прилететь мне в лицо, но одна из струн дёрнулась. Неуклюже. Слишком неуклюже. Но я успел. Неосознанно, на одних инстинктах. Смертоносный кусочек сместился на сантиметр. Этого бы хватило. Но не в ту сторону.

— Кхаа. — Влажный звук раздался из бока. Металл, который должен был меня прошить, застрял в теле. Видимо, то самое укрепление спасло, а то истёк бы кровью. Боль пришла волной, горячей и тупой. Нити дёрнулись, будто по ним ударили. Я сжал зубы, чувствуя, как мана утекает быстрее на удержание струн, на всё сразу.

Запах крови ударил в нос — солёный, с металлическим

оттенком. Я чувствовал, как она пропитывает рубашку, липнет к коже, стекает по рёбрам. Во рту тоже появился привкус — будто монету лизнул.

Но эти твари не успокоились. В мою сторону полетела граната. Я успел отпрыгнуть, но живот отозвался резкой болью. Сильно меня задели, что-то из органов повредило. Звук взрыва вернул в реальность. Остатки камня разлетелись вдребезги. Я оказался на открытом пространстве.

Впереди — цепь боевиков. Позади раздаются крики.Никита приступил к резне? Надеюсь. Пока я отплёвывался от бетонной крошки, мысленно приказал:

«Видела, что я делаю?! — рявкнул я. — Делай так же. Только смотри, куда направляешь. Отводи только те снаряды, которые могут меня убить».

«Есть. Задели не критично. Ещё немного времени у тебя есть».

Я поднялся, и чувство металла отреагировало быстрее меня или Симы. В поле вошло несколько объектов. Из них только часть была мне опасна; две струны под контролем Симы метнулись к ним — так же неуклюже, как и мои, вынужден сказать, даром что бывший аналитический модуль. Но всё же свист раздался в сантиметре от ушей. Молодчинка. Всё как я сказал.

Я выдохнул и шагнул вперёд, прижимая рану локтем.

— Понеслась.

Первый снаряд ушёл в сторону — Сима. Второй — я сам.

Струна натянулась, и свинец ушёл в землю у ног. Мы поймали темп не сговариваясь. Смертоносный металл свистел вокруг, но не касался. Мана уходила по капле, голова разболелась. Слишком много за чем надо следить. В висках стучало, во рту опять появился металлический привкус. Я сплюнул кровь. Только сейчас было не до паники.

Я не останавливался. Шаг. Ещё шаг. И вот я почти добрался до первых деревьев. Хорошо хоть стреляли в меня не все. Правда, двойка впереди не прекращала огонь по мне. Первый попался на глаза: военная форма без знаков, каска, борода, лет сорок на вид. Он стрелял ловко, меняя магазин за магазином. Но под каской — удивлённые глаза. Он не понимал. Он видел человека, который идёт под шквальным огнём и не падает. Видел, как их выстрелы уходят в стороны, в землю, в деревья. И видел, как я поднимаю пистолет.

Выстрел. Его голова дёрнулась назад, будто кто-то рванул за затылок. Из дыры над бровью выплеснулась кровь. Часть легла на лицо соседа. Тот замер. На секунду. Зря. Я выстрелил ещё раз. Второй упал, схватился за горло; кровь из шеи пошла толчками, залила траву, и она сразу почернела.

«Рома, я теряю контроль». — Голос Симы в голове. Сюрприз. Спасибо, что предупредила. Очень вовремя.

Восприятие проседает, мир теряет звук. В моё пространство входят три объекта. Каждый смертелен, если попадёт. Я успеваю схватить один — вариант один: направить снаряд в снаряд. Они сталкиваются в полуметре от сердца. Верх-

няя влетает в нижнюю. Недостаточно. Им не хватает времени разойтись с моим телом. Сплавленная пуля чиркает по касательной и вырывает из меня кусок плоти. Сука. Больно. В глазах темнеет от боли.

Последнюю пулю Сима отводит. Слава богу. Глаз мне ещё нужен — я им ещё не всё увидел. Через боль отпрыгиваю за большой ствол ели, размазывая кровь по коре. Руки дрожат. Дыхание рваное. Я пытаюсь подняться — ноги не слушаются. Приваливаюсь спиной к ели.

— «Рома? У тебя ранение. Надо отступать», — зовёт Сима.

Я отвечаю на автомате.

— «Да ладно? А то я, блядь, не заметил. — мысленно рычу на выдохе. — Хер мы отступим. Нас никто не отпустит».

Пауза. Её голос звучит обречённо:

— «Да, ты прав. Что-то я не подумала».

Ищу глазами два трупа боевиков. Есть ли у них средства связи? Может, через них дозвонюсь до помощи? Тяну одного струнами за автомат. Осматриваю карманы разгрузки. Очередь бьёт в труп — тот дёргается, как живой. Шоколадка. У меня тут что, пикник, блядь? Пара пустых магазинов. О, вот что это? Кнопочный телефон? Экран горит. Сети нет. Конечно. Чёрт.

Переоценил я себя. Ох переоценил. Твою ж мать. Кровь течёт ручьём, вниз по рёбрам. Бок горит, будто туда засунули раскалённый прут и медленно проворачивают.

— «Сима. Сдаётся мне, если я сейчас не остановлю кровотечение, им даже добивать меня не придётся». — Зову подругу.

— «И что мы можем сделать? — пауза. — Да что за день-то сегодня такой?» — ну да, день дерьмо, особенно когда сидишь в голове у раненого неудачника.

— «Я маг крови. Вроде как. Так давай пробовать. Сколько там маны в источнике?» — спрашиваю раздражённо. Как будто это сейчас главное.

— «Больше половины. Но ты уверен? Нити странно ведут себя рядом с кровью». — Решила напомнить. Спасибо, блин. Очень вовремя.

— Делаем, бля. — На стоне выдаю вслух.

На грани слуха — чужие команды. Кто-то из боевиков начал командовать. Голос собранный, злой. Огонь сконцентрировался на мне. Слышу: «Обходи его», «он там». Этого ещё не хватало. Ну да. Добить раненого — это ж, видимо, особая доблесть.

Игнорируя их, выпускаю струны из руки. Пять нитей, тонкие, жадные, выскальзывают из пальцев и тянутся к боку. Прикладываю ладонь к повреждённому месту. Все пять под моим контролем должны выполнить одно действие. Слетаются к ране. Должны заживлять. Но вместо этого они впиваются глубже и начинают вытягивать из меня кровь. Не останавливаясь, пьют, как будто это не я ими управляю.

Я резко складываюсь в кашле. Нет. Не так. Это неправиль-

но. Нужно взять их под контроль. Силой воли давлю. Приказываю:

— «Плетите. Плёнку. Из этой крови. Вокруг раны». — вбиваю свою задумку в каждую струну.

Но кровь не слушается. Она идёт по нитям, как по капиллярам, и тянется обратно в рану. Каждая струна — как живая.

— «Рома, ты бледный. Остановись». — Голос Симы обеспокоенный.

— «Тихо. Я почти». — Шиплю мысленно.

Вру, конечно. Руки трясутся. В глазах темнеет. Я собираю всю злость, всю боль, всё, что осталось от воли, в один узел и вдавливаю в нити. Сшивайте, сука, рану. Быстро!

Струны дёргаются. Кровь на миг замирает. Потом начинает слушаться — нехотя расходится в кляксу. Тянется плёнка. Тонкая, красная. Первый слой. Второй. Рана закрывается, но я чувствую, как из меня уходит больше, чем должно. Голова кружится.

— «Есть», — выдыхаю. — «Вроде».

— «Вроде?» — Сима не верит.

— «Вроде бы». — Мысленно поправляюсь, но сплёвываю кровь. — «Держимся… вроде».

Один из боевиков неосторожно выходит из-за дерева — в полутора метрах. Ближе, чем нужно. Он резко вскидывает автомат, но я уже взял под контроль пулю в патроннике. Лёгкий взрыв в руках солдата намекает, что автомат больше

не рабочий, но ему не стоит переживать.

Поднимаю пистолет и делаю небрежный выстрел. Тут не промахнусь. Пуля входит солдату в нижнюю челюсть и проходит насквозь, забирая с собой часть серого вещества. Тот валится на землю, чтобы больше никогда не встать. Морщусь от боли. Плёнка на ране порвалась с влажным звуком. Сознание на секунду плывёт. Но я насильно вырываю себя обратно в реальность и заращиваю рану. Теперь буду держать плёнку.

Прикрываю глаза и прислушиваюсь.

Шаги. Тяжёлые, уверенные. Раз. Два. Три. Так, тут ещё трое. Судя по шагам — обходят, растягиваются. Классика. Один в лоб, двое по флангам. Молодцы, учились на пятёрки.

— «Сима. Слышишь?» — спрашиваю беззвучно.

— «Слышу. Трое. Левый ближе». — Голос её собранный.

— «Значит, с него и начнём».

— «Рома, у тебя плёнка держится на честном слове».

— «Значит, пускай напиздит». — обрываю её.

Кладу левую руку на землю. Хвоя колет ладонь, мох холодный. Свет слабо пробивается сквозь кроны. Красиво тут, конечно.

— Что там говорил Никита? Управлять «ничейной» кровью? Отлично. — шепчу больше себе, чем кому-то.

Две струны ползут к убитому трупу. Откуда две? Похоже, отобрал у Симы в горячке боя. Даже не заметил, как. Сима же держит тремя оставшимися плёнку, чтобы та не развали-

лась. Спасибо, подруга. Я тебе потом… что-нибудь. Если будет это «потом».

Нити заползают в пулевое отверстие. Я чувствую, как они входят в мёртвую плоть. И я начинаю тянуть. Кровь в трупе ещё тёплая, почти живая, и от этого становится только хуже. Но я тяну. Сильнее.

Надо сказать, ощущения совсем не такие, как с металлом. Металл — это как держать камень: тяжесть, чёткая форма, понятное сопротивление, и ты просто направляешь его волей. Кровь — совсем другое. Ею управлять всё равно что пытаться повернуть течение реки: она скользит, липнет, сопротивляется и не желает слушаться. Опыта в подобном у меня нет.

Струны набухают. По ним идёт густая влага. Она собирается на нитях. И меня передёргивает. Управлять мёртвой кровью. Кайфом это не назвать. Внутри становится холодно, будто выпил ледяной воды на морозе. Что с ней делать, я не знаю. Она просто жидкая, и всё.

Слышу вскрик «Граната». Прямо к моим ногам подкатывается круглый предмет. Я даже не среагировал. Сима отцепила от плёнки одну нить и, размахнувшись, отправила гранату обратно. Послышался взрыв и пара стонов.

Я не могу встать. Анемия налицо, да ещё и в сон клонит. Я сидел на холодной земле, чувствуя, как сознание ускользает. Шаги приближались. Три пары ног, уверенная походка. Они знали, что я никуда не денусь.

«Рома…» — голос Симы звучал будто издалека.

Тень накрыла меня. Солдат. Рожа в шрамах, сам в каске. Автомат в руках. Остальные его слушались. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде читалось что-то похожее на уважение.

— Живой ещё, — бросил он через плечо своим бойцам. — Этот — маг крови. Доложить.

Когда один из боевиков наклонился, чтобы обыскать меня, из леса вылетела быстрая тень. Я успел увидеть только блеск клинка — и голова самого дальнего от меня покатилась по мху, оставляя тёмный след.

Никита.

Он стоял над телом, тяжело дыша. Покров ещё держался, но истончился и просвечивал. Меч в руке дрожал. Глаза — бешеные, но уставшие.

Я не стал медлить. Вся кровь, вырванная из только что остановившегося сердца бедолаги, ударила в рот главного. Правильно, реку надо направлять, вот я и направил: разливаясь и пульсируя, она стремилась заполнить собой каждую свободную полость.

Главный дёрнулся, безуспешно пытаясь сомкнуть челюсти. На долю секунды в его глазах мелькнуло непонимание. Затем пришла паника.

Первым делом кровь хлынула в гортань. Он попытался сделать вдох, но вместо спасительного кислорода в лёгкие хлынула тяжёлая, металлическая жижа. Его грудная клетка

судорожно вздулась, рёбра выгнулись дугой, пытаясь расшириться, но дыхательные пути были уже залиты. Он забулькал и сложился в приступе кашля. Его лицо приобрело синюшный оттенок, ноги подкосились. Он перестал сопротивляться и упал. Схватился за горло и ещё корчился некоторое время. Пока совсем не задохнулся.

Пока командир развлекался водными процедурами, последний вояка, тот, который пытался меня обыскать, стоял слишком близко. К тому моменту я был совершенно разбит и вымотан — силы почти покинули меня, тело не слушалось, а каждое движение давалось с огромным трудом. Но даже в таком состоянии я умудрился ударить его головой в нос.

Никита метнулся ко мне на помощь, игнорируя извивающегося командира. Хотел добить последнего, но я сквозь хрип сказал:

— Стой… — кашель. — Информация.

Он послушался и вместо головы на землю полетел автомат — рассек его клинком, словно это было масло. Бесполезная игрушка опала двумя кусками. А сам солдат упал рядом со мной и поднял руки вверх.

— Ты… — выдохнул Никита, глядя на меня. — Ты жив?

— Пока да. — Голос сорвался на хрип. — Григорий?

— Держится. — Никита оглянулся, прислушался. — Этот был последний. Но мана кончается.

Тут он замечает моё состояние. Видимо, в первый раз видит друзей в таком состоянии.

— Рома? Ты бледный. — он бросает взгляд на кровавую плёнку. — Твою налево. Нам срочно нужен медик. Ты сколько крови потерял?

Никита подбегает ко мне и приваливается на колено. Смотрит на разлегшегося вояку.

— Бинты, быстро. — боевик медлит, но после того как от руки Никиты вылетает шар тьмы, отдаёт свёрток. — Держись, Ром, Григорию удалось пробиться сквозь глушилку. Скоро уже гвардия подъедет.

— Внимательно, — я перебил его, пытаясь приподняться, но тело пронзила боль. — Тут ещё могут быть…

Автоматная очередь разорвала воздух. Никита отшатнулся, покров вспыхнул и погас. Кровь выступила на его плече, попали.

— Беги, — просипел я. — Уходи. Ты не сможешь…

— Заткнись.

Он встал. Просто встал между мной и стрелком. Без покрова. Без защиты.

— Меня твой отец… — кашляю, — придушит… если ты умрёшь.

— Может быть. — Он ухмыльнулся. Кровь на губах. Настоящий Воронцов. — Но я не брошу человека, с которым я сражался на одной стороне. Даже если он гопарь из подворотни.

Я хотел ответить, но не успел. Со стороны поместья донёсся рёв моторов — низкий, уверенный, быстро прибли-

жающийся. Земля дрожала под колёсами тяжёлых машин. Я узнал этот звук: так шли «Громы» — бронированные внедорожники гвардии Воронцовых из нашего кортежа. Не меньше пяти машин. Пыль поднялась стеной над дорогой, забивая лес серой мглой.

Последний вражеский отряд тоже услышал. Один из них обернулся на звук. И это стало его последней ошибкой.

Никита бросился вперёд. Короткий замах — и солдат осел на землю, схватившись за перерубленное горло. Меч младшего Воронцова не знал пощады. Остальные даже не стали сопротивляться. Бросили автоматы и сели на колени.

А потом из-за поворота вылетел первый «Гром». За ним второй, третий. Гвардейцы выпрыгивали на ходу, рассыпаясь цепью. Я услышал незнакомый голос. Он орал команды так, что, казалось, лес пригибается.

— Оцепить! Пленных — в машины! Мага — брать живым! Медика к Барину! Проверьте наших! Григорий Алексеевич, заканчивай уже!

Земляной вал, который всё это время давил на Григория, вдруг схлопнулся. «Каменщик» дрогнул — видимо, понял, что дело пахнет керосином. Он попытался отступить, но Григорий не дал. Полковник рванул вперёд, используя передышку, и я краем глаза увидел, как он вбивает кулак в землю. Каменная стена, которую строил вражеский маг, пошла трещинами — и рухнула на своего создателя, огненный вихрь снёс её напрочь.

Григорий выпрямился. Левый рукав его пиджака отсутствовал, лицо было в копоти и крови, но он стоял. Почти целый.

Ко мне подбежали двое гвардейцев. Один — молодой, с погонами младшего сержанта, второй — пожилой, с нашивками медика.

— Живой? — Медик наклонился, ощупывая меня быстрыми, привычными движениями. — Так, бок, плечо. Кровопотеря серьёзная, но не смертельная. Держись, парень.

— Григорий Алексеевич! — крикнул кто-то. — Мага взяли! Каменщик — готов!

Я закрыл глаза. Силы кончились. Всё, что осталось — лежать, слушать и надеяться, что я пережил эту войнушку.

Через минуту всё было кончено. Я почувствовал, как чьи-то руки поднимают меня, как голос Григория рявкает команды, как Никита что-то мне объясняет, сбиваясь и повторяясь.

— Живой? — Полковник наклонился надо мной. Лицо в крови, глаз заплыл, но взгляд ясный. — Держись, парень. Сейчас твой дед подойдёт.

Я хотел ответить, что дед мог бы и поторопиться. Но язык не слушался. Мир качнулся и поплыл. Последнее, что я услышал, прежде чем отключиться, — как Сима тихо прошептала прямо на ушко:

«Мы выжили, Рома. Слышишь? Мы выжили. Ты молодец».

***

Я очнулся от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо. Голова ясная. И на том спасибо.

— Ром. Ром, очнись. Срочно.

Голос Никиты. Напряженный, будто он только что узнал то, чего он не должен был знать.

Я разлепил глаза. Потолок кровати. Незнакомый. Шторы балдахина прикрывают от яркого света. Лазарет? Нет, слишком богато для лазарета. Чья-то комната.

— Что… — язык ворочался с трудом. — Где мы? Ты как Никита?

— Я в порядке. Ты тоже, потерял много крови, но Федор Ильич все зарастил. Скоро он подойдет. Мы в твоем поместье. Тебя привезли два часа назад. — он наклонился ближе. На его плече была повязка, но глаза горели. — Слушай. Тут такое…

Он замолчал, будто не решаясь сказать.

— Ну?

— Пленного допросили. — Никита сглотнул. — Он знал, кто их нанял, но мы выходили только на подставных лиц. Там длинная цепочка, но разведка тоже не зря есть хлеб. Это Песковы, точнее один из их слуг. И знаешь, что ещё?

Я молчал. В голове всё плыло, но что-то внутри уже напряглось.

— Он сказал, что целью был не я, — Никита посмотрел мне прямо в глаза. — Целью был ты, Рома. Точнее твое про-

шлое амплуа. Их отряды дежурили на всех дорогах от моего дома.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые. Много. Злой голос Сергея Николаевича, который проходит мимо:

— Где Никита? И почему на моих землях сидят вражеские отряды, а я только сейчас об это узнаю? — ему что-то тихо отвечают — Да знаю я, что это Песковы. Я спрашиваю, почему наемники так нагло…

Шаги удаляются, и продолжения я не слышу. Сима в моей голове выдохнула одно слово:

«Начинается».

Глава 11

Я лежал на спине, глядя в потолок. Тёмные балки, покрытые лаком, пересекались в ровном ритме. Пахло воском и старой пылью. Где-то внизу, сквозь толщу камня, глухо гудели голоса — кто-то отдавал приказы, кто-то отвечал. Поместье жило своей ночной жизнью. Никита сидел рядом, читая что-то в газете. Наш с ним разговор выдался немного скомканным. Он всё просил подождать его отца.

Тело болело привычно, не в первый раз ранен. Бок, куда вошла пуля, саднил. Плечо, задетое осколком, дёргало при каждом движении. Впрочем, сам я был полностью цел, не считая синяков, — видно работу мастера, дедушка хорошо постарался. Сима отказывалась разговаривать со мной. А источник медленно накапливал резерв обратно. Живём потихоньку.

«Сима, — мысленно позвал я, не открывая глаз. — Ты обиделась?»

Тишина. Потом — лёгкое, частое покалывание в затылке. Она слышала, но отвечать не стала.

Прислушался к себе. Мана восстановилась на треть. После боя, после использования струн, после того как я вытянул кровь из мёртвого солдата и направил её в глотку его командиру. Она наполнялась довольно медленно, но верно.

«Сколько у нас маны то? И как там мои раны?»

«Процентов тридцать, — отозвалась она раздражённо. — Может, двадцать пять. А про ранения спроси у своего деда».

Я усмехнулся. Точно обиделась.

В коридоре послышались шаги. Уверенные, но не быстрые. Не гвардейцы — те ходили чётче. И не слуги — те ступали почти неслышно.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Фёдор Ильич. Дед выглядел как обычно, всё с той же незажжённой трубкой в зубах, с теми же расторопными движениями, но в глазах его была профессиональная опаска, с которой он осматривал меня после первого пробуждения. Целитель, тем более такого уровня, всегда сначала видит пациента, а потом человека. Он быстро оглядел меня — лежащего, бледного, с перевязанным плечом и рукой на груди, — и его губы сжались в тонкую линию.

— Ну что, голубчик? — сказал он с усмешкой, но в голосе не было веселья. — Повоевать решил? Даже каналы не до конца прорезались, а уже ману используешь?

Он прошёл к кровати, опустился в кресло у изголовья — не спрашивая разрешения. Поставил саквояж на колени, расстегнул ремешки, но не открыл. Просто положил руки поверх него и уставился на меня.

Я смотрел в потолок. Слова давались с трудом, потому что я устал. Устал от того, что нужно объяснять, почему я не сдох. Сначала Никите, теперь деду, потом ещё и графу поди объяснять надо.

— Дедушка, а у меня разве был выбор? — сказал я наконец. — Если бы я не «повоевал», и меня, и Никиту бы просто убили.

Пауза. Я слышал, как он дышит. Спокойно, но с лёгкой хрипотцой, которая бывает у стариков, привыкших к табаку.

— Считаешь, надо было сидеть в машине и смотреть, как Григория Алексеевича убивают?

Он молчал. Долго. Я тоже.

Потом вздох — тяжёлый, на всю грудь. Так вздыхают люди, которые смиряются с чужой правотой.

— Нет, голубчик, — сказал он тихо. — Ты всё сделал правильно.

Я повернул голову. В его глазах не было укора. Только усталость. И ещё, может, гордость, может, страх.

— Но и доводить себя до такого состояния… — он покачал головой, и голос его стал жёстче. — Глупо.

— Так я и не знаю, как вести себя не «глупо», — я не отвёл взгляда. — Дед, ты слишком много от меня хочешь.

Он фыркнул. Как будто я сказал что-то обидное, но, по сути, верное.

— Много, — согласился он. — А кто сказал, что будет мало? Ты без пяти минут глава рода. А лезешь в открытый проигрышный бой.

— Так выиграли же, — сказал я возбуждённо. Ну правда, за что винить-то?

— Слава богу, что выиграли. Везение, не иначе. — Он

посмотрел мне в глаза. — Но и, должен признать, нехило ты их разделал. Одного гвардейца Воронцовых аж вывернуло, когда он захлебнувшегося увидел. — И вдруг переключился: — Ты умеешь думать и импровизировать, но хватит тебе самому всё постигать. Не ровен час, когда ты по случайности свой источник сожжёшь.

— Как будто у меня есть где учиться… — Я увидел его усмешку и замолчал.

— Есть, есть. Поместье хоть и разваливается, но что-то сохранить удалось.

Он наконец открыл саквояж и достал знакомую палочку — тонкую, с шариком на конце. Ту самую, которой он избивал меня по лбу, когда отчитывал, что я «варварски» прокладывал каналы.

— Давай руку, — сказал он. — Левую.

Я протянул. Он взял её осторожно, как берут хрупкий инструмент, и поднёс палочку к запястью. По коже разлилось тепло — ровное, глубокое, без боли. Он водил палочкой вдоль вен, и я чувствовал, как что-то внутри меня отзывается на его ману — не источник, а те самые каналы, которые я прорвал той ночью.

— Ты знаешь, что мог умереть? — спросил он, не поднимая глаз.

— Догадываюсь.

— Не догадываешься, — отрезал он. — Ты не догадываешься. Ты просто не думаешь. Ману пустил куда не следует,

тело до предела довёл, ещё и в бой полез. — Он постучал палочкой по моему предплечью — не больно, скорее укоризненно. — Если бы не твоё направление… тебя бы уже отпевали.

— Но не отпели же.

— Не отпели, — согласился он. И вдруг улыбнулся: — Ты упрямый, Роман. Весь в Ольгу. Она тоже любила доводить себя до края, а потом удивлялась, чего это все волнуются. Ну, это дела минувшего, — тяжело вздохнул он.

Я не знал, что ответить. Старик говорил о своей жене так, будто она была жива. Но при этом признавал, что та мертва. Хорошо, что так, — видимо, знание о возможном воскрешении не оставляет его.

— Проведи немного маны по каналам. Посмотри, есть ли повреждения, — приказал он.

Я провёл каплю маны, но не стал её выпускать. Он работал молча. Минуты текли медленно. Палочка скользила по моей руке, и там, где она касалась, каналы будто просыпались — согревались, расширялись, наполнялись чем-то живым. Я чувствовал, как уходит ноющая боль, как выравнивается дыхание. Источник по-прежнему оставался полупустым, но тело становилось легче.

Никита давно отвлёкся от своей газеты и наблюдал за нашей перепалкой. Ну и ладно. Тут скрываться незачем.

— Каналы заживают, — сказал дедушка наконец, убирая палочку. — Даже больше, они укрепились. У магов такое ча-

сто. Когда напрягаешь каналы, они укрепляются. Но сейчас даже не смей колдовать. Перенапряжёшь и порвёшь их напрочь. Лучше сосредоточься на открытии новых.

— Завтра, — продолжил дед, закрывая саквояж, — прогуляешься по нашему поместью. Пора тебе увидеть, что ты унаследовал. И заодно познакомишься с людьми, которые остались верны роду.

Никита, до этого сидевший молча, вдруг заговорил:

— Фёдор Ильич, а можно я с Ромой прогуляюсь? Всё же он не до конца поправился. Вдруг упадёт где?

Дед остановился у порога и обернулся:

— Что ж, Никита Сергеевич, вы мальчик ответственный. Можете и прогуляться. — Он повернулся ко мне: — Рома, а ты смотри, Никите можно везде, кроме оружейной и библиотеки. Туда только с нашими людьми. Понял?

— Понял, дедушка. А поесть-то можно? — задал я волнующий меня вопрос.

— Скоро принесут, заодно и с Антониной познакомишься, — отмахнулся он. — А на её реакцию внимания не обращай. — Он прервался на мгновение. — И… ты молодец. Хорошо справился. Твои трофеи прибыли. Они будут разделены между тобой и Никитой. Граф решил отдать нам один из броневиков. Будет на чём ездить в город.

Он вышел, прикрыв за собой дверь.

— Нечасто я вижу Фёдора Ильича в таком настроении. Он обычно более… мягок. А сегодня прям расстроенный ка-

кой-то. А насчёт трофеев не переживай. Отец тебе ещё что-нибудь отдаст за то, что не струсил, — он залился весёлым смехом. — Но на многое не рассчитывай.

С Никитой приятно проводить время. Около получаса мы общались на разные темы. Слухи об Академии, об оружии — я посмотрел его меч, прикольная штука, проводит ману и становится крепче и острее. По словам Никиты, когда он станет посильнее, там и другие фишки откроются.

О и конечно же о девушках. Оказывается, у Никиты уже есть невеста. А его старший двоюродный брат уже обзавёлся двумя. Когда я начал рассказывать о своих похождениях, Сима ревниво прокашлялась и снова затихла. Да что это с ней?

Прервала нас весьма мускулистая женщина, в длинном чёрно-белом платье, с пучком карих волос и морщинками у глаз. Выглядела она грозно: два метра роста, чуть ли не полтора в плечах. Но как только увидела меня, я залюбовался всем спектром её эмоций. От безумной радости до невероятной обеспокоенности. Она подбежала ко мне, чуть не оттолкнув Никиту, и довольно нежным голоском проговорила:

— Молодой господин, это вы, это точно вы. Как вы? Что с вами было? Мы уж, грешным делом, думали, что больше вас не увидим. Боже, вас привезли таким израненным. Как вы себя чувствуете. — протараторила она. — Что же вы молчите? Это же я, Антонина. Я вас растила, пока не случился тот ужасный случай.

Я здраво опешил от подобной заботы. Не каждый день тебя пытаются допросить столь бодрая и угрожающая женщина. Так вот о чём дедушка говорил. Впрочем, через пару секунд я пришёл в себя.

— Антонина… А как вас по отчеству? Простите, я совсем ничего не помню из того времени. Говорят, я из аномалии спасся, и вот что было до — всё забыл, — виновато оправдывался я.

— Божечки мои, какое горе-то. Ну ничего, мы вас тут всегда ждали. Откормим, отпоим. Баньку запарим. А то вон как исхудали… — она мило продолжила ворковать. Но Никита прервал её.

— Антонина Геннадьевна, — проговорил он, глядя на меня, явно сообщая её отчество. — Роме нужен отдых и еда. Вы же за этим пришли?

Спасибо, друг. Антонина женщина милая, но поесть мне и правда стоит.

— Ой, и правда, сейчас, сейчас. — Она метнулась за дверь и мигом закатила огромную тележку с едой. И я не шучу, тележка была двухъярусная и буквально ломилась от еды. Какие-то горшочки, сало, тарелки с супами, пироги, графины с напитками, тарелки с горячим и соленьями. Запах еды распространился такой, что у нас с Никитой почти одновременно заурчали животы.

— Вот, — гордо и радостно пролепетала она. — Тут всё, что вы любили в детстве. Кушайте, кушайте, и друга своего

угощайте. Вот тут у нас… — Она начала подносить к нам каждое блюдо, и ни от одного мы с Никитой не посмели отказаться. Ели мы, наверное, часа полтора и по итогу не смогли даже подняться. Зато полный отказ от передвижения компенсировался настолько вкусным обедом, что мы были и не против.

Всё это время Антонина бегала вокруг меня и мило щебетала о детстве и о том, как грустно стало в поместье без меня. И я видел, что она не врёт, её радость была настоящей. Когда мы закончили обед, я сказал:

— Антонина Геннадьевна, вы, кажется, что-то говорили про баню? Нам бы с Никитой Сергеевичем не помешало бы помыться и погреться.

Она мило ойкнула, как будто забыла самое важное, и, резко поменявшись в голосе, гаркнула так, что, кажется, поместье затряслось:

— СОФИЯ! ГОСПОДИН ИЗВОЛИТ МЫТЬСЯ! ЗАТОПИ БАНЮ!

От её рыка у меня и Никиты заложило уши. Впрочем, откуда-то снизу ей вторил более милый девичий голос.

— Уже бегу, ба. Пятнадцать минут. — Через открытое окно я услышал, как хлопнула дверь.

— Пятнадцать минут, господин, и баня будет готова. Только я совсем забыла, его сиятельство просил вас посетить его до его отъезда. Вас проводить? — извиняющимся тоном сказала она.

— Да, это можно. Не думаю, что разговор займёт много времени. — Тем более я не намерен долго разговаривать. Устал. Сегодня бы отдохнуть. — Тогда сообщи ему, что мы с Никитой сейчас подойдём. Я пока оденусь.

Антонина коротко поклонилась, из той же тележки достала просторную белую рубаху и тёмные брюки. В комнате уже стояли крепкие тактические ботинки. Хотя Антонина и достала туфли, но я предпочёл не их. Затем вышла, и мы остались с Никитой наедине.

— Женщина она, конечно, — огонь. Такую трудно забыть, — бубнил он. — Но что мне нравится у тебя в поместье, так это то, что тут всегда весело.

— Мда, это я уже заметил. Ну и отлично, пока всё выглядит довольно мило, — ответил ему с ленцой. — Сейчас соберусь и пойдём.

Встать получилось довольно легко. Тело всё ещё ныло, но и двигаться не мешало. Быстро оделся прямо перед Никитой, хотя он смутился, но мне было всё равно, не красна девица. Пока одевался, подумал о Симе: чего это она на меня обиделась? Но разберусь чуть позже.

Сейчас — дела. Вышли с Никитой из комнаты. И перед нами предстал широкий дубовый коридор. Лампы и люстры по краям, обветшалые портреты и пейзажи, гвардейцы Воронцовых, расхаживающие по моему дому. Я нахмурился.

— Никита, а что они тут делают? Почему ходят по моему дому с оружием? Кто позволил? — спросил с раздражением.

— Ты не пойми неправильно, но вооружённые люди… вызывают напряжение.

Он виновато улыбнулся и попытался оправдаться:

— Фёдор Ильич разрешил, точнее отец настоял. — Он отвёл глаза. — Я говорил ему, что тебе это не понравится. Но давай решим всё уже на месте, втроём.

Идя по коридору, моё настроение всё ухудшалось, а раздражение нарастало. Я даже перестал обращать внимание на убранство поместья. Мой дом заполнен чужими людьми, и каждый мой шаг провожался их настороженными взглядами. В моём доме!

Через пять минут мы дошли до массивной деревянной двери, на которой был изображён дуб, обвивающий корнями чашу. Герб. И судя по тому, что это дом Годуновых, этот герб теперь мой. Я не стал стучаться. Просто надавил на створки, и они беззвучно открылись. Первым делом оглядел помещение.

Одна стена была полностью заставлена книгами. Пахло старой бумагой, чернилами и табаком. Посередине кабинета стоял журнальный столик. Вокруг него два добротных кожаных дивана и кресло. Далее массивный дубовый стол, на котором аккуратными стопочками стояли бумаги. Пара книг и чернильница с механическим пером. Сергей Николаевич, благо, сидел не за столом. А то я бы не сдержался.

Приветствую графа и прохожу мимо, садясь за рабочее место. Никита садится в кресло напротив меня, по левую ру-

ку от отца. Прошу Антонину, которую не сразу заметил, принести нам чаю и закусок. И наконец перехожу к делу:

— Ваше сиятельство. Я прошу вас убрать ваших людей из моего дома. — Да, именно прошу, слишком я пока слаб, чтобы требовать. — Мне кажется, их присутствие внутри дома излишне. Если хотите, можете расположить их на территории поместья, но вне стен дома.

Граф хмуро смотрит на меня, поднимает одну бровь, но продолжает молчать.

— Отец, — Никита подаёт голос, — давай…

— Тихо. — Сергей Николаевич бросает одно слово, и Никита замолкает.

— Ты просишь. — Смотрит он уже на меня. — Это хорошо, что не требуешь. В чём причина твоего беспокойства? На тебя недавно напали. На вас, точнее, — поправляется он. — Почему же моим вооружённым людям нельзя тут находиться?

— Потому что я хочу, чтобы к моему дому проявили немного уважения. Присутствие ваших людей в самом доме бессмысленно, это лишь показывает вашу власть надо мной. Именно поэтому я и прошу ваших людей покинуть стены моего дома.

— Верно мыслишь. Думал преподать тебе урок, но вижу, этого не требуется. Никита захотел остаться у тебя погостить. Я не против. — Граф отличный игрок, меняет темы так, чтобы я не замечал мелочей. — Люди останутся на тер-

ритории, но не в доме. — Граф поднялся, прошёлся к окну. — Это всё?

— Нет. — Я не двинулся с места. — Вы знали, что на нас нападут. Знали, кто. И не сказали.

— С чего ты взял? — сказал он холодно.

— Вы слишком спокойны, хоть и узнали, что на вашего сына напали наёмники. Вы просто… приняли это к сведению. — Я выдержал его взгляд. — Вы знали, что будет нападение. И позволили ему случиться?

Граф хмыкает, и его губы поднимаются в злой ухмылке.

— Знал? Нет. Но я догадывался, что ради моего уничтожения они что-то предпримут. Я полтора года воюю с ними за рудники в Иркутске и уже успел изучить их тактику. Это не война. Это осада. Взаимная. Они ждут, когда у меня кончатся ресурсы. Я жду того же. — Он вернулся к столу, но не сел. — Не думал я, что они ударят по кортежу. Тем более из-за тебя.

— Я им нужен живой, — отмахнулся я от его предостережения. — Я доказательство. Которое можно предъявить кому-то, кто может на вас надавить.

Граф молчал.

— Тайная Палата? — предположил я.

— Не угадал, — сказал он. — Но близко. Большего я не скажу. Рано тебе лезть в такие высоты.

Я поднимаю взгляд и смотрю на Никиту. В его глазах читается уважение, впрочем, как и в глазах Воронцова старше-

го. Он произносит:

— Заказчики — Песковы, — сказал граф. — Точнее, один из их слуг. Он уже мёртв. А голова его катится к этим крысам как напоминание. Да и головы тех наёмников тоже. — холодно произнёс граф.

— Они же нападут снова? Так просто они не остановятся.

Граф долго на меня посмотрел. Потом сказал:

— Нападут. Однажды. Но не сейчас. Они потеряли людей, потеряли время. Им нужно перегруппироваться. — Он помолчал. — Да и моя претензия займёт их надолго.

Минуту мы молчим, каждый рассуждая о своём. Их дрязги дадут мне немного больше времени. Никакая из сторон не станет рисковать под следствием. Это хорошо, смогу к тому времени убраться в академию. Никита внезапно напоминает:

— Отец, Роман достоин награды за помощь. Без него мы бы не выжили в том налёте, — просит за меня он.

Сергей Николаевич тяжко вздыхает и кивает его словам:

— Да, ты прав, сын. Роман, что бы ты хотел в качестве награды за помощь в защите моего сына? — Он останавливается на секунду, но продолжает, когда понимает, что я не знаю, чего просить. — Могу предложить тебе несколько «Громов», хорошие боевые машины для твоей гвардии.

Я молча обдумываю и решаю уточнить у Симы, что она думает:

— «Сима, хватит дуться, я потом перед тобой извинюсь. — Хотя не знаю за что, эх, женщины. — Что думаешь о его

предложении?»

Несмотря на обиду, я слышу тяжёлый вдох и её ответ:

— «Предложение в целом хорошее, — отвечает она, явно дуясь. — Но смысл? Громы вроде как хороши, но кого на них сажать? Лучше попросить что-то, что даст немедленное усиление».

Она права, я сам думал об этом, но что я могу запросить… Мой взгляд падает на меч Никиты. Он так и не снимал его с того боя. Я помню, как этот меч проводил мою ману. Довольно сильное оружие. Но меч не выгоден мне как магу металла. Может…

— Ваше сиятельство. А не могли бы вы в качестве награды предоставить мне комплект метательных ножей, из того же материала, что и меч вашего сына. Примерно сантиметров двадцать в каждом. — Вдруг опомнился и решил уточнить: — Не слишком ли дорогая просьба?

Граф задумчиво отпивает чай, Никита сидит смирно, взгляд его показывает непонимание, но мне всё равно.

— Рома, ты уверен? «Громы» — хорошее приобретение, — останавливает меня Никита, но я не отвечаю.

— В целом просьба трудная, — расстраивает меня граф, видя, что решение я не поменяю, — но выполнимая. Три подобных клинка как раз будут стоить примерно как три «Грома». Миллионов в десять, думаю, уложимся. Ты хорошо подумал?

Меня сильно поразила ценность подобного оружия: три

двадцатисантиметровых ножа, стоимостью в три броневика. Но я не знаю здешних цен, возможно, и мой род зарабатывает столько, что эти десять миллионов — копейки.

— Да, я полностью решил. Это будет хорошим подспорьем в академии. — По крайней мере, я так думаю. Всё же не на курорт едем.

— Тогда решено. Завтра приедет оружейник, с ним и обсудишь детали. На этом всё. Я отправляюсь домой. Людей отзову. — резюмирует он, но добавляет: — Григорий останется тут, не заставляй старого воина жить на улице. Всего хорошего, Роман, позаботься о Никите.

— За Григория Алексеевича не переживайте, всё же он нам жизнь спас, и его присутствие тут желанно. Ваше сиятельство, а не хотите ли с нами в баню? Отдохнёте, снимете напряжение. Водочки выпьем.

Похоже, этот вопрос застал графа врасплох. Я даже заметил, как он немного подвис, но его реакция удивила меня ещё больше:

— Баня, говоришь? — сказал он с нажимом. — Баня — это хорошо, да и давно я не отдыхал. Можно и посидеть, под водочку… недолго.

Честно сказать, я думал, он откажется, но и за язык меня никто не тянул. Придётся быть гостеприимным хозяином. Да и Григория надо позвать, если граф против не будет.

Смотрю на Никиту, стоящего с удивлённо раскрытым ртом, и понимаю, что он сам не ожидал подобного ответа от

отца.

— Ты чего? — тихо спрашиваю.

— Отец идёт в баню. С нами. — Он моргает. — Он не отдыхал лет пять. Говорит, времени нет.

— Значит, сегодня — особый день.

Никита смотрит на меня, потом на отца, который уже поднялся и поправляет пиджак, и вижу, как в его глазах удивление сменяется предвкушением. Он молчит, но я понимаю: этот момент для него важнее, чем весь сегодняшний разговор.

Граф оборачивается к Антонине, которая всё ещё стоит у двери, и коротко бросает:

— Григория Алексеевича проводите к нам. И распорядитесь насчёт стола.

Антонина смотрит на меня и ждёт моего разрешения, я коротко киваю, и она исчезает за дверью. А мы идём к выходу. Коридор, лестница, снова коридор. Поместье старое, но крепкое, в нём видна история. Гвардейцы Воронцовых по пути вытягиваются, но граф не обращает на них внимания. Он идёт чуть впереди, и я замечаю, как его плечи опускаются ниже, будто он и впрямь решил отдохнуть. Походка становится легче. Он не оглядывается, но я вижу, как он дышит. Глубже, чем в кабинете.

Мы выходим через боковую дверь во внутренний двор. Вечерний воздух ударяет в лицо — свежий, с хвоей и дымком. Где-то за домом топится баня, и лёгкая струйка дыма

поднимается над тёмной крышей.

Я впервые вижу своё поместье снаружи. Три этажа. Два крыла и центральный холл. Справа виднеется огромное окно в три этажа, видимо зал для приёма. Слева жилая зона, мы пришли оттуда. Фундамент поместья каменный, каждый кирпичик очерчен некими символами. Второй и третий этажи — деревянные. Окна, как и стены, чистые. Видно, что за домом ухаживают. Я думал, будет гораздо хуже.

Возле бани нас ждёт девушка.

София. Я понимаю это сразу. Невысокая — мне по плечо, может, чуть выше. Русые волосы заплетены в тугую косу, лицо простое, открытое, без косметики, но красивое. Спортивная — видно по тому, как стоит и держит спину. Не как Антонина, которая, кажется, могла бы поднять меня одной рукой. Скорее, как охотница. Лёгкая, быстрая, в чём-то опасная.

Увидев нас, она улыбается. Искренне. Без поклона и заискивания говорит:

— Господин, — глаза её смеются. — Всё готово. Парная прогрета, веники запарены, стол накрыт.

— Спасибо, София.

Она чуть склоняет голову набок.

— Ба сказала, вы всё забыли. А имя моё помните.

— Мне его только что сказали, — признаюсь я.

Она звонко смеётся. И этот смех снимает последнее напряжение, которое висело между нами после кабинета.

Григорий подходит почти сразу. Выглядит он потрёпанно: на предплечье аккуратная повязка, лицо усталое. Но идёт ровно и, увидев баню, заметно оживляется.

— Ваше сиятельство, — он кивает графу. — Роман. Никита.

— Григорий Алексеевич, — граф смотрит на него, но тон его не терпит возражений. — Идёте с нами. Отдыхать.

Григорий переводит взгляд на меня. Я пожимаю плечами — сам не знаю, как так вышло. Он хмыкает.

— Хорошо. Но за веники отвечаю я.

Внутри баня оказывается именно такой, как надо. Тёмные стены, лавки из липы, запах дыма и трав. В предбаннике — стол, уже накрытый: бутылка водки, запотевшая, из погреба, тарелка с солёностями, хлеб, что-то копчёное, зелень. София хлопочет у стола, расставляя стопки. Затем с улыбкой выходит, решая оставить нас в мужской компании.

Граф снимает пиджак и вешает на крюк. Без него он выглядит проще. Обычный мужчина. С сединой на висках и шрамом на предплечье, которого я раньше не замечал. Никита уже стягивает рубаху, поглядывая на отца. Я следую их примеру.

Тело ноет, но двигается. Дед хорошо поработал.

В парной обжигающе жарко. Григорий плещет воды на камни — пар ударяет в лицо, и я на секунду зажмуриваюсь. Никита рядом со мной выдыхает.

Граф сидит на верхней лавке. Дышит ровно, явно насла-

ждаясь отдыхом. На лице — ни капли напряжения.

— Григорий, — говорит он коротко, будто каждое слово — это работа. — Веник.

Григорий берёт дубовый веник, уже размягчённый в кипятке. Подходит. И первый удар звучит как выстрел.

Я вздрагиваю. Смотрю на спину графа — на красные полосы, которые оставляет веник. Думаю: сейчас он его остановит. Но граф только протяжно выдыхает. И расслабляется ещё больше.

Григорий работает методично. Он бьёт умело, распределяя силу. И с каждым ударом в парной становится жарче. Не от камней — от Григория. Его мана, огненная, сама по себе добавляет градус. Воздух густеет. Дышать становится тяжелее. Но тело заметно расслабляется.

Я сижу на нижней лавке. Пот льётся ручьём. Никита рядом дышит тяжело, но терпит. Мы переглядываемся. В его глазах — «справимся?». Я неуверенно киваю.

Когда Григорий заканчивает, граф, отдышавшись, садится и поворачивается к нему:

— Хорош. Давно так не парился.

Григорий кивает и поворачивается ко мне.

— Роман. Твоя очередь.

Я смотрю на него. На веник. На графа, который сумел выжить под этим артобстрелом. И медленно поднимаюсь.

«Прощай, жизнь», — думаю я.

Ложусь на лавку. Дерево горячее, но я заставляю себя рас-

слабиться. Григорий нависает надо мной.

Первый удар.

Я жду боли. Но боли нет. Глубокое, проникающее тепло. Веник опускается на спину, на плечи, на поясницу — и с каждым ударом из тела уходит напряжение, которое я даже не замечал. Григорий работает молча, и каждый удар вытягивает усталость и напряжение, скопившиеся за эти два дня.

— Дыши глубже, — говорит он.

Я дышу. И с каждым вдохом тело становится легче. Раны, залеченные дедом, перестают тянуть. Мышцы расслабляются. Голова проясняется.

Я не сразу понимаю, когда он заканчивает. Просто лежу и слушаю стук сердца.

— Спасибо, — говорю, садясь. И удивляюсь, насколько легче мне стало.

Григорий кивает и идёт к Никите.

Пока он работает с ним, я сижу рядом с графом. Мы молчим. И в это время я решаю поговорить с Симой:

— «Сим, что случилось? — осторожно спрашиваю. — Чего ты на меня обиделась?»

Её молчание длится недолго. Пару мгновений, и она отвечает мне.

— «Ты мог погибнуть… ты почти погиб. Зачем нужно было собой рисковать? — тихо спрашивает она. — Зачем кидаться под пули? Зачем рисковать с магией, которую мы не знаем? Что бы я делала, если бы ты умер?»

— «Прости. — Всё, что я могу сказать. — Прости за то, какой я. Ты понимаешь, что это было необходимо?»

— «Понимаю… — молчание. — Но не могу смириться. Не делай так больше. Не смей умирать, придурок. Слышишь меня?»

— «Я и не планировал. Больше никаких рискованных действий, обещаю».

— «Я тебе не верю, — отвечает Сима. — И мне, видимо, придётся смириться, что мой Рома такой идиот. Но я прошу тебя… Будь аккуратнее… Пожалуйста».

— «Клянусь. Больше никаких необдуманных поступков. Прежде чем бросаться под пули, подумаю над тем, как отступить».

— «Хорошо, так и делай. А не то… А не то я не буду с тобой разговаривать. Вот». — Пугает меня, но звучит это страшно.

— «Принял, теперь перед опасными делами я буду спрашивать у тебя разрешения».

— «Вот, это правильно. А если своей головой думать не научился, я за тебя подумаю».

Мы с Симой ещё какое-то время переговаривались мысленно. Разбирали бой: где я поспешил, где зря полез под пули, где можно было отступить и не геройствовать. Она ворчала, я огрызался, но в её ворчании было что-то успокаивающее. Так мы и сидели рядом с графом — я с закрытыми глазами, он с расслабленным лицом, — пока Воронцов не

прервал нашу внутреннюю перепалку.

— Фёдор Ильич — хороший человек. Не подведи его, — говорит вдруг граф.

— Да, — соглашаюсь я. — Строгий, но хороший.

— Строгость необходима. Без этого не вырастить такого олуха, как ты. — Он тяжело вздохнул. — Но, кажется, я начинаю тебя уважать.

Я решаю не отвечать. Просто киваю.

Никита тем временем лежит под веником и, судя по лицу, наслаждается.

— Отец, — говорит он, когда Григорий заканчивает. — А ты почему согласился?

Граф смотрит на него. Потом переводит взгляд на меня. И улыбается — впервые за всё время.

— Потому что иногда нужно отдыхать. Не на этих балах, а вот так вот, — говорит он просто. — И потому что иногда полезно делать то, чего от тебя не ожидают.

Он поднимается, и мы, стройной цепочкой, идём в предбанник. Там уже ждёт накрытый стол. Ледяная водка, соленья, хлеб, копчёная рыба и сало.

— За знакомство, — говорит граф, поднимая стопку.

Мы выпиваем.

Водка обжигает горло. Никита кашляет, но потом смеётся. Григорий хмыкает. Граф смотрит на нас, и впервые в его глазах нет привычной оценки. Видно, что он расслабился. Мы садимся за стол. Едим. Пьём. Говорим о разном — об

академии, о поместьях, о войне, об аномалиях. Граф рассказывает нелепые истории из высшего света. А Григорий вторит ему армейскими байками.

Я ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время мне хорошо. Не спокойно — спокойно не будет ещё долго. Но хорошо.

Григорий поднимает веник и смотрит на меня.

— Роман. Ещё разок?

Я смотрю на него. На графа, который уже расслабился и о чём-то тихо говорит с сыном. На Никиту, который тепло улыбается отцу.

Впервые в этом мире можно расслабиться. Не отвлекаться на мелочи. Дела могут и подождать.

Сима молчит. Может о чем-то думает, может просто следит за обстановкой.

Я ложусь на полку, прикрываю глаза. Вздыхаю.

— Давай.

Глава 12.1

Следующая неделя выдалась сумбурной. Мы с Симой носились по поместью без передышки. Спал я урывками, но всё окупилось. На следующий день после бани, ранним утром, приехал оружейник.

Молодой парень, то и дело крутивший в руках карандаш, поговорил со мной и с моих слов набросал эскиз. Когда он показал результат и самодовольно хмыкнул, я увидел два широких треугольных лезвия размером с ладонь и одну удлинённую конусовидную иглу — без режущей кромки, но с острым наконечником. Рукоятей у клинков не имелось — впрочем, они и не требовались. Оружейник пожал мне руку и сообщил, что заказ будет готов к концу недели. На том и расстались.

***

После его отъезда я успел поближе познакомиться со всеми обитателями поместья. Антонина и София оказались настоящими хозяйками. Софи часто ходила на охоту. Однажды я даже составил ей компанию. Моё чувство крови здорово помогло, и мы вернулись с изрядным запасом мяса. Тоня, в свою очередь, несмотря на комплекцию, так ловко орудовала ножом, что мне казалось, будто я смотрю на тренировку солдата, а не на работу кухарки. Она меня не разочаровала: блюда, приготовленные ею, оказались невероятно вкусными.

Дед познакомил меня ещё и с Михаилом. Мужчина с добротным, но простоватым мечом. Руки все в шрамах, лицо — будто кирпичом высечено. Речь короткая, но содержательная. Мы провели вместе немало времени, и он посвящал меня в детали бюджета. Оказалось, что все расходы поместья за год не превышают двухсот тысяч царских рублей. А граф отдал мне десять миллионов за то, что я помог отбиться от наёмников. Его щедрость меня поразила, и я сидел с открытым ртом пару минут, пока не пришёл в себя.

— Михаил, а ты сколько зарабатываешь, работая у нас?

— Молодой господин, — пробасил Миша, не убирая руку с рукояти клинка, — я получаю тысячу семьсот, но тратить их тут особо некуда, потому обычно что-то для поместья покупаю. Семьи-то нет.

Я проникся к нему уважением. Не зря дед говорил, что тут верные работники. Но настолько верные? Ценность этих людей зашкаливала.

— Миш, а сколько мы тратим на продукты в месяц? — решил всё же уточнить я.

Михаил молча достал массивную книгу, открыл её и указал на последние строки. Я пригляделся и прочитал. Сима присвистнула на грани сознания.

— Хлеб, тридцать буханок, сорок два рубля? Ты серьёзно?

На мою реплику Михаил лишь пожал плечами, а я откинулся на спинку и задумался. Выходит, граф подарил мне несколько годовых доходов чуть ли не маленького города. Я

даже решил позвонить ему, чтобы отказаться от подарка, который он мне посулил, но тот ответил лишь:

— Роман, что ты мне мозги пилишь? Жизнь моего сына стоит больше, да и для меня это копейки. Разговор закрыт. — И сбросил.

Я лишь хмыкнул и спрятал телефон. Отлично, значит, я буду сражаться золотыми клинками.

— Михаил, а сколько стоит тот трофейный броневик? Ну, который граф нам отдал? — решил спросить я.

Управляющий ненадолго задумался, почёсывая бороду, и ответил:

— Ну, миллиона два, два с половиной. Я давно цены не сверял. Проверить?

— Нет, не надо. — Я прикрыл глаза. Да меня же жаба задушит, если я клинок повредю.

***

Основное время я проводил в библиотеке. После разрешения деда я позволил Никите тоже заходить туда. Он заинтересовался разделом по артефакторике из моей библиотеки и клялся, что больше ничего брать не станет. Мы ему поверили.

Сам я больше интересовался базовыми знаниями. Читая «Основы управления маной», я выяснил, что ману можно выпускать не только нитями, но и наполнять ею своё поле. Что такое поле? Видимо, тот невидимый шар вокруг меня, в котором я чувствую кровь и металл. Но точного объяснения

я так нигде и не нашёл. Судя по книге, такое управление теряет в точности и пластике, зато охватывает бóльшую площадь. Да и пока это мне недоступно — нужен ранг повыше.

Помимо этого, Сима очень просила меня почитать «Базовый медицинский трактат», и это оказалось очень полезным:

— «Рома, смотри, это же структура каналов. Стандартная, — остановила она меня, когда я яростно перелистывал страницы. — И это сходится с тем, что есть у тебя», — сказала она, просканировав мою руку.

— «А если...?» — начала она.

— «Если мы можем их улучшить? Верно? — перебил я. — Можем спросить у деда. Он подскажет».

Я пошёл искать деда и нашёл его в беседке, увитой кустами роз. Он сидел, покачиваясь в кресле, и курил трубку. Когда я протянул ему открытую книгу со схемой и задал вопрос, он слегка удивился:

— Да это стандарт. Но не идеал. Идеал никто не создаст, голубчик. Но если вот тут и тут добавить узел... — ткнул он пальцем в схему. — А здесь проложить компенсирующий канал... — провёл линию по картинке. — То маной пользоваться будет менее напряжно. Я видел подобные аномалии, когда лечил людей.

— Спасибо, деда. Ты мне здорово помог.

— Стой, стой, голубчик, — окликнул он меня, затягиваясь трубкой. — Неужто решил каналы прорезать? — с укором спросил он.

Я виновато отвёл взгляд, но всё же решился и посмотрел ему в глаза.

— Да. Не могу же я ходить недоделанным, — попытался оправдаться я. Никогда так не делал, но и Фёдора расстраивать не хотелось.

Он долго смотрел на меня; дым покинул его лёгкие, собравшись в облачко, и дед кивнул:

— Покажешься, как начнёшь. Я прослежу, чтобы не повредился. — И махнул мне рукой.

Поблагодарив и попрощавшись с ним, я пошёл обратно в библиотеку и прикрыл глаза. Проблему с каналами нужно было решать. Опыт по их прокладыванию уже имелся, и повторять его не хотелось. Усмехнулся собственным мыслям и позвал Симу:

— «Покажи оптимизированную карту».

Перед моими глазами появилась моя копия, разложившаяся на системы. Мышцы, органы, нервная и кровеносная системы, мана-каналы. Последняя выглядела самой неприглядной. От источника, расположенного рядом с сердцем, до пальцев левой руки тянулись мана-каналы. Больше их нигде не было. Картина удручала.

— «Наложи ту схему, которую показал дед», — попросил я.

Схема каналов расширилась и стала завершённой. Витиеватая система тянулась ко всем точкам моего тела. От взгляда на неё я почувствовал себя цельным. Ну и отлично.

— «Сима, сможешь пассивно наращивать их сразу во все стороны?» — уточнил я, хотя уже знал ответ.

— «Да, могу. Но на это нужна мана. У тебя её довольно много, но на все каналы не хватит даже близко. Как будем решать проблему?» — спросила она.

Я задумался. Но решение нужно было принять. Ходить без каналов точно не стоило.

— «Зафиксируем лимит на семидесяти процентах от максимума. Остальное — на каналы».

— «Принято. Тогда приступлю прямо сейчас. Полное наращивание займёт недели полторы и будет замедляться к финалу. Я буду делать это аккуратно, чтобы не вышло как в прошлый раз».

Я кивнул и в тот же момент почувствовал лёгкий дискомфорт в источнике. Мана медленно потекла во все стороны сразу, прорубая дорогу сквозь плоть. Я поморщился. Ну, хоть было не так больно, как в прошлый раз.

***

Каждый день походил на предыдущий: утро — физические тренировки с Никитой и наращивание каналов, день — библиотека и время с дедом, вечер — тренировка с маной.

И вот в последнем случился прорыв. Я наконец научился управлять металлом плавно. В воздухе, застыв на месте, висела обычная гайка. С одной нитью всё было просто: в спокойной обстановке магия текла мягко, и поднимать предметы было легко. Но не хватало контроля: сила действова-

ла лишь в одном направлении, а вращение оставалось недоступным.

Тогда я добавил вторую нить. Гайка вздрогнула и начала неуклюже переворачиваться в воздухе. Сначала она двигалась как пьяная, но Сима терпеливо направляла меня, корректируя каждый импульс.

Гайка дёргалась. Падала. Я ругался. Снова поднимал. Раз за разом. Дёргалась. Замирала. И наконец начала слушаться. К концу недели она уже плавно крутилась, ведомая моими нитями, постоянно меняя траекторию. Управление пятью струнами достигло уверенного уровня. Я чувствовал, что могу сплести и больше, но оказалось: чем больше нитей, тем сильнее давление на концентрацию, тем быстрее утекает мана и тем сложнее удержать контроль. Решил проверить её боевой потенциал: начал закручивать гайку в воздухе,

замахнулся и запустил в деревянную балку балдахина. Гайка с треском вошла в дерево и осталась в нём. Скорость была приличная. Сима отметила: метров двести в секунду. Интересно, что будет, если я проделаю такое магическим клинком?

Не забывал я и о втором даре. С кровью дела обстояли интереснее. Здесь прогресс случился не благодаря упорным тренировкам, а из-за прорезавшихся мана-каналов. Половина моего тела теперь была пронизана тонкой сеткой, и, пропуская по ней ману, я научился разгонять собственный кровоток. Мозг словно захлёстывало волной адреналина: дви-

жения становились резче, удары — сильнее. А если направить кровь к голове, зрение обострялось до предела, и мир вокруг начинал замедляться — совсем немного. Правда, за это приходилось платить: после такого ускорения голова раскалывалась. Проверить это удалось довольно скоро:

— Загоняй! — крикнул Никита.

— Есть! — ответила Софи.

Они бежали по лесу вперёд, ловко перепрыгивая корни и уклоняясь от стволов. Огромный кабан злобно фыркал, но нёсся прямо, снося на своём пути сухие кусты и поднимая копытами землю. Из бока торчала стрела, выпущенная Софией, но не пробившая толстую шкуру зверя.

Я плёлся позади, потому что не поспевал за двумя магами. Софи тоже оказалась одарённой и, видимо, неплохо тренировалась, раз по скорости не уступала Никите. Я решил свернуть и перерезать кабану путь. Свистнул Софи, и, когда она глянула на меня, кивнул на место, где я остановился. Она слегка ускорилась, а Никита замедлился. Кабан на скорости начал заворачивать, увидев загонщика. Я стоял на месте и наблюдал, как они ведут его по широкому кругу.

Наконец они поравнялись с ним, и кабан от безысходности вышел на прямую. И начал ускоряться. Полтора метра плоти и бивней неслись прямо на меня. Разлил ману по телу. Кровь застучала в висках, сердце ускорилось, а мир замедлился. В моей руке было три больших гвоздя, которые я заранее попросил наточить.

Зверюга была уже в тридцати метрах. Секунды три до меня. Гвозди взметнулись вверх и вылетели навстречу моему ужину. Придал им ускорение нитями, и три моих снаряда ударили в правый бок хрюшки.

Первый влетел в глаз твари и застрял так глубоко, что конца было не видно. Второй воткнулся в правое копыто. И зверя заметно повело. Третий вошёл в холку и достал до позвоночника. По инерции тушу потащило ко мне. Но я ловко подпрыгнул на два метра, и мёртвая туша с глухим звуком ударилась о дерево за моей спиной.

Приземлившись на неё, я чуть не потерял равновесие, но нашёл баланс и устоял. Весёлые ребята подбежали к нашей добыче и посмотрели на меня. Я расставил руки и произнёс:

— Справились, — подмигнул я Софи. — На ужин свинина.

Она заливисто рассмеялась и, прикрыв глаза, томно произнесла:

— Да вы настоящий добытчик, господин.

— Так, голубки. Отставить флирт на рабочем месте, — прервал Никита нашу игру. — Нам его ещё до поместья тащить. Навались...

Григорий вышел из-за дерева и, похвалив наши старания, милостиво решил нам помочь. Жаль, без его защиты выходить из поместья он не разрешает. Но до академии Никита под присмотром вояки. Даже жаль его.

— В темпе, в темпе, — хлопает он в ладоши, пока мы пе-

реворачиваем тушу на носилки. — Любите кататься, любите и саночки возить...

Вот так, с неоценимой помощью Григория Алексеевича, уставшие, но счастливые, мы дотащили тушу до моего дома и выгрузили трофеи Антонине. Под гордый смех Софии, рассказывавшей бабушке об охоте, мы с Никитой решили тихо удалиться и покинули кухню. Пора бы и в баньку...

***

Оружейник приехал с заказом, как и обещал. В его руках был чёрный кейс, и нёс он его достаточно аккуратно. Когда парень подошёл, я не почувствовал металла и решил спросить:

— Почему я не чувствую там клинков? — нахмурился я.

— Ваше благородие, клинки пока не имеют хозяина. А мой дед славится не только мастерством, но и тем, что ставит на свои изделия метки владения. Кто первый коснётся подобного предмета — станет его владельцем. Никто другой не сможет влить в них свою ману. Они запомнят вас, — пояснил он буднично.

— Запомнят? — переспросил Никита. — Как мой меч?

— Нет, — парень покачал головой. — Меч Воронцовых — родовой. Но завязан на кровь. Подобные ритуалы дороги, но эффективны. Эти же клинки — личные. Только для Романа Борисовича.

— Поэтому мы привозим подобные вещи в экранированных кейсах и только доверенными лицами, — продолжил он.

— Я подмастерье, вот мне и поручили эту работу. — В его голосе проскочила скука. Ему явно не нравилось заниматься подобным, но выбора ему не давали.

— Хмм, — протянул я и присмотрелся к кейсу. — Предмет, который может экранировать от обнаружения? Из чего он сделан?

— Секрет рода, ваше благородие, — пожал он плечами, но тут же продолжил: — Приступим?

Никита стоял рядом с ироничной усмешкой на губах. Уловив моё внимание, он тут же спрятал её и сказал:

— Ну чего же ты ждёшь? Давай скорее. Мне уже не терпится посмотреть на твоё оружие.

— Ты прав. Пройдёмте, уважаемый, — обратился я к парню. — Тут не место для столь... важного момента.

Оружейник кивнул и последовал за нами. Идём молча — он, кажется, не намерен с нами общаться. Заворачиваю в беседку в саду. Там как раз есть столик. Парень садится и выжидающе замирает.

— Да, пора. Открывайте, — с нетерпением говорю я.

Замки глухо щёлкнули, и крышка поднялась. Парень повернул кейс ко мне, и мы с Никитой присвистнули.

На чёрном бархате лежали два чернёных лезвия — их поверхность, казалось, поглощала свет. И если бы не кровосток, они слились бы с подложкой. Я провёл по одному из них пальцем. Холодный, безжизненный металл не отреагировал. В том же отделении заметно выделялась массивная

серебряная игла. Взяв её в руки, я проверил баланс... Идеальный.

— Выглядит опасно, — подал голос Никита. — И красиво.

— Это ты ещё не видел, на что они будут способны в моих руках, — говорю в шутку.

Оружейник скучающе сидит за кейсом. Тот смиренно ждёт, пока мы налюбуемся. Но, уловив момент, наконец говорит:

— Коснитесь их своим даром и влейте в них ману. На первичную инициацию тратится больше, чем обычно, так что не переживайте, это нормально. Потом они будут слушаться только вас, — поясняет он.

Чувствую нетерпение Никиты и Симы. Выпускаю три нити и касаюсь ими лезвий. Клинки вздрагивают и медленно взлетают, останавливаясь у моего лица. Через струны провожу к ним ману. И клинки вспыхивают кровавыми узорами. Даже спица покрывается неизвестными письменами, начертанными резким почерком. Никита открыл рот от зрелища, а у парня впервые появился интерес в глазах. Я подаюсь вперёд с немым вопросом.

— Так и должно быть? — уточняю.

— Символы всегда разные. Это как подпись вашей маны, — отмахивается он от одной части вопроса. — Но обычно при инициации подобного оружия у одарённых металлом узоры вспыхивают серебряным. — В его глазах вспыхивает

любопытство. — Вы не маг металла?

— Я двухдарник, — поясняю я ему. — Это проблема?

Он заметно расслабляется, но в его глазах появляется уважение пополам с завистью.

— Нет, тогда всё в порядке. Это лишь показывает, что магия крови у вас доминирующая, — успокаивает он меня.

Больше не обращая внимания на окружение, продолжаю закачивать в клинки ману. Узоры начинают светиться сильнее, и вот уже, кроме красного, пробивается и серебряный свет. Впрочем, символы не меняются.

Вздох. Я услышал первый вздох металла. Метафорически, естественно, но не менее значимо. Клинки ожили, и я почувствовал с ними связь. Это было великолепно и странно одновременно. Сима прошептала:

— «Рома, я тоже их чувствую, — удивлённо сказала она. — Они как дети».

— «Ты тоже? Они как живые? Мне не показалось?»

— «Думаю, да. Но стоит разобраться. Попробуй направить их».

Символы уже погасли, но по вязи будто текла красная река, заполняя каждую канавку, оставленную письменами. Я отсоединил нити, но клинки так и остались висеть. Прикрыл глаза, но мог с точностью до миллиметра сказать, где они находятся. Открыл глаза и просто подумал, чтобы спица подлетела ко мне. И, видимо, я не до конца точно представил картинку, потому что она сорвалась с места и за мгновение

оказалась прямо перед моим зрачком. Я заворожённо следил за остриём, которое весело крутилось вокруг своей оси. Но у меня страха не было. В отличие от Никиты и подмастерья.

Никита вскочил с мечом в руке, а паренёк отшатнулся и побледнел.

— Всё в порядке, — жестом остановил я замахивающегося Никиту. — Не справился с управлением.

— Не справился? — Никита опустил меч, но не расслабился. — Она у тебя перед глазом крутится. И выглядит это угрожающе.

— Она моя. Она не может меня убить.

Мысленной командой отодвинул спицу от себя и заметил дерево метрах в тридцати. Маленькая ёлочка спокойно стояла рядом со стеной. Короткий импульс, и спица метнулась к стволу. Пролетела его, даже не заметив, ловко развернулась в воздухе и ещё раз влетела в него. Не успев сделать вираж, попала в каменную стену и пробила её насквозь. Сима сразу дала отчёт:

— «Я заметила, что при каждом её ударе у тебя пустеет источник. Немного, но пустеет. А когда она пробила стену, улетел где-то один процент. Чем твёрже объект, тем больше маны она тянет у тебя на удар».

Парень уже вернул себе деловой вид, но лицо его ещё оставалось бледным. Он открыл рот и спросил:

— Господа? Если вас всё устраивает, я хотел бы закончить на этом. — Он покосился на всё ещё парящие клинки, на-

верняка думая, что я могу случайно запустить их и в него. — К слову, мы подготовили и ножны для них.

Он протягивает мне добротный кожаный пояс с серебряной пряжкой в виде дуба, тремя кармашками и петелькой. Для основного клинка, что ли? Я беру его и, недолго думая, надеваю. Короткая мысль, и клинки послушно залетают в кармашки. Спица, прилетев, опускается в чехол. Представление закончилось.

— Да, вы правы, — киваю я на его предыдущую фразу. — Работа чудесная. Передайте, пожалуйста, моё восхищение мастеру, — сообщаю я парню. — Вопрос с оплатой решён?

Парень кивает и говорит:

— Его сиятельство уже всё оплатил. Ваше восхищение станет для мастера настоящей радостью. Если вы вдруг захотите воспользоваться нашими услугами ещё раз, наши двери всегда будут открыты. Можете звонить мне напрямую.

Протараторил он, протягивая визитку, затем развернулся и бросил:

— Хорошего дня, господа. — И поспешно ушёл.

Никита лишь хмыкнул и сказал:

— Напугал ты его, Ром, — посмеивается он. — Ты такими темпами новых друзей не заведёшь.

— Не, ну а что он такой нежный? Я просто спицу рассматривал.

Разглядываю визитку. Род Савельевых. Мастер Игнатий

Савельев. Подмастерье Константин Савельев. С мыслью, что нас с ними ждёт плодотворное сотрудничество, убираю карточку в карман.

— Ну что, ваше сиятельство, — поворачиваюсь к Никите, с чьего лица медленно сползает улыбка. Видимо, он заметил моё предвкушение. — Устроим спарринг? Давно хотел проверить, что ты можешь.

— О, я тебя удивлю, — оскаливается он в ответ. — Не зря же я твою пятую точку спас.

Глава 12.2

— Я не буду поддаваться. Ты же не против. — улыбка на моих губах не сходит.

— Только попробуй. — он хватается за рукоять клинка и смотрит мне в глаза. — Я тебя не прощу.

— Тогда идем. Сегодня ты будешь бит.

***

Подготовка к спаррингу заняла пару часов. Но посмотреть на представление пришли все. Дедушка выступал полевым лекарем, Григорий — судьёй и рефери в одном лице. Михаил и Антонина уселись на траву и разложили воду и закуски. София и Степан стояли под деревцем и о чём-то разговаривали.

Никита осматривал свой клинок, но я видел, что он переживает. Он посмотрел на меня и ободряюще кивнул. В его глазах я видел азарт. Кивнул ему в ответ. Что ж, я тоже не хотел ударить перед ним в грязь лицом.

— Роман, — подзывает меня Фёдор, — где твоё оружие? Чего не готовишься?

— Так оно со мной. — По мысленной команде поднимаю клинки в воздух, и они ровным строем выстраиваются перед дедом.

Он осматривает их с такой внимательностью, что складывается впечатление, будто перед ним не оружие, а очередной

пациент. Затем касается одного из лезвий и проводит пальцем. Тонкая струйка крови течёт из пореза, но лекарь лишь хмыкает — короткая золотая вспышка, и раны нет.

— Хорошие игрушки. А сражаться чем будешь? — переспрашивает он, оставляя меня в недоумении.

— Так ими и буду. — Клинки подлетают ко мне. — Я не понимаю твоего вопроса.

— Ты дворянский кодекс читал? — опять спрашивает он, но я уже понял, куда он ведёт. — Какие типы дуэлей бывают в дворянском обществе?

— Магические, без магии, смешанные, — отвечаю как на духу, видя его грозный взгляд.

— Если тебя вызовут на дуэль без магии, как сражаться будешь? — смягчается он, видя, что я всё же знаю. — Кулаками? Так тебя засмеют. Род опозоришь.

— «Чёрт, совсем забегались, а об этом не подумали. Похоже, Фёдор Ильич в этот раз подумал за нас», — проснулась моя подруга.

— Так и нет ничего в поместье. Где оружие-то взять? — отвечаю прямо.

Но мой дед уже не смотрит на меня, а поворачивается к Михаилу и кидает ему ключ.

— Миша, принеси Лист. И передай его Роману, — переводит взгляд на меня. — Нечего тут позориться.

Михаил молча кивает и уходит. Я смотрю ему вслед, потом гляжу на деда. Тот стоит, скрестив руки на груди, и смот-

рит куда-то в сторону сада. Он не суетится. Он вообще никогда не суетится, если дело не касается лечения.

Десять минут проходят медленно. Я успеваю прокрутить в голове всё, что знаю о дуэлях. Я читал кодекс. Я знаю правила. Но я никогда не стоял с клинком в руке против человека. В Куполе были ножи, но это — другое.

Михаил возвращается. В руках у него футляр — длинный, узкий, обитый тёмной потёртой кожей. Но кожа ухожена, замки блестят. Его чистили. Управляющий подходит к деду и протягивает ему футляр. Тот берёт его двумя руками, как обычно берут памятную вещь. Поворачивается ко мне и произносит:

— Роман. Иди сюда.

Я подхожу. Дед кладёт футляр на стол, который Степан вынес из беседки. Щёлкают замки. Дед открывает крышку.

Внутри — рапира. Тонкий обоюдоострый клинок. Длинное прямое лезвие с лёгким сужением к острию. Гарда — переплетение металлических корней, тонких и изящных, будто настоящих. Они обвивают рукоять и тянутся вверх, к клинку. В навершии — маленький дубовый лист, вырезанный из тёмного металла. Рукоять обмотана тёмной кожей.

— Это Лист, — говорит дед с ностальгией в голосе. — Последнее нормальное оружие в доме. Всё остальное либо сломано, либо продано.

Он берёт рапиру и крутит её в руке. Клинок ловит свет, но не блестит.

— Ничего особенного, — продолжает Фёдор. — Просто хорошая магосталь. Хорошо проводит ману. Крепкая. Острая. — Он ловко подбрасывает её и перехватывает за клинок, протягивая мне рукоятью вперёд. — Это не артефакт и не фамильная ценность. Простое оружие. Но получше дряни, которую можно пальцем переломить.

Я беру рапиру. Рукоять ложится в ладонь как влитая. Клинок почти невесомый. Баланс идеальный. Центр тяжести — у самой гарды. Делаю пробный выпад, получается неуклюже. Всё же никогда такими не пользовался. Никита издаёт тихий смешок, но, заметив мой взгляд, замолкает.

— «Хороший подарок. Так хоть статуснее выглядеть будешь, — язвит Сима. — Но учиться ей пользоваться надо будет обязательно». — Ох, снова этот тон учительницы.

— «Буду, — бурчу я мысленно. — Всё же подарок».

— Спасибо, — говорю я наконец, глядя дедушке в глаза. — Я не подведу.

— Ну тогда вперёд, голубчик. — Он улыбается и, взяв меня за плечо, подталкивает к импровизированной арене. — Если покалечишься — подлечу.

Киваю деду и выхожу в круг, смотрю на Никиту, который заметно подобрался, и, как того требует кодекс чести, сообщаю:

— Никита Сергеевич, — рапира в моей руке поднимается на уровень глаз, — не соизволите ли провести со мной тренировочный поединок? — Резкое движение рукой, и клинок,

рассекая воздух, опускается, почти касаясь земли. Символ отсутствия дурных намерений.

Никита с удивлением посмотрел на меня, но взял свой меч и повторил мой жест, официально принимая поединок.

— Смешанный бой. До первой крови… — он запнулся, — которую прольёт вам оппонент. Здесь и сейчас. Принимаете условия, Роман Борисович? — сказал он максимально серьёзно. На его лице не было привычной улыбки. Он тоже оценил мой настрой.

— Принимаю, ваше сиятельство. Прошу в круг.

Публика затихла. Казалось, даже ветер смолк, наблюдая за этим зрелищем. С оголённым клинком Никита входит в выделенный круг и кивает Григорию. Старый воин подходит и встаёт между нами.

— Если оппоненты согласны с условиями… — он замолкает, ожидая наших кивков. Мы медленно киваем, и я вижу, как дрогнула рука Никиты. — Бой начинается!

Только произнеся эти слова, Григорий выпрыгивает из круга, и мне в лицо летит шар тьмы. Мои лезвия вылетают из чехла, и одно из них подставляет широкую плоскость под удар. Шар тьмы взрывается чёрными едкими брызгами, которые попадают на мою рубаху, оставляя дыры. Одновременно с шаром в бой вступил и сам Никита. Накрывшись покровом, он рванул ко мне.

Я разогнал свою кровь и начал ускорять её ещё сильнее, чем раньше. Кровь хлынула в мозг, и время замедлилось.

Клинок, принявший на себя удар, повис в воздухе, перекрутился и полетел наперерез. Оставшиеся два тоже не остались в стороне и метнулись к нему, целясь в три разные точки. Широкие лезвия были медленнее спицы, но более стабильными. Никита успел среагировать и отбил атаку в голову ударом клинка. Взмахнул левой рукой, и из неё вылетела вязкая тёмная масса, обволокла второе лезвие и упала вместе с ним кляксой на пол.

— Молодец, Никита, — похвалил его Григорий. — Всё как я учил.

Никто из нас не отреагировал. Мы были увлечены боем. Я напитал свою рапиру магией металла. Мой противник уже был на расстоянии удара. Плевать, не умею я махать рапирой. Прямой удар сверху вниз — в ту точку, где Никита должен оказаться.

Я услышал, как он весело хмыкнул и нырнул прямо под мой удар, выставив меч в жёстком блоке. Верно. Рапира легче меча. И подобный удар должен был лишить меня оружия. Если бы не одно но.

— Попался. — И, видимо, он что-то прочитал в моих глазах, хотел изменить блок на мягкий. Но не успел.

Своими нитями я потянул клинок вниз, дополнительно разгоняя кровь ещё быстрее. Тяжёлый звук разрезаемого воздуха заполнил круг. Со звонким металлическим лязгом клинок Никиты пошёл вниз под моим нажимом. Пока он был занят восстановлением стойки, спрятанная спица влетела в

его доспех, но не смогла его пробить, потянув из меня ману. Чёрт.

Возвращаю нити от клинка и бью тяжёлым сапогом Никиту прямо в шлем магического доспеха, отбрасывая его от себя и разрывая дистанцию. Замечаю, что по его доспеху идёт еле заметная рябь. Кончается-то мана, дружище.

Он поднялся, и его голос из-под шлема раздался глухо:

— Я как будто с горой столкнулся. Что ты сделал?

— Магия, — спокойно ответил я.

Он не стал отвечать на мою ремарку, и мы снова сошлись в бою. Источник пустел с такой быстротой, что я невольно присвистнул от такого расхода. Каждая защита летающим клинком, каждое использование нити, каждое ускорение крови — всё это требовало маны. Но если я остановлюсь, то точно проиграю.

Два вязких шара снова влетели в мои лезвия, похоронив их на пару секунд. От шара тьмы я увернулся простым шагом в сторону. Никита раздвоился перед моими глазами, но в этот раз я не чувствовал, какой из них настоящий. Видимо, доспех блокирует моё сканирование. Уворачиваться сразу от всех? Нереально.

Один из Никит ударил меня клинком наотмашь. Я выставил рапиру так, чтобы его клинок ушёл в землю, закрепив его своими нитями, но это оказалась иллюзия. Второй был только на замахе, и у меня было время. Замедлив мир ещё сильнее, не обращая внимания на мигрень, я дёрнул свою

рапиру струнами. И еле успел поставить неумелый блок.

Противник воспользовался этим и сразу после удара по моему клинку провёл какой-то финт, выбив рапиру у меня из руки. Далеко она не отлетела: я притянул её обратно, и она ударилась прямо в доспех Никиты. Наконец я увидел его лицо. Рапира отскочила от доспеха, и тот слетел с него, развеявшись дымными кольцами. Я уже обрадовался и направил спицу на него. Но парень он был не промах. Отбросив меч, вошёл в клинч; на его руке сформировался теневой клинок и вошёл мне в бок. Опоздав на полсекунды, спица впилась ему в плечо. Глаза Никиты выражали восторг победой. Мои, наверное, — восторг боем.

Наше почти синхронное шипение от ран прерывает Григорий. Между нами появляются две огненные стены. Что удивительно, они не обжигают, но и не пускают к сопернику.

— Бой окончен, — сообщает смущённо. — Но я засмотрелся и не разглядел, кто из вас первым нанёс удар.

Валяясь на земле и тяжело дыша от полученной раны, я прохрипел:

— Я… — слова даются с трудом. — Я проиграл.

Григорий кивает моим словам и объявляет присутствующим:

— В тренировочном поединке победителем объявляется Никита Сергеевич Воронцов.

Тишина застыла над кругом. Стены пламени развеялись, и только наше с Никитой тяжёлое дыхание говорило о том, что

мы живы. Мне не стыдно признать поражение. В следующий раз я просто стану сильнее.

— «Ну как? Понравилось? — спросила Сима. — Почему ты просил меня не помогать?»

— «Потому что я не хочу жульничать перед другом, — признаюсь честно. — Я бы не смог уважать себя за такую победу».

Поляна, на которой мы собрались, взорвалась аплодисментами. Дед уже подошёл ко мне, положил руки на моё ранение и прошептал:

— Ты молодец. Резерв ещё остался. Владел бы заклинаниями, было бы проще. Ты неплохо пользуешься тем, что имеешь сейчас. — Его руки светились золотом, и рана быстро заросла. — А ещё молодцы, что не били насмерть. Друзьям такое ни к чему.

Он помог мне подняться, а сам пошёл к Никите. Помог ему и тоже что-то прошептал. Никита кивнул и счастливо улыбнулся, посмотрев на меня.

Я мысленной командой собрал клинки в ножны и подтянул рапиру нитями. Подхватил меч Никиты и подошёл к нему. Всё ещё сидя на земле и переговариваясь с Григорием, он глянул на меня. Без слов я протянул ему руку, он ухватился за неё и поднялся. Когда я передал ему меч, он вернул его в ножны и тихо сказал:

— Ты почти меня сделал, но и не промах, да? — Он хитро посмотрел на меня, но переменился в лице и спросил: —

Почему так просто признал поражение?

Григорий тоже притих, слушая мой ответ. А я, недолго думая, спросил:

— Ты считаешь меня другом?

— Да, — без сомнений ответил он.

— Если ты честно проиграл бы мне, стал бы притворяться победителем?

— Нет… наверное. Я тебя уважаю. Да и проиграть тебе было бы не зазорно, — немного неуверенно говорит Никита, но оживляется к концу фразы.

— Вот то-то и оно. Хотя и досадно. Так что не расслабляйся. Я тебя ещё уделаю.

Григорий за спиной Никиты кивает моим словам.

— Роман, что это был за удар рапирой? Ты как дубиной ей махал. Но силищу даже мы почувствовали. Признайся, а? — всё-таки решил спросить полковник.

Никита тоже посмотрел на меня с предвкушением, а подошедшие сзади Антонина и София замедлили шаг, чтобы ничего не пропустить. Я покачал головой и, вздохнув, сказал:

— Усиление от крови плюс управление металлом. Я же могу направлять его куда хочу в пределах поля. Ну, не считая клинков, конечно, — уточнил, чтобы они поняли. — Я просто вложил физическую силу и силу управления металлом в один вектор. Никаких фокусов.

— Григорий Алексеевич, а вам не кажется, что если бы

удар был более… профессиональным, то меня бы откинуло, а не просто выбило из равновесия? — спрашивает Никита, озвучивая мои мысли.

— Я тебе больше скажу, — потирая подбородок, сказал старый вояка. — Если бы это был качественный выпад, он бы пробил твою защиту одним ударом. В точке, конечно, но всё же это было бы смертельно.

— Отлично, — качаю головой. — Теперь ещё и фехтованию учиться.

— Жизнь не сахар, — флегматично пожимает плечами Никита, а затем хлопает меня по плечу. — Подучу тебя основам, а дальше сам.

Я благодарно кивнул на его предложение и повернулся к моим горничным. В их глазах я увидел настоящее удовлетворение от хорошего зрелища и некую грусть. Они что, переживают из-за моего поражения?

— Чего такие кислые? Умер кто-то? — говорю им с улыбкой.

— Нет, господин, вы показали невероятный бой. Жаль только, проиграли, — говорит Антонина. — Может, хотите чего? У меня тут пирожки, или могу на кухню сходить, приготовить чего-нибудь.

— Или можем на охоту сходить, господин, — вклинивается Софи, хорошая она всё же. — Вам же нравится охота? Можем даже без Никиты.

— Так, так, всё в порядке. Не нужно меня успокаивать.

Тоня, если бы ты кофе сделала, было бы чудесно. Голова раскалывается. — Хорошо, что обнаружил этот странный эффект: от кофе перестаёт болеть голова после ускорения крови. — Три сахара. Как всегда.

— Сию минуту, господин, — кивает она и уходит.

София посмотрела на меня извиняющимися глазами, потом подошла и без смущения обняла меня.

— Вы очень сильный, господин, — продолжает она, и я обнимаю её в ответ: ну хочется девушке дружеских объятий. — С вами род Годуновых в надёжных руках. Не покалечьтесь в академии только. — Шёпотом сказав последние слова, она отцепляется и убегает за бабушкой.

— Рома, — подзывает меня дед. — Иди сюда. Есть о чём поговорить.

Подхожу к нему и смотрю в глаза. Вижу, что он принял какое-то решение. Стоит уверенно, даже властно.

— Завтра бери Никиту и дуйте в город. Сначала в канцелярию. Там уже готовы документы и перстень. Тебе только подписать, — говорит он буднично, но я сразу понимаю, какие документы.

— Ты готов отдать мне род? Так быстро? — Несколько смущён тем, что дедушка так просто доверяет незнакомцу.

— Заслужил уж. Да и по твоей реакции вижу: не бросишь ты нас, Ром. Не бросишь, — качает головой, усиливая свои слова. — Но и не расслабляйся, внук. Ты пока ещё слишком слаб. Учись и становись сильнее. А я пока тут всё в порядке

подержу.

— Спасибо за доверие, Фёдор Ильич. — Я низко кланяюсь. За доверие, которое он мне оказал, я отплачу сполна. Род Годуновых станет самым сильным в Российской Империи. Это мой выбор. И я от него не оступлюсь.

Поднимаюсь из поклона и снова вижу перед собой хитрого старичка. Его поза лёгкая, в глазах одобрение, и чувствуется, что он верит в свой выбор.

— Ну всё, голубчик, иди-иди. Вон тебя друг совсем заждался, — указывает он на Никиту, призывно махающего нам с дедом. — Верю я, что не подведёшь. Но и о себе не забывай. Без невесты чтобы домой не возвращался, понял? — Поддельная строгость прямо чувствуется.

— Не переживай, деда. Без невесты я не останусь. — Его реакция меня расслабила. Поправляю свои белые волосы и смеюсь: — У тебя же внук такой красавец. И харизмой не обделён.

— «Если невеста будет некрасивая или глупая, я её не одобрю», — фыркает Сима, вставляя свои пять копеек.

— Ой, всё, — отмахивается он от меня. — Иди уже, донжуан. Завтра чтоб как штык в восемь у ворот.

Я шагнул к Никите. Завтра я стану главой рода. Завтра получу признание. Завтра всё изменится. Заслужил ли я этого?

— «Заслужил», — тихо говорит Сима.

Я киваю её словам и, подходя к другу, хлопаю его по плечу.

— Завтра я стану главой рода. И ты едешь со мной. Отговорок не принимается.

— Да ладно? Поздравляю, дружище. Во сколько выезжаем? — радуется он за меня.

— В восемь у ворот. И не опаздывай.

Глава 13

— Фух, наконец-то добрались, — потягиваюсь, выбираясь из машины. — Еще бы полчаса и я бы лучше себе сердце остановил, чем дальше трясся бы.

— Ну скажешь тоже. Салон у «Ласточки» вполне удобен для долгих поездок, — возражает Никита. Смотрит на часы над входом в здание. — Да и приехали вовремя. Справишься без меня-то?

— Да, да, — отмахиваюсь. — Иди куда хотел. Зачем тебе со мной возиться с этой бюрократией?

— Ну ладно. — Он пожимает плечами и указывает на симпатичный ресторанчик напротив канцелярии. — Как закончишь, подходи в «Поцелуй». Либо жди меня, либо я уже там буду.

— Договорились.

Отворачиваюсь от него и смотрю на здание. Абсолютно серый, безжизненный фасад, из которого торчат маленькие карнизы. Счастьем и весельем тут и не пахнет.

Захожу в холл с такими же серыми стенами, где из кабинета в кабинет снуют люди в деловых костюмах с бумагами. Дорогу мне перекрывает суровый охранник.

— Вам куда? Покажите документы.

Молча протягиваю ему расписку, где под подписью деда написано, что я его потерявшийся внук и пришёл получить

документы.

— Что это?

Вижу, как он хмурится, разворачивает бумагу, затем берёт рацию и спрашивает:

— У нас тут Годунов. — Ответа я не слышу. — Да, Роман Борисович. Документов нет… Принял.

Мужик хмуро смотрит на меня и отдаёт бумагу.

— Вам в кабинет четыреста семнадцать. — Он открывает дверь. — Альберт Федорович вас примет. Хорошего дня.

— Спасибо, — бросаю я ему.

Он отходит в сторону, но провожает меня взглядом, пока я не сворачиваю на лестницу. Странный какой-то. Хотя охранник, что с него взять?

Следую по указателям. На удивление, поднявшись на четвёртый этаж, захожу в довольно роскошную приёмную на несколько кабинетов. Ковёр гасит шаги, где-то за стойкой тихо гудит кофемашина. За стойкой сидит миловидная блондинка. Она поднимает на меня глаза и хмурится.

— Молодой человек. Здесь находится приёмная по делам аристократов. Вы, видимо, не туда попали, — спокойно, но с заметным пренебрежением говорит дама. — Покиньте, пожалуйста, приёмную.

Я улыбаюсь, взглядом нахожу кабинет четыреста семнадцать и сообщаю:

— Меня ждёт Альберт Федорович. Я Роман Борисович Годунов. Сообщите ему о моём визите.

— Роман Борисович? — Девушка вскакивает, брови взлетают. — Прошу прощения. Обычно для дел о передаче рода приходят солидные мужчины, а вы… Ой, что это я. — Она одёргивает себя. — Не слушайте мою болтовню. Я сейчас же сообщу о вашем прибытии. Пока можете подождать вот здесь. — Указывает на диванчик с журнальным столиком.

— Конечно, жду с нетерпением.

Сажусь на мягкое кресло и беру первую попавшуюся газету. Провожаю взглядом упорхнувшую девушку и жду. Спустя пару минут девчонка выходит из кабинета и направляется ко мне.

— Альберт Федорович попросил подождать: финальные штрихи для ваших документов, — мило проворковала она. — Не хотите пока чай или кофе? Я быстренько всё приготовлю.

— Да, знаете, это было бы неплохо. От кофе я бы не отказался, милая. Крепкий, три сахара, — с улыбкой говорю ей.

Девушка расцветает от комплимента, услужливо кивает и уходит к столу с кофемашиной. Сделав мне ароматный напиток, возвращается манящей походкой, ставит передо мной чашку и садится ближе, чем позволяют правила приличия. Я отвлекаюсь от газеты и вопросительно смотрю на неё.

— Сударыня? Что-то случилось? — Её резкая смена поведения мне не нравится, но вида я не подаю.

— Господин, моя работа — составлять компанию важным людям, пока они ожидают приёма, — покладисто говорит

она. — Но если вам неприятна моя компания, — она проводит рукой по своей немаленькой груди, а в словах звучит настоящая, живая обида, — я могу вас не беспокоить.

Я задумчиво осматриваю её тело, уделяя особое внимание бюсту. Играет на похотливости подростка? Ну так подыграем.

— «Сима, следи за показателями организма», — мысленно зову подругу.

— «Ну, пока кроме обычного лёгкого возбуждения, — хмыкает она, — ничего нет».

Беру со стола чашку кофе и делаю солидный глоток, не сводя взгляда с прелестей дамочки. Краем глаза замечаю, как блеснули её глаза после моего глотка. Выждав немного, она подаётся вперёд и томно шепчет:

— Господин, если вы хотите чего-то ещё…

— «Ром, тут какая-то дрянь в кофе, — вмешивается Сима, а сам я чувствую головокружение и одновременно дикое возбуждение. — Судя по симптомам, вызывает лёгкую дезориентацию и сильное возбуждение. Если позволишь, могу собрать её в организме, потом незаметно выведем».

— «Делай», — коротко бросаю.

Становится немного легче. Не всё сразу, но эффект слабеет. Сработало. На публике же взгляд мой стекленеет, руки начинают подрагивать. Я даже пускаю немного маны в глаза и лопаю несколько капилляров. С паузами шепчу отравительнице:

— Милая… А что ещё ты можешь мне предложить? — В моём голосе прорезаются звериные нотки, будто я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не наброситься на неё.

Она лишь наклоняется ближе и пытается что-то сказать. Но её прерывает раскрывшаяся дверь. И холёный голос, принадлежащий не менее мерзковатому типу.

— Роман Борисович? Я как раз закончил ваши документы. — Замечаю, как он смотрит на нас, и уголок его губ едва вздрагивает. — Проходите.

Встаю, слегка пошатываясь, и бросаю взгляд на блондинку. Та, заметив моё внимание, поднимается и наклоняется прямо к моему уху.

— Господин, после ваших дел я буду ждать тут, — её горячий шёпот сводит меня с ума. Ну, по её мнению. — Не задерживайтесь.

Киваю как загипнотизированный, беру свою чашку кофе, которую так и не отпустил, и прохожу за Альбертом. Тот просит меня присесть в мягкое кресло — оно подаётся под весом, — а сам садится за рабочий стол. В кабинете прохладно после приёмной. Как только все расположились, он начинает.

— Ваше благородие. Начнём с паспорта дворянина. — Протягивает мне маленькую книжку, в которую вклеена моя фотография и указаны мои данные. — Вам просто нужно поставить подпись, и вы официально получите дворянский паспорт.

Продолжая отыгрывать роль, киваю и, не глядя на документ, ставлю подпись. Благо Сима уже дала сигнал, что тут всё чисто. Кладу документ на стол и говорю:

— Альберт Федорович, давайте ускоримся. Меня ждёт… э-э… меня ждут дела. — Хотел видеть пубертатного подростка? Ну так на.

— Конечно, конечно, Ваше благородие. — Он не суетится, но то и дело следит за моей реакцией. — Вот, теперь распишитесь за получение перстня и причисление к роду Годуновых.

Не слушая дальше, выхватываю у него из рук коробку и бумажку, быстро пробегаю глазами и ставлю подпись. Открываю коробку и надеваю перстень. Металл холодный, но через секунду греется на пальце. Между делом замечаю, что работа неплохая. Он удобен, сделан из серебра, с моим гербом. Дуб, корнями обрамляющий чашу. Сгодится.

— Что-то ещё? — почти рычу я.

— Да, — кивает клерк. — Последний документ. То, ради чего вы, собственно, и приехали. — Он протягивает мне довольно объёмный документ. — Здесь бумаги на передачу рода, опись получаемого имущества и перечисление обязательств, взятых вашим родом. Внимательно ознакомьтесь.

Он хмыкает и передаёт мне папку. Изображая нетерпение, я быстро перелистываю страницы, пока Сима их сканирует. Руки дрожат, периодически бросаю нетерпеливый взгляд на дверь. Глаза не могут дольше нескольких секунд смотреть на

страницы. Но Сима не дремлет:

— «Ром, они хотят тебя обмануть. Тут между строк есть интересная фраза, — сообщает напарница. — Не буду читать дословно, но смысл в том, что на ближайшие пять лет твой род не имеет права появляться в свете, а также не имеет права на покупку бизнеса, ведение родовых войн. Иными словами, твой род снова будет в опале».

На этой странице я останавливаюсь. Вот оно что. И кто это мне такую подлость устроил? Да и зачем? Я же ни с кем не враждую.

Беру ручку и медленно веду её к графе подписи. Альберт смотрит на меня с предвкушением. Я уже ставлю перо на бумагу и делаю первый штрих дрожащей рукой. Внезапно резко останавливаюсь и поднимаю на него взгляд.

— Кто? — Поза моя меняется, взгляд из осоловевшего становится острым.

Клерк удивляется смене моего поведения и вопросительно поднимает бровь.

— Кто? Ваше благородие, вы о чём? — всё же решается спросить он.

— Я спрашиваю: кто вам заплатил? За то, чтобы подставить меня? — продолжаю я.

— Не понимаю, о чём вы. — Он играет непонимающего. — Покажите, пожалуйста, какой пункт вам не понравился.

Он притворно сдвигает брови, подходит ко мне и берёт протянутую папку. Смотрит на указанный параграф. Затем

доверительно улыбается. Я почти ему верю.

— Что вы, что вы. — Продолжает он свою игру. — Не переживайте, это фикция. Стандартный пункт. Всё в порядке, подписывайте. Кажется, у вас были дела. — Переходит на полушёпот, намекая на распутную секретаршу. Видимо, не в первый раз такое делают. Как мастерски.

— Вы, кажется, не поняли. — Мой ровный голос опять его смущает, и я замечаю на его лице первые капли пота. — Я не собираюсь трахать вашу секретаршу. Поговорим о другом. — Сажусь в кресле свободнее. — Что будет, если я позвоню, скажем, в жандармерию и сообщу им, что вы, пользуясь государственной должностью, подсыпали наркотик в кофе аристократу и обманом попытались вручить ему подложные документы? Расстрел? Ну, в лучшем случае.

— Да что вы такое говорите? Как я мог? — Его голос становится сиплым. Забавно. — Зачем же клеветать на меня?

— Клеветать? — Вскидываю бровь и показываю на стол. — Неуважаемый, вон напиток с наркотиком.

Клерк мигом кидается к столу с вытянутыми руками. Пытается, видимо, вылить мой кофе. Но я его ещё не допил. Два моих клинка вылетают из ножен и плоской стороной врезаются ему в грудь, оттаскивая к стене.

— Помогите! Убивают! — орёт обездвиженный мошенник.

— Заткнись. Сейчас отправишь секретаршу обратно, и спокойно поговорим. — С мягкой улыбкой и спокойным го-

лосом говорю ему. — А если будешь дурить, я начну отрезать тебе по пальцу за каждую неправильную букву. Понял?

Видимо, увидев нечто в моём лице, Альберт заметно бледнеет и сипит:

— Д-д-да… п-п-п-понял. — Блин, довёл бедолагу до заикания. Нехорошо.

Дверь открывается, и в кабинет влетает напуганная секретарша. Смотрит на спокойно сидящего меня и бледного, стоящего у стены клерка. Её глаза бегают от меня к нему, и наконец, чуть дрогнувшим голоском, она спрашивает:

— Альберт Федорович, всё в порядке? Я слышала крики.

— Д-да, Клавушка. — Альберт выдыхает и берёт себя в руки. — Наверное, на улице кричали. Всё в порядке. Оставь нас.

Ничего не понимая, девушка растерянно кивает и выходит, но, заметив моё внимание, призывно виляет попкой напоследок и прикрывает дверь. Вот ведь дура, до конца играет.

— Короче, расклад такой. — Мои клинки подтаскивают бедолагу к стулу и усаживают, как только хлопает дверь. — Мне нужны мои документы. И имя заказчика.

— Г-г-г-господин, переделать документы будет долго, неделя мини…

— У тебя есть пятнадцать минут. Я и правда спешу. — Прерываю я его оправдания. — Кто заказчик?

Он с опаской смотрит то на меня, то на мои клинки. Но

говорить не решается. Чего он тянет?

— Имя, — говорю с нажимом.

— Вы не понимаете, — пытается выкрутиться он, — у меня есть покровители. Они этого так просто не оставят.

— Если узнают, конечно. Но мы же никому не скажем? — вкрадчиво спрашиваю я. — А то, не ровен час, и ваша схема вскроется. — Замолкаю на секунду. Мужик дрожит, но ещё держится. Я продолжаю давить: — Имя.

— Да не знаю я! — Он замолкает, ожидая моей реакции, но продолжает, видя, что я жду пояснений. — Мне звонят разные люди, всегда анонимно. Просят уничтожить мелкие рода в зародыше. Я даже не знаю зачем. Я никогда не лез на крупных игроков, но мелочь… я только выиграю, если получу денег за и так мёртвый род.

Выплюнув эти слова, он будто смиряется с судьбой и прикрывает глаза. Но его время ещё не пришло. Клинки отлетают от него. В моих руках появляется телефон. Благо функция аудиозаписи на нём есть. Отматываю сцену к началу и проигрываю её заново. Полностью.

Глаза клерка лезут на лоб. На его лице целая буря эмоций: отчаяние, страх, злость, но раскаяния я там не вижу.

— Вот, теперь ещё и чистосердечное признание, — уточняю я. — Так что компромата у меня хватает. Много ты получаешь за каждую аферу?

Полностью бледный, обмякший в кресле Альберт заунывным тоном отвечает:

— Триста тысяч. За сделку. Вы всего-то третий, кого я пытался обмануть. Раньше всё работало. — Безжизненным голосом продолжает он монолог. Смирился, видимо.

— Ты погоди пока плакать о тяжёлой судьбе. Деньги где лежат? — успокаиваю я его.

— Анонимный счёт в банке. Деньги там. — Немного оживляется он.

— Ну вот, отдашь доступ к счёту, и запись не всплывёт, — спокойно говорю я.

— Вы понимаете, что шантажируете государственного служащего? — делает он последнюю неловкую попытку взять меня на слабо. — За такое светит немалый срок.

— Без энтузиазма говоришь. У меня вот есть доказательства. А у тебя? — спрашиваю в ответ.

Альберт, закрыв рот, полностью сдаётся и называет мне цифры счёта и кодовую фразу для открытия.

— Я жду. У тебя пятнадцать минут, чтобы переделать документы. Вынесешь туда. — Встаю и подхожу к неприметной статуэтке в шкафу. — Это я, кстати, заберу. Как сувенир от столь чудесного посещения вашего заведения.

Обречённо вздохнув, Альберт провожает меня взглядом. Видимо, надеялся, что я оставлю ему камеру. Слишком уж объектив у неё блестел. Чего бы и не забрать? Тем более можно будет связаться с обманутыми родами. Если запись ещё сохранилась.

Клавдия встречает меня холодным пренебрежительным

взглядом, но когда замечает, что я не иду к ней клеиться, а просто сажусь на диван и жду, это ломает шаблон её мира. Она остаётся стоять за стойкой. Спустя пару минут всё же не выдерживает и стучится к Альберту. Из-за двери слышится короткий крик: «Пошла вон!» Отшатнувшись, Клавушка отходит обратно.

— Клавдия, сделай мне, пожалуйста, кофе. Крепкий, три сахара. — Подхожу со спины, наклоняюсь к самому лицу и шепчу: — Только ту дрянь, как в прошлый раз, не добавляй.

Мой шёпот заставляет бедную девушку посереть лицом и задрожать. На её глазах наворачиваются слёзы, и она пытается что-то сказать. Но я не позволяю, приложив палец к её губам.

— Не переживай, мы с Альбертиком пришли к соглашению. Так что просто тихо и без фокусов сделай мне кофе.

Она краснеет, но через силу выдавливает:

— Да, господин… простите, пожалуйста… Он меня заставлял… Сейчас я вам всё принесу.

— Может быть. А может, ты врёшь. Меня не волнует. Если узнаю, что ты занимаешься чем-то подобным, сдам жандармам. Ясно? — Может, у неё и не было выбора. Но теперь есть. Я ведь держу Альберта за поводок.

Клава быстро-быстро кивает и, словно испуганный хорёк, отбегает к автомату.

Больше не обращая на неё внимания, сажусь обратно и наслаждаюсь мысленной беседой с подругой.

— «Ну ты их и перепугал. Самому-то не стыдно? — посмеивается она. — Уже аристократ, а первое твоё благородное дело — шантаж мошенников».

— «Не я такой, жизнь такая. Да и грех не заработать на их ошибке, — смеюсь в ответ. — Теперь хоть будет на что Никиту угостить, а то с победой-то его и не поздравил».

— «Это верно. А эту Клавдию-Вертихвостку подальше держи. Заразишься чем-то — я тебя лечить не буду». — заключает она.

Спустя некоторое время выходит Альбертик и даёт мне пачку документов, буркнув что-то невнятное.

— Опоздал, — кидаю я ему, ставя подпись и делая глоток кофе. Сима глянула на документы — всё нормально. Удобно, когда есть личный консультант по юридическим вопросам.

— Простите, Ваше благородие. Проверял, чтобы ошибок не было. — Не смотря мне в глаза, вертит он в руках ручку.

— Где тут ближайший банк? Хочу счёт открыть, — спрашиваю у Альберта, но вмешивается Клава.

— Соседнее здание, господин. Я могу проводить. — Альберт непонимающим взглядом смотрит на секретаршу, но ждёт моего решения.

— Годится. Пошли. — Осточертело мне это место. И так слишком много времени потратил. Хоть кофе вкусный.

Мы быстро спускаемся на служебном лифте. Клава сказала, что так быстрее. И я наконец выхожу на свежий воз-

дух. Ещё утром Москва поразила меня своей колоритностью. Деревянные срубы и многометровые терема соседствовали с обычными офисными зданиями, кое-где виднелись стеклянные небоскрёбы. В общем, город контрастов.

Идя по довольно тихой улице, я осматривал прохожих. Разная одежда: от классических костюмов до спортивной формы. Отдельно шли маги — увидел парочку по пути — и качество их одежды явно было недешёвым. Радует, что я тоже маг. Без куска хлеба не останусь.

Наконец дошли до банка. Весьма приметное здание в золотых тонах, с различными барельефами. Я бы сказал: захочешь — не пропустишь. Перед тем как войти, я отпустил Клаву.

Зайдя внутрь, я невольно замедлил шаг — под ногами зеркальный мрамор, каждый шаг отдаётся глухим звуком. Меня встретила приветливая работница. Заметив мой перстень, она скромно поинтересовалась, не являюсь ли я аристократом, и, получив положительный ответ, отвела меня в отдельную комнату. Не прошло и минуты с её ухода, как дверь вновь открылась: вошла статная женщина в деловом костюме с планшетом, к которому были прикреплены бумаги.

За полчаса мне открыли счёт, принесли карту, похожую на стеклянную пластинку, с количеством средств. Прикрепили её к отпечатку моей маны — теперь она личная. На счёте Альберта оказалось около семисот тысяч. Полмиллиона оставил себе, остальное перевёл деду. Он разберётся.

Выйдя из банка, понял, что хочу есть. Решил пойти навстречу к Никите. Зайдя в кофейню «Поцелуй», бегло осмотрелся. Приличное местечко, мягкие тона, приглушённый свет, милые официантки. Никита обнаружился за столиком у окна. Сидел и скучающе смотрел в окошко. Ну прямо герой драмы. Уже направился к нему, как в кафе ввалилась шумная компашка. Трое парней. Одеты неплохо, у одного даже на пальце заметил перстень.

Забив на них, решил пройти к Никите. Но эта толпа преградила мне дорогу. Хотел было их обойти, пока не увидел, как один из них, с рыжей шевелюрой, шепнул что-то самому здоровому и кивнул на моего друга. Здоровяк оскалился и на весь зал пробасил:

— Ба, какие люди, и без охраны! — Его компания рассмеялась. — Говорят, что тебя недавно чуть не убили. Ты как сам? Не поранился? Было бы плохо, если бы что-то с тобой случилось.

Никита лишь поднял глаза от напитка, глянул на эту борзоту и спокойно сказал:

— Не позорься, Песков. Иди куда шёл. — И снова отвернулся к окну. — Я сегодня не в настроении.

— Зато я в настроении, — встреваю я из-за их спин. — Вам чё от него надо?

— А ты ещё кто? — Поворачивается ко мне вся компания. — Слышь, извинись-ка. Ты хоть знаешь, кто перед тобой? — спрашивает у меня красноволосый, видимо местный

глашатай.

— Да мне как-то всё равно, если честно. — Как бы хотелось просто дать им по морде. Но нельзя. Пока. — Меня зовут Годунов Роман Борисович. — Поднимаю руку и показываю им перстень.

— Годунов? — удивляется главный бугай. — Так вы ж все передохли. Ты откуда выполз?

— Как видишь — не передохли.

Этот, без сомнения, познавательный разговор продолжается. Он узнал, что не все Годуновы мертвы. Я узнал, что он туго соображает. Жаль, Никита нас прервал:

— Всё, Богдан. — Говорит он строго, и к нам подходит охрана. — Вали из моего ресторана.

— Так значит? Защищаешь своего пёсика? — говорит Богдан это Никите, но смотрит на меня.

— Я сам способен себя защитить, — флегматично замечаю я. — Хочешь проверить?

Бугай смеётся и отмахивается от моих слов как от мухи. Поворачивается и идёт к двери со своими прислужниками.

— Зря ты ожил, Годунов. Ох зря. — Говорит он, не поворачиваясь. — Скоро ты убедишься, что не способен постоять даже за себя. Не то что за свой род.

Дверь за ним закрывается, и в зале повисает гробовая тишина. Лишь Никита садится обратно и хмуро смотрит на закрывшуюся дверь. Я подсаживаюсь к нему и уточняю:

— О чём это он?

— Твой род не просто так вымер. — Никита хмурится ещё сильнее. — Его кто-то планомерно вырезал. Оставив…

— Деда, — заканчиваю я за него. — Думаешь, мне может грозить опасность от того, кто это делал?

— Да. — Он совсем мрачнеет. — И Песков об этом догадывается. Это в их стиле. Пользоваться чужими руками.

— А, так это был тот самый Песков? — удивляюсь я. — Ну, с которым у твоего рода война.

— Ага… точнее, почти. Это сын графа Пескова. Богдан. И он будет учиться с нами в академии.

— «Вот чёрт». — вырывается у Симы, пока я сижу с открытым ртом.

Глава 14

— Ну что ты такой мрачный? — спрашиваю у Никиты, засовывая в рот уже третий бутерброд. — Я и так знал, что меня будут пытаться убить. Это ничего не меняет. Знать бы только кто.

— Вот именно, потому что мы не знаем! — вскакивает он, тыкая в меня пальцем. — Мы в опасности. А тебе, по-моему, вообще плевать.

— Паникой делу не поможешь. — Пожимаю плечами, доедаю вкусный перекус и запиваю кофе. — Да и тебе ничего не угрожает. Охотиться будут только на меня. И то если будут. Может, это «неизвестное» лицо уже и забыло про Годуновых.

— Справедливо, — грозно смотрит он на меня, но по опустившимся плечам видно: немного успокоился. — Но если на тебя нападут, я не останусь в стороне. Понял?

— Понял, понял. — Несколько раз киваю и всё же добавляю: — Но считаю, что тебе не нужно лезть в эти дела. Мои проблемы — это мои проблемы.

— Да что ты заладил! — Падает в кресло. — Мне несложно тебе помочь. Ты это понимаешь?

Он же не успокоится. Тяжело вздыхаю и наконец произношу:

— Хорошо, сдаюсь. — Встаю из-за стола и поправляю

ножны с клинком. — Если мне понадобится помощь, я её у тебя попрошу. Но если нет — ты не будешь лезть в мои опасные дела.

Отхожу к стойке и оплачиваю наш заказ. Благо уже могу себе позволить. Мельком замечаю счёт… Недешёвое место, однако. Целая тысяча за пару сэндвичей и два кофе.

— И вообще, — поворачиваюсь к другу, закончив со счётом, — не обижайся. Я не хочу, чтобы из-за моих проблем ты пострадал. Я могу за себя постоять.

— Я и не спорю, я видел, на что ты способен, — соглашается он, сжимая кулаки. — Но пойми же ты наконец: если за тобой отправят мастера, не поможет никто. А если магистра?

— Да кто отправит таких шишек? Неужели подобных магов так много, что им прикажут разобраться с послушником? — прерываю я его панику. — У меня есть время. С должной подготовкой я и ремесленника спокойно прикончу.

Никита качает головой и опускает руки.

— С тобой бесполезно спорить? — уточняет он в последний раз и ждёт моего кивка. — Ладно. Тема закрыта. Поехали. Отец сказал, чтобы мы сегодня зарегистрировались в академии, раз приехали в город.

Выходим из заведения. Колокольчики над дверью призывно звенят, и нас провожают взглядами. Некоторые прохожие останавливаются посмотреть на богато одетого Никиту, полностью игнорируя мою персону. Проходящая группа девушек как по команде подтягивается, увидев аристократа, и,

бросая на моего друга соблазнительные взгляды, проходит мимо — в надежде, что последний их заметит.

— Часто так у тебя? — задумчиво проговариваю я. — Чувствую себя лишним.

— А что ты хотел? Оделся как солдат на прогулке, я же тебя предупреждал. — Он корит меня, полностью игнорируя девушек. — Да и не интересуют меня такие. Слишком много уже было подобных. — Отмахивается от моих слов.

— «А ведь он прав», — вторит ему Сима. Предательница оказалась не на моей стороне. — «Что ты к нему прицепился? Никита — хороший мальчик. И настоящий образец аристократа. Не то что ты».

Опешив от такой двойной атаки на моё эго, я сдвигаю брови и хмуро говорю:

— Пошли в машину, — и направляюсь к «Ласточке», игнорируя улыбающегося Никиту. — У нас ещё дела.

Сев в салон, стучу по перегородке — та опускается:

— Григорий Алексеевич, отвезёте нас в приёмную комиссию? — прошу у старого вояки. — Мы хотим зарегистрироваться.

Полковник загадочно улыбается в ответ на мою просьбу, кивает и произносит:

— Конечно, поехали. Но потом не жалуйся.

Мы с Никитой переглядываемся. Чего это он? Впрочем, ладно. Темнит — и чёрт с ним. Хочу закончить дела и поехать домой. Я ещё не всю библиотеку прочитал. Да и по-

тренироваться с магией хотел. У Симы есть какая-то идея, о которой она не говорит. Завтра ещё и каналы закончат перестройку. Дел по горло.

***

Поездка выдалась быстрой. От канцелярии до вокзальной площади, как оказалось, минут пятнадцать. Григорий ловко управлял машиной в суетливом потоке — и вот мы у маленького двухэтажного здания. Довольно красивого, кстати: расписные окна, колонны, несколько бронзовых статуй у входа. Маг и лев. Судя по строению, тут есть закрытый внутренний двор.

— Приехали. Вылезайте. — Григорий говорит строго. — Роман, я передам твоим родным привет.

Тормоза взвизгивают, полковник срывается с места, делает крутой вираж и уезжает.

— Чего это он? — спрашиваю у Никиты, поправляя разлетевшиеся волосы. — Не нравится мне его поведение. Будто нас дома уже не ждут.

— Да сам не знаю. — Никита растерян не меньше моего. — Ну ладно, пошли. Позвоню ему, как закончим.

У дверей здания нас встречает довольно крупный парень в тёмной форме. Нашивка академии и пять дополнительных нашивок. От него прямо веет силой. Да уж, это студент?.

— Представьтесь, — басит он и зевает, даже не взглянув на нас. — На регистрацию?

— Воронцов и Годунов, — представляет нас мой друг. —

Да, на регистрацию.

— Документы. — Всё ещё не глядя на нас, бубнит парень.

Мы дружно протягиваем ему паспорта. Взглянув на документ Никиты, он делает отметку и возвращает его. Затем раскрывает мой — и подвисает, увидев фото. Впервые поднимает глаза на нас.

— Потеряшка, что ли? — спрашивает он. — Есть у нас парочка таких. Странные ребята. — Он незаметно ёжится и добавляет: — И опасные… Проходите.

Недоумённо забираю у него паспорт, и мы с Никитой проходим внутрь. Осматриваюсь: в здании никто не ходит, никого нет. Мёртвая тишина. Интерьер напоминает военный штаб — это наводит на нехорошие мысли. Где-то вдали скрипит дверь и слышатся тяжёлые шаги.

Никита рядом напрягается. Замирает, плечи чуть подбираются. Взгляд — в сторону приближающихся шагов. Я подмигиваю ему. Пускай немного успокоится.

— Спокойно, — тихо говорю я. — Может, это просто сотрудник.

— Может, — отзывается он. Голос ровный, но я слышу, как он сглатывает.

— «Сима?»

— «Один человек. Идёт спокойно. Скорее всего, просто встречает».

— Скорее всего, — бубню я. — Обнадёживает.

В груди нарастает неуверенность. Это место давит на нас

своей обстановкой.

Из-за поворота коридора показывается фигура.

Высокая женщина, под два метра, в тёмной форме академии без знаков различия. Короткие седые волосы, тяжёлый взгляд. И шрам — грубый, рваный, через всё лицо, от левого виска до подбородка. Явно не от клинка. Скорее от когтей.

Она останавливается в трёх шагах. Её взгляд задерживается на мне дольше. На Никиту внимания почти нет — провела глазами и вернулась ко мне.

— Годунов, — констатирует она, глядя мне в глаза. Голос низкий, с хрипотцой. — Значит, ты.

Я не спрашиваю, что именно «я». Не хочется гадать. Источник в груди напрягается, будто по нему провели пальцем. Сканирует, что ли?

— Он самый, — отвечаю ровно.

Она чуть склоняет голову набок.

— За мной. Оба. — Ощущение прикосновения пропадает. Сима затаивается.

Женщина разворачивается и идёт не оглядываясь. Никита выдыхает. Я тоже. Только сейчас понимаю, что дышал через раз.

— Кто это? — шепчу я, шагая следом.

— Не знаю, — честно отвечает он. — Но, кажется, нам повезло, что она просто ведёт нас на регистрацию.

Мы подходим к двери, которая выглядит как остальные — серая, металлическая, без единой отметины. Женщина оста-

навливается и кивает мне на скамейку у стены.

— Жди.

И забирает Никиту. Он успевает бросить мне растерянный взгляд через плечо. Дверь закрывается за ними беззвучно. Я остаюсь один.

Скамейка оказывается жёсткой. Сажусь, вытягиваю ноги, осматриваюсь. Коридор пустой. Тишина такая, что слышно собственное дыхание. Ни часов, ни окон — только серые стены и тусклый магический светильник под потолком.

— «Сима, сколько времени?»

— «Половина первого».

Нормально. Регистрация — дело не быстрое. Остаётся только ждать.

Я успеваю изучить каждую трещинку на противоположной стене. Начинаю считать светильники. В коридоре — по-прежнему тихо. Жутковатое место.

— «Ром, прошло двадцать минут», — сообщает Сима.

— «Да ладно?» — Я выдерживаю паузу. — «Прости».

— «Волнуешься?»

— «Да нет… Немного». — Я поправляю волосы. — «Просто… странно это».

Встаю, прохожусь по коридору. Пять шагов туда, пять обратно. Скамейка. Разворачиваюсь — и снова пять шагов. Обратно.

— «Не кажется тебе, что это психологическое давление?» — резко спрашиваю я. — «Как перед допросом».

— «Именно. Так что не беспокойся. Нечего распалять себя», — успокаивает меня подруга.

Я стою у стены, привалившись плечом. Смотрю на дверь. Она не открывается. Никита не выходит.

Дверь резко распахивается.

Женщина выходит одна. Только теперь смотрит на меня иначе. Пристальнее. Будто уже знает обо мне больше, чем я сам. Нет. Никита меня бы не сдал. Значит, тут что-то другое.

— Годунов, — говорит она. — За мной.

Я не двигаюсь с места.

— А Никита?

— С ним всё в порядке. Он ждёт снаружи. — Пауза. — Ты идёшь?

Я шагаю вперёд. Она разворачивается и идёт. Я — следом.

— Вероника Львовна Громова, — бросает она через плечо, не оборачиваясь. — Декан факультета боевой подготовки. И, судя по всему, твой будущий куратор.

Заходим в кабинет. Приглушённый мягкий свет. На рабочем столе идеальный порядок: бумаги ровными стопками, ручки в ряд, ни пылинки. Пахнет… чаем. Хорошим, с бергамотом. И песочным печеньем. Сладкоежка? Никогда бы не подумал.

Она обходит стол, садится в кресло. Жестом указывает мне на стул напротив. Я сажусь.

— Руку сюда.

Она ставит передо мной шар размером с кулак, на под-

ставке из тёмного дерева.

— Направь ману. Немного.

Я прикладываю ладонь. Делаю как она просит — источник отзывается без сопротивления. Шар вздрагивает и загорается. Рубиновый и серебряный. Два цвета переплетаются под его поверхностью и собираются в руну. Я уже видел такую на своих клинках.

Вероника хмыкает без удивления — будто ждала чего-то подобного. Её палец на миг замирает над клавиатурой, затем она поворачивается к компьютеру с толстым экраном и начинает печатать.

— Боевой опыт? — спрашивает она, не отрываясь от экрана.

— Приличный.

Она не имеет права меня допрашивать. Я это знаю. Но можно и подыграть. Смысл-то у этого должен быть.

— Исход? — Она поднимает одну бровь, но взгляд остаётся цепким.

— Живой, как видите. — Уголки её губ дрогнули.

— Шутник, я смотрю? — Она качает головой, но в уголках губ прячется тень усмешки.

Она что-то записывает. Стук клавиш нарушает тишину кабинета.

— Волосы когда поседели? — Громова чуть подаётся вперёд, будто ответ для неё важнее, чем звучит.

Я моргаю. Резкий переход. Только что про бой — и сразу

про волосы.

— Не знаю точно. Сколько себя помню, они были такими.

Ещё стук.

— Что умеешь в магии?

— Базовое управление металлом и кровью.

Она на секунду перестаёт печатать. Только на секунду — и снова стук.

— Любимые блюда?

Я чуть не хмыкаю. Но сдерживаюсь.

— Стейки, с кровью.

Стук. Стук. Стук.

Она задаёт вопросы быстро, перескакивая с темы на тему: от ранга — к погоде, от моей памяти — к тому, как я спал в поместье. Несколько раз вопросы повторяются, но я отвечаю слово в слово, как в прошлый раз. И каждый раз — пауза, чтобы записать. Я отвечаю почти честно, где могу. Но не выдаю лишнего.

— «Она ведёт допрос», — шепчет Сима. — «Классическая схема: сбить с толку, не дать сосредоточиться, вытянуть реакцию на неожиданный вопрос».

— «Если заметила, она не спрашивает о роде и его возможностях. Только обо мне», — делюсь тем, что заметил.

— «Да, если академия будет лезть в родовые тайны… По головке их не погладят», — подтверждает Сима мои догадки.

— Как там, за аномалиями? — Внезапный вопрос выби-

вает меня из привычного ритма.

Я смотрю ей в глаза и показательно задумываюсь. Пожимаю плечами и произношу:

— Знаете… Я бы с удовольствием поделился, но ничего не помню. Вот вообще. Я вернулся только две недели назад. До этого — пустота.

Она перестаёт записывать. Просто смотрит. Её пальцы замирают над клавиатурой, а взгляд становится тяжёлым, будто она слышала этот ответ слишком много раз.

Впервые она проявляет эмоцию. И я вижу в её глазах… сочувствие. Настоящее. Не дежурное «мне жаль» — будто она уже слышала эти слова раньше. От других.

Она медленно кивает.

— Не чувствуешь какой-то тяги к агрессии? Чужие голоса? Может, плохо спишь?

Вопросы звучат слишком конкретно. Словно по списку. Будто она читает их с листа.

— Нет, — отвечаю спокойно. — Ничего подобного.

Она держит взгляд ещё секунду. Дольше, чем нужно. Будто ждёт, что я добавлю что-то ещё или совру. Я сижу молча — и наконец она отворачивается к монитору. На её шраме дёргается тень, когда она чуть наклоняет голову.

Громова делает последнюю пометку. Нажимает клавишу — и принтер за её спиной тихо гудит. Бумага выходит ровно, лист за листом. Она ждёт, пока машина закончит, забирает стопку и возвращается ко мне.

Но перед тем как протянуть документы, она останавливается. Смотрит на верхний лист. Потом на меня. И что-то в её лице неуловимо меняется — как будто она принимает решение.

— Личное дело? — удивляюсь я.

— Да. — Она кладёт стопку на стол, но не отпускает. Пальцы остаются на верхнем листе.

— Что-то не так?

Она не отвечает. Просто подталкивает бумаги ко мне.

— Если всё верно — распишись.

Приказным тоном. Больше не спрашивает — требует.

Я беру листы и читаю первые строчки:

«Годунов Роман Борисович. Возраст: 19. Статус: Путешественник. Дата возвращения: две недели назад».

Ниже — психологический портрет. Абсолютно сухие формулировки:

«Эмоциональный фон: склонность к юмору. Внутренне спокойный, аналитичный».

Я хмурюсь. Она вполне подробно меня поняла. Но, может, со стороны виднее. Плохо, что не смог скрыть это.

Дальше — направления маны. Рядом пометка от руки, чернилами: «Двойной источник. Металл, Кровь».

В самом низу пометка: «Требуется наблюдение».

Я поднимаю глаза. Громова смотрит на меня. Ждёт.

— Что значит «наблюдение»?

— Значит, что за тобой будут присматривать. — Она не

смягчает. — Не тайно. Но будут. Это не наказание. Это протокол.

— Протокол для кого?

— Для всех, кто возвращается.

Переворачиваю лист. Следующий — предполагаемая позиция в построении. Схема, стрелки, сектора. Моё имя вписано в один из них. Не в центр. Не на фланг. Где-то между.

— Это предварительно, — говорит она, заметив, что я задержался на схеме. — После первых испытаний будет ясно точнее.

— Испытаний?

— Академия не принимает вслепую. — Она впервые за всё время чуть улыбается. Уголок рта дёргается, но глаза остаются холодными. — Особенно таких, как ты.

Она отворачивается и садится обратно в кресло. Берёт со стола печенье и откусывает. Хруст разносится по кабинету.

— Подписывай.

Я беру ручку. Она лежит рядом со стопкой. Ставлю подпись.

Громова забирает листы, даже не глянув. Открывает папку, вкладывает их туда. Закрывает. Убирает в ящик стола.

— Свободен. — Она не поднимает на меня взгляд и указывает на дверь. — Форму выдадут на выходе. Комнату покажут. Три дня у вас есть перед отбытием.

— В смысле? — не понимаю я. — Зачем комната?

Она коротко смеётся, но всё же поясняет:

— С этого года новые правила. После регистрации вы не покидаете пределов приёмной комиссии до самой отправки. Такой порядок.

— Ну я ожидал чего-то такого, — замечаю вслух. — Не зря Григорий так быстро уехал.

— Иди, Годунов. — Голос чуть тише обычного. — У тебя завтра тяжёлый день.

Я выхожу. Дверь закрывается за спиной беззвучно. На выходе стоит уже переодевшийся Никита:

— Долго же она тебя мурыжила, — со смехом в голосе замечает он. — Пошли. Меня уже распределили. И сказали выдать тебе форму и показать, где мы будем жить.

— А где сопровождающий? — Странно, что именно Никите сказали меня встретить.

— Оставил меня тут, со словами: «Мне больше нечего делать, кроме как с каждым возиться. Сам ему всё покажешь».

— Забавно.

— И я о том же.

Мы идём по коридору. Никита что-то говорит про расписание, про форму, про то, что завтрак здесь, кажется, до восьми. Я киваю на каждое его слово, но слушаю вполуха.

— «Ром».

— «М?»

— «Я хотела показать раньше. Но… не была уверена».

— «О чём?»

Она долго молчит, но потом со смущением говорит:

— «Давай завтра? Это сюрприз, и мне кажется, он тебе очень понравится».

****Просьба автора: *Дорогие читатели, если история вам нравится — пожалуйста поставьте лайк и добавьте книгу в библиотеку. Это лучшая мотивация для меня продолжать. А в комментариях я всегда рад обсудить главу!*

Глава 15

Утро начинается не с кофе. Хотелось бы мне поспать подольше, поваляться в кровати. Но настойчивый сигнал от Симы не даёт мне уснуть. Мысленно ругаюсь, прошу подругу дать мне ещё пять минут — она не унимается.

— Да дай ты мне поспать!

От раздражения распахиваю глаза — и тут же просыпаюсь окончательно. Холодный пот выступает на теле. На мне сидит девушка. Невероятной красоты: белые длинные волосы, большие зелёные глаза, на гладком лице — ни единого изъяна. Но перехватывает дыхание не от её вида — девушек я повидал, — а от того, что ко мне подобрались, пока я спал. Чья недоработка? Почему я не чувствую её своим даром, если она сидит на мне?

— Сима, кто это? Почему не предупредила? — лишь тишина в ответ.

Видимо, заметив, что я открыл глаза, девушка смущённо склоняет голову и тихо спрашивает:

— Я думала, ты ещё долго спать будешь. — Её бархатный голос касается моих ушей. — Неужели не помнишь меня?

— Сударыня? — Я хлопаю глазами, не зная, что спросить. Ещё ни разу не видел подобной красоты — я бы запомнил. — Прошу прощения, но я совершенно не помню вас… хотя вы имеете удивительное сходство с моей персоной.

Она коротко окидывает меня взглядом, отбрасывает смущение и, прикрыв рот рукой, звонко смеётся.

— Ну и козёл ты, Рома, — внезапно выдаёт она. — Столько лет вместе, а меня не узнаёшь?

Я моргаю от осознания. Открываю глаза — девушка уже стоит у окна и… переодевается, ничуть не смущаясь моего присутствия. Ох уж эта язва. И откуда в моей комнате эта гора одежды? Я откидываюсь на кровать и прикрываю веки.

— Могла бы и сказать, дорогая, — укоряю я Симу. — Ты поразила меня до глубины души. Это твой сюрприз?

Она снова смеётся.

— Заговорил как настоящий поэт. «Сударыня», высокий слог… — сквозь смех произносит она. — Для кого это представление? Лучше бы открыл глаза да посмотрел на меня. Я же старалась.

Открываю глаза, ищу её по комнате. Она стоит у кровати — полностью голая, заглядывает мне в лицо. Я моргаю. Открываю — она уже за моей спиной, в лёгком летнем платье. Моргаю снова — она на подоконнике, болтает ножками и улыбается одними глазами. Она не даёт мне увидеть то, что не хочет показать.

— Пошляк, — упрекает она, но в её взгляде пляшут бесята. — Что ты там хотел увидеть?

— Смотрю, веселишься. — Встаю с кровати, поправляю растрёпанные волосы. Сима пялится на меня во все глаза.

— Ты очень красива. — Улыбка на моём лице говорит

сама за себя. — А куда делась та одежда? И как ты вообще это придумала?

— Спасибо, милый. Я старалась. — Она благосклонно кивает. — Всё это — проекция. Меня нет. И наше взаимодействие никак не изменилось. Я всё так же вижу и чувствую только через тебя. Помнишь, как я подсвечивала траектории пуль?

Я киваю и начинаю переодеваться. Подруга закусывает губу, но от темы не отвлекается. Молодчинка.

— Я просто использовала тот же способ, но проецирую свою картинку. Вот так вот.

— Гениально. Просто гениально. Теперь мы можем общаться и вживую. — Хвалю я свою подружку. Мне и правда нравится то, что она придумала.

— Не только общаться. — Её голос раздаётся прямо у моего уха, и я чувствую горячее дыхание. Она меня дразнит!

— Как ты это сделала? Это же физическое ощущение. — Хватаюсь за ухо, пытаясь понять, что произошло. — Хотя постой… Использовала магию крови?

Я поворачиваюсь к надувшейся девушке. Её вид вызывает у меня смех, и я не могу сдержаться. Была бы моя воля — подошёл бы и обнял подругу. Всё же она очень милая.

— Ты такой умный… — язвительно замечает она. — Зачем я только тебе нужна?

— Потому что мы напарники, — резонно замечаю. — Да и мы стали ближе за последнее время. Мне приятно, что ты

есть у меня. Я не считаю тебя инструментом, Сима. Ты мой друг.

Тишина в комнате нарушается только шуршанием моей одежды. Сима молчит, а я даю ей время осмыслить сказанное. Когда я уже готов выйти, она меня останавливает.

— Спасибо… — Одно слово, за которым я чувствую всю её уязвимость. Она неловко подходит ко мне и обнимает. Ни давления, ни тепла. Ничего. Просто иллюзия. Образ. — Как бы я хотела обнять тебя по-настоящему.

— Когда-нибудь мы станем сильнее. Наверняка придумаем, как дать тебе тело. — Провожу по её волосам рукой, но ладонь проваливается в голограмму. — Мы ещё столько не знаем о магии. Наверняка решение есть.

— Эй! Не трогай волосы! — Она отстраняется, мигом начиная поправлять растрёпанную причёску. Вот ведь актриса. — Я их всё утро укладывала. — Грозно трясёт кулачком.

— Пойдём, а то Никита проспит. Наш нежный мальчик поди ещё спит. — Она снова берёт свой весёлый образ. — Всё будет, Ром. Всё будет.

Из своей комнаты я попадаю в общую гостиную. Большое помещение на пять комнат наталкивает на мысль, что из нас собирают отделения. Забавная структура. Но виднее будет, когда заселят остальных.

Подхожу к соседней двери и громко стучусь.

— Твоя Светлость. Встать пора. Скоро завтрак объявят. — Кричу за дверь. — Да и перекличка после. Так что под-

нимай своё важное тело и на выход.

За дверью слышится суета и глухое «Отвали, скоро выйду». Киваю закрытой двери и сажусь на диванчик, закинув ноги на журнальный столик. Вчера мы с Никитой всё тут осмотрели. Все комнаты личные, маленькие, но уютные. Форму выдают по необходимости, так что за износ можно не волноваться. Широкое окно гостиной даёт достаточно света, чтобы почитать базовые учебники, которые стоят в стеллаже рядом. Идиллия, ей-богу.

Сима появляется рядом беззвучно и садится рядом, поджав ноги. На носу очки, волосы завязаны в тугой пучок на затылке. В руках книга. Кажется, основы управления маной от Ивана Морозова. Читали с ней дома.

— Сегодня каналы дорастут. На завершение я хотела бы взять побольше маны. — Быстро и по-деловому проговаривает она. — Укреплю их сразу, чтобы проблем не было. Фёдор про это говорил.

— Это можно. — Откидываюсь на спинку. — Сильно резерв просядет?

— Процентов на тридцать-сорок. — Не отрываясь от чтения, говорит подруга. — Восстановим за день.

— Ладно… — Тяжело вздыхаю. Без маны, конечно, оставаться не хочется, но резерв есть. — Но действуем максимально осторожно. Не хватало ещё каналы сжечь.

Дверь в комнату Никиты распахивается, и мой изрядно помятый друг выходит ко мне, садясь в кресло.

— Ты что, с ума сошёл? — Потирая глаза, спрашивает Никита. — С кем ты тут разговариваешь?

О чёрт, совсем забыл, что Симу не видно. А эта кокетка уже с улыбкой до ушей подходит к Никите и даёт ему неосязаемый щелбан, и исчезает.

— Да так… — На моём лице не дрогнул ни один мускул. — Мысли вслух. Готов к первому дню, студент?

— Да как тут будешь готовым? — отмахивается он от моих слов и зевает, широко открыв рот. — Подъём в шесть — это натуральное издевательство.

— Да ладно тебе, — встаю, поправляя свою форму. Чёрная рубашка и брюки, удобная обувь и что-то вроде пиджака. Смотрится неплохо. — Сейчас кофейка хлебнём, и жизнь заиграет новыми красками.

— А ты чего такой весёлый с утра пораньше? — хмурит он брови.

— Секрет.

***

Столовая встречает нас запахом каши и кофе, который мы учуяли ещё в коридоре. Стальные скамейки и столы выглядят угрюмо, что подчёркивается холодным белым светом от магических светильников. Людей совсем немного. Пара учеников последних курсов, которые подрабатывают на академию. Несколько офицеров, которые смолкают при нашем приближении. И повара.

— Чего вам, мальчики? — спрашивает крупная женщина

с половником в руках, когда мы подходим к раздаче. — Каша сегодня удалась. Советую.

— Тогда нам две порции, и кофе. Кофе можно побольше. — Решаю добавить, посмотрев на Никиту. Бедолага так и идёт полусонный.

Понимающе хмыкнув, женщина наливает нам целый чайник и кладёт две тарелки на поднос. Рисовая каша, да ещё и с маслом. Эх, хорошо, что не синтетика.

— Приятного аппетита, — проворковала она.

Заняв один из дальних столиков, я сразу наливаю Никите целую чашку, которую тот осушает одним глотком.

— Ай! — Никита вскрикивает. — Горячо, блин.

— Зато проснулся. Доброе утро.

— Доброе, доброе, — отмахивается он от моего замечания. — Какие планы на сегодня? Нам никаких распоряжений не давали.

— Я заканчиваю наращивать каналы. А потом могли бы и в тренировочную комнату сходить. Научишь меня махать рапирой? — прошу друга.

— Махать? Ром… — качает он головой от моей бестактности. — Хорошо, что я тут сижу. Рапирой фехтуют. Не машут. И не вздумай сказать такое кому-то ещё.

— Ну ошибся. С кем не бывает? — оправдываюсь.

— С высшим обществом, — отрезает он, делая маленький глоток. — Ты должен быть образцом поведения для всех. Или тебя не то что засмеют… Ты потеряешь всю репута-

цию…

Внезапно нас грубо прерывает один из старшекурсников. Косматый парень в мятой одежде подходит Никите за спину, кладёт руку ему на плечо и приказным тоном говорит:

— Новенький. Пошли. Для тебя есть работа. — Грубо, без приветствий, просто приказывает.

— Я ещё не доел, — Никита поворачивается и прохладно смотрит на «старшего». Я не замечаю у него перстня. Неблагородный? — Да и нет у меня никакой работы.

— Если я сказал есть — значит, у тебя она есть, — безапелляционно заявляет он. — Я не спрашиваю. Я приказываю.

Оглядываюсь. Офицеры за несколько столов притихли, наблюдая за этой картиной. Вмешиваться они, судя по всему, не собираются. Тем лучше.

— На каком основании ты можешь приказывать аристократу? — решаю помочь другу, хотя он бы и сам справился. — Что-то я не вижу у тебя на правой руке перстня.

— Думаешь, что раз вы аристократы, вам всё можно? — Ухмылка расползается по его морде. — Ты в академии, свежак, — бросает он с презрением и ещё сильнее надавливает на плечо Никиты. — Тут у меня есть право. Ваше положение за стенами ничего тут не значит. Мы все равны, но… Кто-то ровнее.

Явная угроза. И смотрит прямо на меня, хотя давит на Никиту. Забавный тип.

— Руку убери, или я тебе её отрежу, — спокойно говорит мой друг. — Можем решить, кто тут ровнее.

— Оружие запрещено. А магию в столовой вы не сможете использовать. Тут блокираторы, — кричит нам один из офицеров. Чем привлекает внимание ещё двоих старшекурсников. Правила обозначил и проблем добавил, значит. Они что, хотят посмотреть, как ведут себя новички?

— Слышал, свежак? — оскорбительно бросает он, ещё сильнее надавливая на его плечо, наклоняется к нему и шепчет: — Пошли, или я тебе все кости переломаю.

— Ром, к тебе идут ещё двое, — замечает Сима. — Думаю, без драки тут не обойдётся.

Поворачиваюсь к подходящим. Тоже не аристократы. На губах торжествующие ухмылки. Видимо, не в первый раз уже проворачивают подобное. Дедовщину тут развели, видите ли.

— Вам чего, уважаемые? — спрашиваю у парочки и киваю на первого. — За подружкой пришли? Так забирайте и валите.

— Ээ, не, паря, — протянул тот, что был пониже. — Мы за тобой. Тут у нас так не принято. Старших надо уважать. Молодняк всегда отрабатывает. А ты тут пальцы гнёшь.

Поворачиваюсь к Никите. И говорю только ему, но остальные всё равно слышат:

— Знаешь, Никит, когда драка неизбежна — бей первым.

Подносы тут крепкие, алюминиевые. Самое то. Хватаю

его и, вскакивая с места, бью им в челюсть. Глухой звук разносится по пустой столовой. Веса у меня было побольше, так ещё и оружием обзавёлся. Низкий отлетает на метр, плюхается на задницу и вытирает кровь с разбитой губы.

— Кабзда вам, — произносит с хрипотцой. — Бей их, парни.

Никита срывается с места одновременно со мной. Отлично сработано.

Второй старшекурсник, здоровяк с бычьей шеей, летит на меня. Я ухожу в сторону и еле пропускаю его кулак мимо лица. Было близко, но не попал.

Удар по селезёнке, подсечка. Бугай падает, теряя равновесие. Я не успеваю его добить — третий, тот самый, который угрожал Никите, уже рядом. Его нога летит в мой корпус, но я отступаю к другу.

— Меняемся! — кричу.

Никита молча кивает. Перехватывает парня, заходя в клинч, ногами больше не помашет. Я разворачиваюсь к первому, который уже поднялся. Губа разбита. Глаза злые.

Он бьёт правой. Решаю принять на предплечье. Больно, но терпимо. Они явно сильнее обычных людей.

— Слева! — Сима.

Боковой удар первого летит мне в лицо. Но я успеваю вовремя поставить поднос на защиту. Кулак врезается в него, оставляя приличную вмятину. Слышу хруст и короткий вскрик. Отбрасываю поднос.

Никита работает локтями. Коротко, жёстко. Аристократ, а машет как уличный боец. Второй старшекурсник складывается пополам. Никита добивает коленом. Нокаут. Минус два.

Я хватаю третьего за шиворот и впечатываю в стол. Последний поднос летит на пол. Каша разлетается.

— Пригнись! — кричит подруга.

Пригибаюсь. Не повезло. Первый, которого я выписал из бойцов, достаёт меня по рёбрам. Следующий — в солнечное сплетение. Дыхание сбивается. Но я успеваю отпрыгнуть.

— Рома! — Никита уже рядом.

— Давай! Немного осталось.

Мы стоим спина к спине. Троица нас окружает. Побитые, лица залило кровью из разбитых губ и носов.

— Не в первый раз, да? — хриплю.

— Ты идиот, — отвечает Никита. Но я слышу улыбку в его голосе.

Они бросаются все сразу. Мы двигаемся. Я — влево, он — вправо. Решаем добить одного. Моя ладонь на инстинктах летит в кадык, но одергиваю себя, это смертельный удар, а тут не драка насмерть, сжимаю в кулак и целюсь в челюсть. Локоть Никиты — в солнечное сплетение. Тот же, что бил меня по рёбрам, падает. Надеюсь, не встанет.

Никита сразу подсекает следующего. И я, не медля, ловлю его в полёте лицом на своё колено. Готов.

— Сзади! — то ли Сима, то ли Никита, не разобрал.

Не оборачиваясь, пригибаюсь. Кулак пролетает сверху. Я хватаю его и перебрасываю бугая через себя. Он ударяется о пол, теряя весь воздух в лёгких.

— Красиво полетел, — замечает Сима. — К дождю, наверное.

— А то. — Делаю короткий вздох, переводя дыхание. — Всё. Не отвлекайся.

— Так а чего? Все, кончились противники, — резонно замечает подруга.

Тишина.

Столовая у нашего стола разгромлена. Скамейки перевёрнуты. Каша на полу. Кровь на лицах трёх старшекурсников, валяющихся на полу.

Я стою. Тяжело дышу. Рёбра ноют. Никита подходит и кладёт руку мне на плечо. Губа разбита, но он улыбается.

— Неплохо, — вытирает лоб. — Постарался на славу.

— Взаимно.

Мы с Никитой присели на последнюю целую скамейку в попытке отдышаться. Чайник с кофе, который каким-то чудом уцелел в нашей схватке, оказывается у меня в руках, и я отпиваю прямо из горла. Протягиваю Никите.

Тот, посмотрев на мой жест, сначала задумывается, но затем выхватывает его у меня и повторяет мой жест. Правильно, чего смущаться-то.

Из глубины столовой раздаются шаги, и наконец к нам подходят офицеры, из тех, которые крикнули нам про пра-

вила. Тоже трое. Спокойные, словно ждали развязки шоу. Один из них достает блокнот и делает пометку, смотря на меня.

— Достаточно, — говорит старший, судя по нашивкам. Голос спокойный, но в глазах вижу одобрение. — Драка окончена. Вы победили, молодцы.

Мы не двигаемся.

— Правила усвоили? — вопросительно поднимает бровь

— Попробуй тут не усвоить, — бурчит Никита. — Характер проверяли?

— Ага. — Он утвердительно хлопает в ладоши. — Но убраться тут придётся, — уточняет он, смахивая пылинку с рукава. — Вот с этой компанией. — указывает на валяющихся ребят — В столовой должен быть порядок.

Старшекурсники поднимаются. Что удивительно, вообще не злые. Улыбки играют на их лицах. Мы с Никитой переглядываемся. Он пожимает плечами.

— Как скажете, — говорю я.

Старший смотрит на меня. Затем кивает и, разворачиваясь, уходит со своими людьми, но, сделав пару шагов, останавливается и произносит:

— Как закончите, зайдите к Громовой. Она будет вас ждать.

На его место встаёт тот самый парень, который и начал эту заварушку.

— Хрена вы, парни… — хрипит он. — Львы, ей-богу. Вы

на нас не обижайтесь. Тут так принято. Но давненько нас не били. — Он хрустит плечом.

И как оно? — на остатке адреналина спрашиваю резко — Понравилось?

Тот бессовестно кивает и улыбается.

— А то. Это ж такой опыт. — отмахивается он — Скоро вы поймете что любая тренировка не лишняя. Да и мы сами через такое прошли. —морщится, видимо, от воспоминаний — Громова любит смотреть, как новичков задирают. Говорит, сразу видно, у кого потенциал есть.

— Я Дима, эти двое — Кирилл и Ахмед. — Указывает на остальных своих ребят. — Мы сейчас в медпункт сходим и вернёмся. Вы не против?

— Да идите уж, — отмахивается Никита. — Проверяльщики.

***

Анатолий Книжников брёл по заснеженным улицам Якутска, заворачиваясь в украденный у кого-то плед. Он не знал, куда идет, но знал направление.

Используя свою способность к подчинению чужой воли, он смог спрятаться в багажном отсеке дирижабля, отлетающего из Москвы. Его память плыла; он не ел уже несколько дней. И вот, забредя в переулок, где свет был только от мигающей лампы, он нарвался на проблемы.

Удар ногой отбросил его к стене. Сил не было даже для того, чтобы подняться. Но нож у его шеи немного привёл его

в чувство, и взгляд его впервые за последнюю неделю стал осмысленным.

Бородатый мужик, от которого несло кислятиной и перегаром, что-то пытался до него донести:

— …Я тебя спрашиваю. Ты откуда тут нарисовался? — от него пахнуло прямо в лицо Толе. — Есть на чо выпить? А?

— Нет, — прохрипел бывший Чтец пересохшим горлом. — Всё спустил, чтобы добраться сюда. Отпусти, а?

Два алкоголика лишь рассмеялись над его просьбой. Тот, что стоял в отдалении, прокуренным голосом сказал:

— Ну раз нет, то мы тебя продадим. Выглядишь вроде целым, — он сделал затяжку и нагло ухмыльнулся. — За тыщу пойдёшь на органы. Может, за две, если босс расщедрится.

Анатолий только сейчас понял, что он крупно попал. Отбиться он не сможет. Он полез в карман куртки, но тот с ножом жёстко остановил его руку. Сам сунул руку к нему в карман и достал хороший кошелёк, в котором были последние сбережения психоника.

— Ты посмотри, Кудрявый, — резко встал он и ударил чтеца ногой под рёбра. — Этот дурить нас вздумал. — Опять удар по скрутившемуся в вонючем переулке чтецу. — Деньги были, а отдавать не хотел.

— Э, Ржавый, ты товар-то не порть, — потушил окурок Кудрявый и сел на корточки перед Анатолием, поднял его за волосы одной рукой. — Нам же заплатят меньше.

Но психоник не чувствовал ничего. Он просто смотрел

мёртвым взглядом на поднявшего его Кудрявого, а в его мыслях крутилась одна и та же фраза:

— «Опять, опять, опять… — размышлял он. — Опять я пешка в чужих руках. Опять меня хотят использовать. Опять меня хотят продать за копейки. Опять посадить в клетку».

Это было последним, о чём он подумал.

Чтец поднял руку и мягко коснулся лица Кудрявого, которое было в сантиметре от его собственного. Как вор, он вошёл в открытую дверь сознания старого бандита. Он не ломал. Он гладил. Он нашёл его страх. Тот самый — глубокий. Детский. И надавил.

Кудрявый замер. Глаза расширились. Рука, державшая его за волосы, задрожала, но не разжалась, следуя ментальному приказу.

— Ты… — прошептал он. — Что…

Чтец не ответил. Он проник глубже. Нашёл любовь — старую и единственную чистую у грабителя за всю его жизнь. И исказил её. Заставил поверить, что Кудрявый собственными руками убил её в приступе ярости.

Кудрявый заорал. Но не смог отшатнуться. Его разум уже был под контролем сломанного псионика. Он не хотел этого. Правда, не хотел. Но выбора не было. Он выжил. А выживание — это цепочка. И он тянул её.

— Убей его, — прошептал чтец свой первый приказ, но это далось тяжело. Кровь брызнула из его носа, и на мгновение потемнело в глазах. Но сквозь эту темноту он наконец

почувствовал то, чего так желал. Власть.

Кудрявый встал. В его глазах стояли слёзы от только что пережитого ужаса, но взгляд больше не выражал собственную волю. Только волю его нового хозяина. Только волю Чтеца.

Анатолий с трудом поднялся, не обращая внимания на крики двух бывших партнёров за спиной. Выдохнул пар изо рта. И посмотрел на стену, огораживающую аномальную зону. В его глазах не осталось ни грамма тепла. Только лёд, подобный тому, которого было достаточно вокруг, и ясность. Ясность того, что он больше не подчинится. Никому. Никогда.

Крики затихли, и к нему подошёл Кудрявый. Весь в крови. Несколько ножевых ранений в теле не мешали ему следовать воле своего нового господина. Без слов он упал на колени перед Чтецом. Кровь из его ран стекала на снег, окрашивая его в алый. Позади них валялся труп Ржавого, которого по приказу прирезал его товарищ.

— Веди

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.